

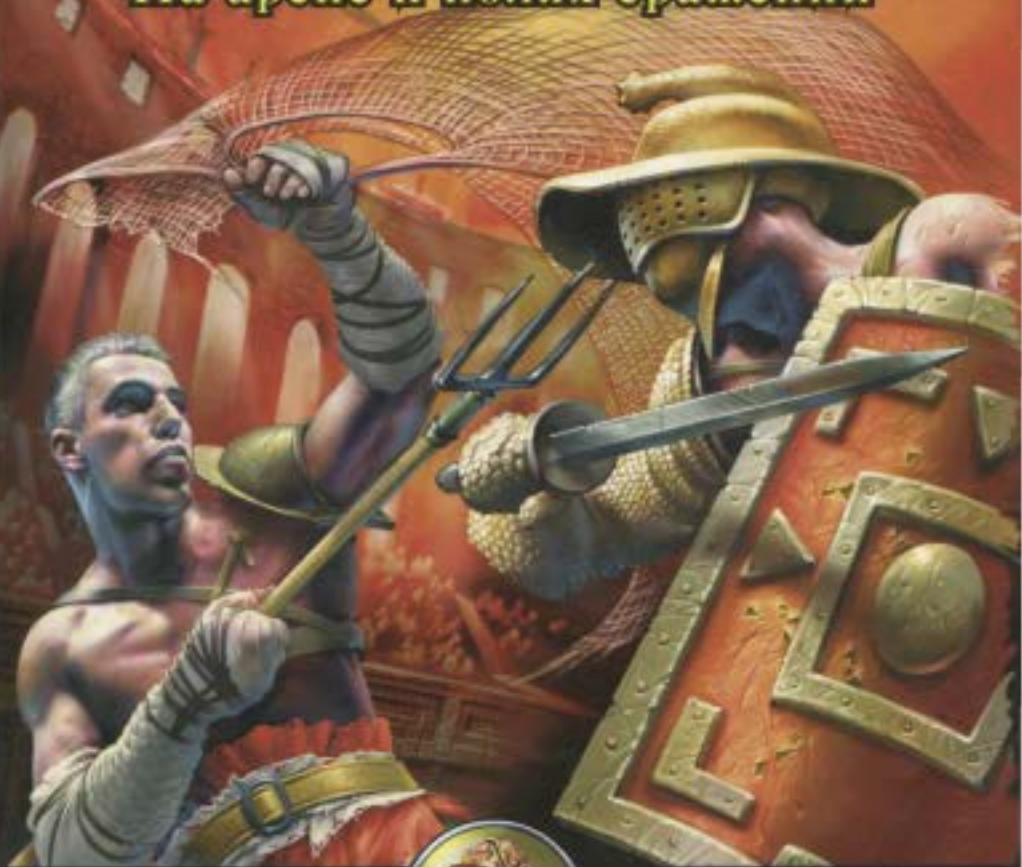
ВЛАДИМИР
ГОРОНЧАРОВСКИЙ

ГЛАДИАТОРЫ В БОЮ

На арене и полях сражений

ГЛАДИАТОРЫ В БОЮ

ВЛАДИМИР ГОРОНЧАРОВСКИЙ

ВЛАДИМИР
ГОРОНЧАРОВСКИЙ

ГЛАДИАТОРЫ В БОЮ

На арене и полях сражений

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКМО»
2008

Оформление художника *П. Волкова*

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *И. Варавина*

Введение

Горнчаровский В. А.
Г 67 Гладиаторы в бою. На арене и полях сражений. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. — 320 с. — (Войны Древнего мира).

ISBN 978-5-699-26207-6

Образ гладиатора давно стал одним из символов древнеримской цивилизации, а колоссальные развалины Колизея — главным памятником величайшей Империи в человеческой истории.

Однако первые гладиаторские бои состоялись в Риме задолго до строительства этой грандиозной арены.

Изначально поединки гладиаторов проводились на поминках, чтобы умиловить и повеселить души усопших, а пролитая на арене кровь считалась жертвой в честь покойного. Но со временем эти бои потеряли свой сакральный смысл, став кровавым развлечением, любимым зрелищем римлян — как черни, так и знати. На гладиаторские игры тратились огромные деньги. Наградой победителю служила пальмовая ветвь, получение которой отмечалось даже на надгробных стелах, а лучшему из лучших вручали деревянный меч (рудис) — символ свободы.

Впрочем, был и другой способ обрести свободу. Именно гладиаторы подняли и возглавили величайшее восстание рабов, потрясшее основы Римской Республики. Могучему Риму потребовалось более двух лет и предельное напряжение всех сил, чтобы разгромить армию легендарного Спартака, имя которого наводило ужас даже на непобедимые римские легионы...

Новая книга Владимира Горнчаровского — подробный и увлекательный рассказ о кровавом ремесле гладиаторов, об их обучении и вооружении, воинских обычаях и различных стилях боя, наградах и наказаниях, о стоимости бойцов и их шансах уцелеть, об их жизни и смерти — как на арене, так и на полях сражений.

ББК 63.3

© Горнчаровский В. А., 2008
© ООО «Издательство «Яуза», 2008
© ООО «Издательство «Эксмо», 2008

ISBN 978-5-699-26207-6

Кто не слышал о гладиаторах? С самого детства по многочисленным фильмам и книгам у нас сложился в этом отношении вполне определенный образ. Формирование его в России началось, по крайней мере, с последней трети XVIII в., когда просвещенные люди начинают знакомиться с переводами трудов ряда римских историков и становятся широко известными находки в 1766 г. предметов гладиаторского вооружения в Помпеях. Кстати, в том же году по случайному совпадению была поставлена знаменитая в свое время трагедия Сорена «Спартак», обратившая на себя всеобщее внимание. С этого времени у передовых европейских исследователей, особенно в годы Великой Французской революции, стало модно пользоваться именем Спартака как аргументом в борьбе против феодальной тирании. В 1827 г. французский скульптор Фуатье вылепил статую Спартака, которая имела столь блестящий успех, что ее выставили в королевском дворце Тюильри, но вскоре из-за необычайного наплыва посетителей сняли ради сохранения общественного спокойствия. Немалое восхищение многих знатоков искусства древности вызывала тогда обнаруженная еще в 1622 г. при раскопках на вилле Людовизи в Риме статуя так называемого «Умиряющего

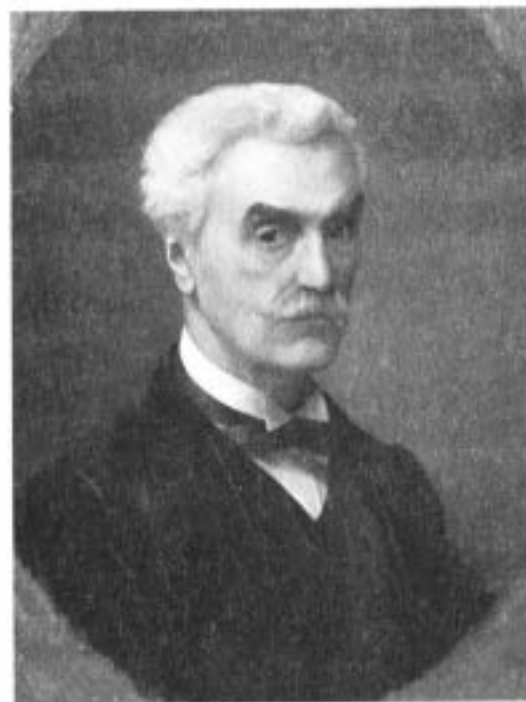
гладиатора». Впрочем, как выяснилось позднее, она оказалась римской копией творения одного из греческих мастеров, работавших в конце III в. до н. э. в Пергаме, столице эллинистического царства, занимавшего западную часть Малой Азии, и изображала вовсе не гладиатора, а побежденного варвара-галата.¹ Тем не менее, именно эта скульптура, представляющая приподнявшегося в последнем усилии полулежащего воина, вдохновила М. Ю. Лермонтова на создание стихотворения «Умиравший гладиатор»:²

Ликует буйный Рим... торжественно гремит
 Рукоплесканьями широкая арена:
 А он – пронзенный в грудь – безмолвно он лежит,
 Во прахе и крови скользят его колена..
 И молит жалости напрасно мутный взор:
 Надменный временщик и льстец его сенатор,
 Венчают похвалой победу и позор..
 Что знатным и толпе сраженный гладиатор?

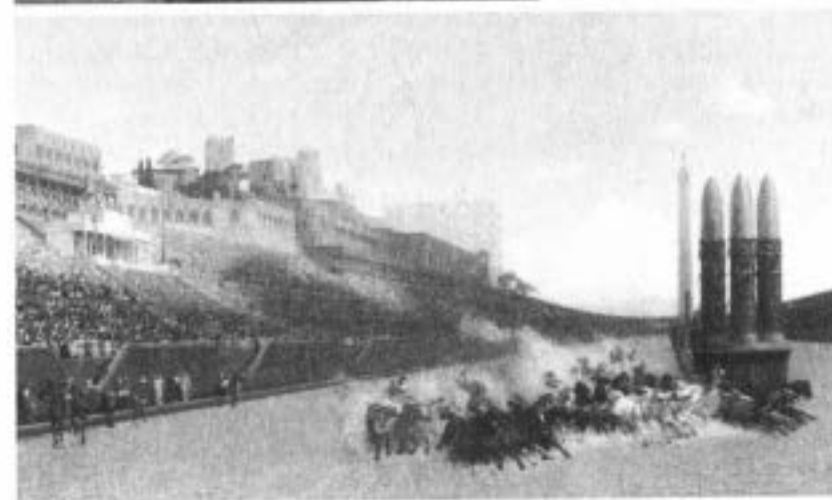
Вновь о гладиаторах и Спартаке вспомнили в середине XIX в. на волне подъема революционного и национально-освободительного движения в Европе. Особое впечатление героическая борьба рабов под предводительством Спартака производила на фоне развернувшегося под началом Дж. Гарибальди движения за объединение Италии. Именно тогда в 1861 г. Карл Маркс, перечитав «Гражданские войны» Аппиана, в своем письме к Энгельсу дал такую характеристику вождю восставших рабов: «Спартак является самым лучшим человеком всей древней истории. Крупный полководец (не Гарибальди), благородный характер, истинный представитель древнего пролетариата».

¹ Havelock C.M. Hellenistic Art. N.-Y., 1968. P. 146, 147. Fig. 142.

² Лермонтов М. Ю. Соч. Т. 1. М., 1988. С. 151, 152.

Жан-Леон Жером.
 Автопортрет.
 1886 г.

Жан-Леон Жером. Большой цирк. 1876 г.

*Иллюстрация С. Бродского к роману Р. Джованьоли
«Спартак» (издание 1978 г.).*

Сцена из балета «Спартак»

*С. М. Степняк-
Кравчинский – первый
переводчик на русский
язык романа
Р. Джованьоли
«Спартак».
Фотография 1889 г.*

Во все исторические романы второй половины XIX в., воссоздающие историческую обстановку позднереспубликанского или императорского Рима, обязательно включались сцены в амфитеатре. Достаточно вспомнить «Бен Гура» Л. Уоллеса (1827–1905) или «Камо грядеши?» Генрика Сенкевича (1846–1916). Правда, гладиаторские игры в чистом виде здесь отступают на задний план перед конфликтом добродетельных христиан и коварных язычников. Более адекватное отражение эта тема нашла в творчестве европейских художников, принадлежавших к такому течению, как помпьеризм. Его последователей в шутку называли «пожарниками» из-за любви к сюжетам, связанным с блеском гладиаторских шлемов, по аналогии с пожарными касками. Наиболее последователен в данном отношении был французский художник Жан-Леон Жером (1824–1904), стремившийся на своих полотнах детально воссоздать исторические реалии зрелищ Древнего Рима. Его произведения, проникнутые атмосферой тех далеких времен, порой, напоминают кадры, взятые из масштабных исторических кинофильмов: «Здравствуй Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя!», «Повернутые пальцы», «Большой цирк», «Мирмиллон», «Ретиарий», «Выход хищников на арену», «Последняя молитва христианских мучеников», «Рынок рабов в Риме».

Широкий интерес отечественной публики к римским гладиаторам вспыхнул после публикации в журнале «Дело» (1880–1881 гг.) перевода на русский язык великолепного романа итальянского писателя Р. Джованьоли «Спартак». Эта книга впервые увидела свет в 1874 г., вскоре после завершения процесса объединения Италии, в котором автор под руководством Дж. Гарибальди принимал самое непосредственное участие. Русский перевод был выполнен профессиональным революционером С. М. Степняком-Кравчинским и способствовал формированию в России романтических представлений о гладиаторах и их вожде, поднявшем на восстание против

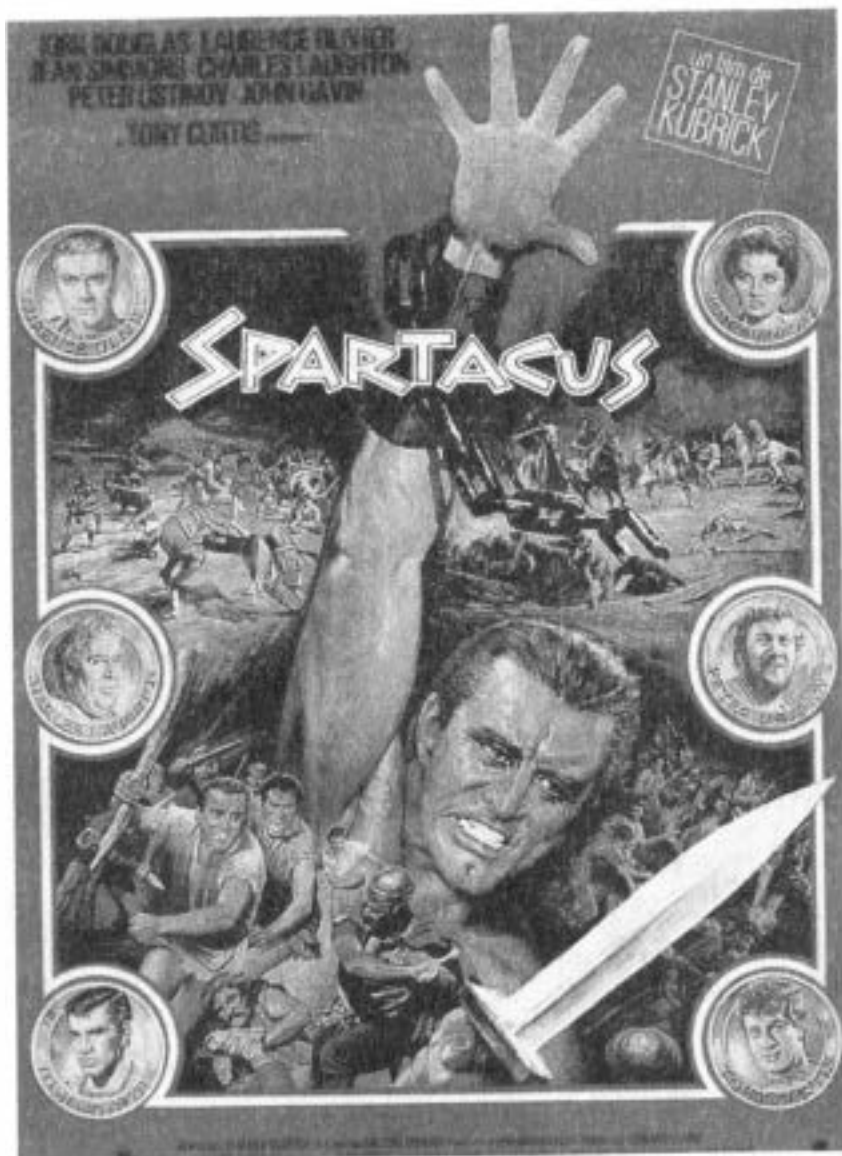

*«Умиравший гладиатор».
Римская копия с оригинала конца III в. до н. э.*

*Кадр из фильма «Гладиатор»
английского режиссера Ридли Скотта*

Афиша фильма «Спартак»
(1960) режиссера Стенли Кубрика

могущественного Рима тысячи рабов. Впрочем, теперь редко кто перечитывает написанный более ста лет назад роман о Спартаке. Скорее, с величественной фигурой Спартака и его сподвижников сталкиваются те, кто посещает балетные постановки известного музыкального произведения Арама Хачатуряна, с 1956 г. ставшего «частым гостем» на лучших сценах мира. Остался в прошлом и на шумевший когда-то одноименный фильм 1960 г.,¹ поставленный известным американским режиссером Стенли Кубриком (1928–1999 гг.). На производство широкоформатного «Спартака» была затрачена астрономическая по тем временам сумма в 12 млн. долларов, и в немалой степени своим рождением эта картина, получившая четыре «Оскара», была обязана знаменитому актеру Керку Дугласу, не только исполнившему главную роль, но и выступившему в качестве генерального продюсера. Позднее он вспоминал об этом периоде, когда голливудские профсоюзы пошли в решительную атаку на киномагнатов, что его «привлекала ситуация, когда в центре повествования находится человек, расшатывающий систему и погибающий по ходу дела».² «Спартак» стал одной из немногих американских кинолент, оказавшихся тогда в советском кинопрокате, чему способствовала сама тема, связанная с идеей борьбы против общества угнетателей, и использование в качестве сценарной основы романа писателя-коммуниста Г. Фаста. В любом случае, благодаря этому наши зрители смогли увидеть впечатляющие сцены жизни гладиаторов и их выступления на арене.

У представителей современной молодежи больший отклик нашла история ставшего гладиатором полковод-

¹ Это был уже не первый фильм о Спартаке: первооткрывателем в данном отношении в 1952 г. выступил итальянский режиссер Риккардо Фреда (1909–1999).

² Рокотов В. Голливуд. От «Унесенных ветром» до «Титаника». М. 2001. С. 137.

ца Максима,¹ представленная на экране английским режиссером Ридли Скоттом (2000 г.). Его фильм «Гладиатор» побил многие рекорды по кассовым сборам (около 457 млн. долларов) и получил пять премий «Оскар». Впервые главный герой не вызывал отторжения и осуждения гладиаторских игр. Линия его поведения хорошо выстроена в соответствии с «кодексом чести» тех, кто реально выступал на арене: мужественно встречать удары судьбы и сражаться до конца. Этот фильм действительно впечатляет хорошо подобранным актерским составом, масштабными съемками батальных сцен и возможностями использования компьютерных технологий. К сожалению, историю по нему изучать нельзя: слишком далек он оказался от реалий императорского Рима.

Приведем хотя бы несколько примеров. Почему-то, когда Марк Аврелий вспоминает о своем правлении, то говорит о 25 прошедших годах, хотя, как известно, пребывал на императорском троне 19 лет. На самом деле, никто его не душил – он умер от чумы недалеко от германской границы в городе Виндобона (совр. Вена). Император Коммод в действительности правил не несколько месяцев, а 12 лет, и погиб гораздо прозаичнее, а не на арене амфитеатра. Естественно, никакой римской провинции Зуккабар, где Максим оказался в роли гладиатора, никогда не существовало. Весьма странно еще одно обстоятельство: по фильму получается, что один из ведущих полководцев империи, хорошо знакомый с ситуацией в Риме, попадая в Колизей, видит его в первый раз. Далее устроитель игр произносит: «Встречайте легионе-

¹ Хочется подчеркнуть, что имя этого персонажа в русском дубляже нужно было в силу сложившейся в отечественной литературе традиции произносить именно таким образом. То же относится и к другим именам – не Коммодус, а Коммод. Вот с Марком Аврелием, видимо, по причине большей его известности – все-таки «философ на троне» – в переводе все в порядке.

ров Сципиона Африканского!», а на арену вылетают колесницы с какими-то амазонками. Оружие и доспехи иногда явно заимствованы из реквизита к другим историческим фильмам или являются плодом фантазии режиссера, например, странные двойные арбалеты в сцене «битвы при Заме». Кстати, показанные в этом, да и в других эпизодах фильма стремена были изобретены несколькими столетиями позднее. Противоречит истине и отсутствие какой-либо специализации в отношении профессионалов, выступавших на арене: главный герой сражается то со своими собратьями по оружию мужского пола, то с женщинами-гладиатрисами, то с тигром.

Какими же на самом деле были эти «люди меча», сражавшиеся и умиравшие на аренах амфитеатров во всех концах необъятного Римского государства, как велась подготовка впечатляющих кровавых зрелищ, какое оружие при этом использовалось, какую роль сыграли гладиаторы в политических событиях римской истории и на полях сражений? В предлагаемой вниманию читателя книге мы попытаемся ответить на эти и многие другие вопросы, а также избавиться от определенных штампов относительно гладиаторских игр, кочующих из издания в издание.

1. Кровавые погребальные игры как «долг смерти»

Прежде, чем перейти к истории появления в Древнем Риме гладиаторских игр (лат. *ludi gladiatorii*), попробуем разобраться с термином «гладиатор». В различного рода словарях и энциклопедических изданиях по этому поводу обычно написано то, что мы определим как штамп 1: *гладиаторами были «рабы, военнопленные и другие лица, которых заставляли сражаться на арене цирка между собой или с дикими зверями»*.¹

Но так ли это? По латыни *gladius* – это меч, соответственно гладиатор – человек, вооруженный мечом, но, в данном случае имелись в виду те, кто вступал в поединки, нередко со смертельным исходом, перед зрителями для их развлечения. Собственно, возражений применительно к выделенной фразе всего три: 1) среди гладиато-

¹ См., напр., *Военный энциклопедический словарь*. М. 1983; *Ожегов С. И. Словарь русского языка*. М., 1985. Это определение попало и в статью «Гладиаторы» расходящейся огромными тиражами на CD электронной «Большой энциклопедии Кирилла и Мефодия», которая в аннотациях преподносится как «самое востребованное энциклопедическое издание на отечественном рынке».

ров были и в прошлом свободные люди, вступившие в их ряды добровольно; 2) их выступления проходили, главным образом, в амфитеатрах, а не в цирках; 3) борьба с дикими зверями являлась профессией венаторов¹ (подробнее о них ниже), и к гладиаторам их можно отнести только в расширительном смысле этой категории людей, выступавших на арене.

Сражения, в которых принимали участие гладиаторы, носили название «мунус» (мнж. «мунера») от латинского «долг», «обязанность», первоначально понимавшегося как долг живого по отношению к умершему. Здесь мы вплотную подходим к проблеме их возникновения. До недавнего времени *общим местом в работах, посвященных гладиаторским боям, было утверждение об их заимствовании из этрусского погребального обряда* (штамп 2). В основе этого заблуждения лежит высказывание раннехристианского писателя Тертуллиана (около 150–230 гг.)² из его сочинения «О зрелищах», которое гласит, что первоначально гладиаторские игры у этрусов были погребальными, заменившими собой человеческие жертвы в память об умершем. Он утверждал, что римляне переняли эти и прочие игры, когда начали приглашать к себе этрусских мастеров (Tertul. De spect. 5. 6). Вскользь, цитируя историка Николая Дамаского (64 г. до н. э. – нач. I в. н. э.), о влиянии этрусов на гладиаторские бои у римлян упоминает и такой известный автор, как Афиней, живший на рубеже II–III вв. (Athen. IV. 153). Долгое время этрусское происхождение гладиаторских игр было аксиомой любого исследования на эту тему. Однако ни на фресках этрусских гробниц, ни в росписи ваз, ни в произведениях мелкой

¹ Разъяснение этого и других терминов см. в соответствующем словаре в конце книги.

² Если дата не снабжена указанием «до н. э.», значит, она относится ко времени нашей эры.

пластики мы не встретим ничего, что могло бы надежно подтвердить эту точку зрения. Игровой момент в связи с погребальным обрядом присутствует только на так называемой фреске Персу 540–520 гг. до н. э. из Тарквиний, где мужчина, вооруженный палкой, отбивается от собаки, тогда как другой персонаж в маске с надписью «Персу» дразнит ее,¹ но здесь нет никакого вооруженного противостояния. У этрусков отмечен только обычай приносить в жертву пленников на похоронах лучших воинов, павших в бою. Например, известно, что в 357 г. до н. э. жители этруского города Тарквинии принесли в жертву душам погибших 307 пленных римских воинов (Liv. VII. 15. 11). Они верили, что приношение свежей крови придает покойному силы для вступления в загробную жизнь. К этому времени относятся росписи этруской гробницы в Вулчи, открытой еще в 1857 г., где нашли свое отражение эти мрачные погребальные убийства. На стенах гробницы были обнаружены неплохо сохранившиеся серии сцен, объединяющиеся в два цикла – мифологический и исторический, связанные насильственным содержанием. Первый из них представляет принесение Ахиллом в жертву пленников на могиле его друга Патрокла под Троей. Сразу вспоминаются относящиеся к этому сюжету строки «Илиады», когда знаменитый ахейский герой произносит следующие слова (Ном. II. XXIII. 19–20):

«Радуйся, храбрый Патрокл! и в Аидовом радуйся доме!
Все для тебя совершаю я, что совершить обрекался:
Гектор сюда привлечен и повергнется псам на терзание;
Окрест костра твоего обезглавлю двенадцать славнейших
Юных троянских сынов, за смерть твою отомща!»

Особенно впечатляет та часть фрески, где Ахилл в сопровождении тени Патрокла готовится перерезать гор-

¹ Паолуччи Ф. Гладиаторы: обреченные на смерть. М., 2007. С. 10.

ло троянскому пленнику. Слева за происходящим наблюдает Ванф – женский демон загробного мира, олицетворение смерти, а справа занес свой молот другой зловещий демон Харун, чтобы навсегда избавить душу жертвы от телесной оболочки и проводить ее в царство мертвых. Второй цикл росписей изображает сражение, в котором доблестные этруские воины наносят поражение римским солдатам.¹

Человеческие жертвоприношения, связанные с погребальными обрядами, практиковались у многих народов древности, но для того периода, о котором идет речь, подобные вещи, например в Греции, давно были далеким прошлым. Наиболее поздний из известных исторических примеров связан с крупнейшим морским сражением греко-персидских войн, состоявшемся в проливе у острова Саламин в 480 г. до н. э. На рассвете перед битвой к Фемистоклу, предводителю афинян, привели трех знатных персидских пленников, очень красивых собою, роскошно одетых и украшенных золотом. Прорицатель «велел ему обречь на жертву юношей и, помолившись, всех их заклать Дионису Оместу» (т. е. Кровожадному – В. Г.): в таком случае будет эллинам спасение и победа. Плутарх рассказывает, что «Фемистокл пришел в ужас от этого страшного, чудовищного пророчества. Но, как обыкновенно бывает при большой опасности, в трудных обстоятельствах, толпа ожидает спасения больше от чего-то противоречащего рассудку, чем согласного с ним: все в один голос стали взывать к богу и, подведя пленников к алтарю, заставили, как приказал прорицатель, совершить жертвоприношение» (Plut. Them. 13). В IV в. до н. э. философ Платон уже упоминает о таких ритуалах как о варварском обычае. Впрочем, на окраинах античного мира подобные традиции могли сохраняться долго,

¹ Этруски: итальяское жизнелюбие. М., 1998. С. 140–141.

особенно среди населения, удаленного от крупных городских центров.

Сейчас есть все основания полагать, что идея проведения смертельных поединков во время погребальных игр зародилась не к северу от Рима, на земле Этрурии, а к югу от него, в области Кампания, по соседству с территорией воинственного племени самнитов. Судя по всему, именно там обычай приносить в жертву людей во время погребальных обрядов был заменен боями между предполагаемыми жертвами, чтобы развлечь гостей погребальной церемонии или по каким-либо религиозным причинам. Там же впоследствии размещались наиболее ранние из прославленных гладиаторских школ. Изменения в наших представлениях о родине гладиаторов связаны с открытием в Пестуме (Посейдонии), к югу от Неаполя, фресок со сценами поединков, датирующихся 370–340 гг. до н. э. Сам город был основан в 524 г. до н. э. выходцами из греческого Сибариса в Южной Италии, но спустя сто лет луканы лишили его прежней самостоятельности и переименованный в Пестум, он большей частью утратил эллинский характер своей культуры. Итак, в пестумских фресках наряду с изображениями фигур скорбящих женщин, состязаний на колесницах и кулачных боев имеются сюжеты, связанные с кровавыми схватками копьеносных воинов со шлемами и щитами,¹ о социальном статусе которых мы, к сожалению, ничего не знаем. Следующим по времени свидетельством является сообщение историка Тита Ливия о решительной победе, которую римляне одержали над самнитами в 308 г. до н. э. Но если римляне ограничились использованием трофейного вражеского оружия для украшения своего форума, то их союзники-кампанцы «обрядили в эти доспехи гладиаторов, дававших

¹ *Junkelmann M.* Das Spiel mit der Tod. Mainz am Rhein, 2000. S. 33; *Носов К. С.* Гладиаторы. СПб., 2005. С. 11.

представления на пиршествах, и прозвали их «самнитами» (Liv. IX. 40.17). Отсюда вполне логично следует вывод о том, что гладиаторы к тому времени уже были хорошо известны в этой области Италии. Скорее всего, и римляне, и этруски почерпнули свои первые впечатления о них из одного источника после вступления в тесные военно-политические контакты с самнитами. Возможно, отражением этого знакомства стало название самого распространенного в республиканский период истории Рима типа гладиаторского вооружения – «самнит». На первенство Кампании в отношении развития гладиаторских игр указывает также тот факт, что здесь обнаружены относящиеся к концу II в. до н. э. остатки самых первых специальных сооружений для проведения зрелищных боев, которые вскоре начали называть амфитеатрами.

Итак, изначально поминки и кровавые поединки проводились как похоронный ритуал-искупление, чтобы умиловить и повеселить душу умершего. Нельзя не согласиться с жившим во второй половине II – начале III вв. христианским писателем Тертуллианом, который писал: «Остается поговорить о самом знаменитом и приятнейшем для римлян зрелище. Оно называется “долг” или “повинность”, что, в сущности, одно и то же. Древние считали, что этим зрелищем отдают долг усопшим, особенно когда стали более умеренны в своем варварстве. Прежде полагая, что души усопших можно умиловить пролитием человеческой крови, они на похоронах предавали закланию пленников или непокорных рабов, которых нарочно для этого покупали. Но потом решили этому кощунству придать вид увеселения, а потому завели обычай вооружать этих несчастных и, обучив их убивать друг друга, в день похорон выводить на поединок. Таково происхождение этой “повинности”. Умерщвляемые таким способом считались жертвой, приносимой в честь умерших родственников» (Tertul. De spect. 12. 2). Подобная традиция по аналогии

с Кампанией впервые появилась в Риме в 264 г. до н. э., когда Марк и Деций Бруты устроили на Бычьем форуме в Риме бои гладиаторов в память о своем отце (Liv. Epit. 16; Val. Max. II. 4.7), одним из самых богатых и уважаемых людей в городе. Двумя столетиями ранее именно его предок, Луций Юний Брут, возглавил выступление против царя-тирана Тарквиния Гордого и был избран на должность первого консула – самый высокий политический пост, существовавший в новоявленной Римской республике.

В своем завещании покойный оставил сыновьям большую сумму денег на оплату погребальной церемонии и покупку шести рабов, которые должны были сражаться парами. Поединки этих, как тогда говорили, бустуариев (от лат. *bustum* «погребальный костер») провели на площади, служившей скотном рынком предположительно на девятый день после кончины умершего, когда завершался установленный период скорби по усопшему и все религиозные церемонии, относящиеся к погребению. Выбор места, изначально лишнего какого-либо монументального величия, был не случайным. Во-первых, это открытое прямоугольное пространство, занятое обычно стойлами для скота, можно было легко освободить для сражений. Во-вторых, расположенные вокруг рынка торговые лавки и храмы обеспечивали удобными сидячими и стоячими местами людей, пришедших посмотреть на захватывающий бой. Можно представить себе, как предприимчивые владельцы лавок за определенную сумму громко предлагали зрителям места возле окон на верхних этажах своих заведений, а толпа граждан медленно размещалась по боковым сторонам площади или на ступенях храмов. Что касается самих участников вооруженных схваток, то сначала их экипировка, видимо, основывалась на принципе «кто во что горазд» и лишь со временем начали искать способы увеличить продолжительность поединков и сделать их более захватывающими.

В то время проведение погребальных игр преследовало две цели. Во-первых, согласно представлениям того времени, завещание покойного должно было тщательно выполняться, вплоть до мельчайших деталей, дабы его душа могла спокойно перейти в царство мертвых. Если какой-либо пункт завещания игнорировался, то призрак умершего человека мог вернуться и обрушить неудачи и кару на головы своих наследников, осмелившихся не выполнить свой священный долг. Второй целью, ради которой устраивали мунус, было желание продемонстрировать обществу значительность умершего и его семьи. Люди, которые устраивали роскошные похороны своим родственникам, могли быть уверены, что сограждане отметят их богатство и высокое положение. Это помогало им добиваться определенных успехов в политике и торговле.

Схватка, в которой приняли участие три пары воинов, показалась столь необычной и захватывающей, что была увековечена в городских анналах. Полвека спустя, в 216 г. до н. э., погребальные игры, данные на Форуме в память дважды консула Марка Эмилия Лепида тремя его сыновьями, продолжались уже три дня и на них выступило двадцать две пары гладиаторов (Liv. XXIII. 30. 15). С этого времени местом проведения гладиаторских боев становится именно Форум Романум – площадь, являвшаяся центром политической и культурной жизни города, что подчеркивало возросшее значение игр для римских граждан. Чтобы как можно больше людей могли увидеть происходящее, огромное пространство, на которое выходили почитаемые всеми храмы Сатурна, Диоскуров и Согласия, застраивалось ступенчатыми деревянными трибунами. Правда, прямоугольное пространство форума ограничивало для зрителей возможность наблюдать за зрелищем, да и максимальное количество мест здесь не превышало восьми тысяч.

Скоро римляне настолько привыкли к играм, что могли почтить ими умерших даже находясь далеко от

дома, в период военных действий. Так, в 206 г. до н. э. полководец Сципион (вскоре прозванный Африканским) в память об отце и дяде, погибших от рук карфагенян во Второй Пунической войне, организовал в Новом Карфагене, в Испании, серию поединков, в которых приняли участие местные жители. Как писал Тит Ливий, это были «не купленные на рынке рабы и не те свободные, что торгуют своей кровью. Вступали в поединок по доброй воле, и платы здесь не полагалось. Одних послали царьки – явить пример доблести, присущей их племени; другие вызвались сами из расположения к вождю; третьих ревность или противоборство побуждали вызвать соперника или не отказаться от вызова. Те, кто не мог или не хотел мирно покончить спорное дело, уговаривались решить его мечом: победитель получит то, о чем спорили». Вышли биться между собой даже два известных и знатных человека, двоюродные братья Корбис и Орсуя, которые претендовали на главенство в своем родном городе Ибисе. «Сципион хотел разобраться в их деле и успокоить разгневанных, но оба ответили, что уже отказали в посредничестве своим родичам; никто из богов и людей, кроме Марса, их не рассудит. Старший был сильнее, младший – цветущий юноша; оба предпочитали умереть, лишь бы не подчиниться другому. Разнять одержимых было невозможно; удручающее зрелище показало собравшемуся войску, как пагубна жажда власти. Старший, опытный и увертливый, легко одолел глупого юнца. После гладиаторских поединков даны были погребальные игры, какие можно было дать на деньги провинции и с лагерным оснащением» (Liv. XXVIII. 21. 1–10).

По-видимому, влияние римских традиций сказалось в распространении обычая проведения гладиаторских боев у соседних народов. В 218 г. до н. э. в Северной Италии у реки Тицин Ганнибал решил показать своим войнам зрелище, которое должно было воодушевить их перед битвой с римлянами. Он дал команду войску постро-

иться кругом и «вывел на арену связанных пленников из горцев, приказал бросить им под ноги галльское оружие и спросил их через толмача, кто из них согласится, если его освободят от оков, сразиться с оружием в руках с тем, чтобы в случае победы получить доспехи и коня. В ответ на это предложение все до единого потребовали, чтобы им дали оружие и назначили противника; когда был брошен жребий, каждый молился, чтобы судьба избрала его в бойцы, и те, кому выпал жребий, не помня себя от радости и среди всеобщих поздравлений торопливо хватали оружие с веселыми прыжками, как в обычае у этих племен; когда же происходил бой, воодушевление было так велико – не только среди их товарищей по неволе, но и повсеместно среди зрителей, – что участь храбро умершего борца прославлялась едва ли не более, чем победа его противника. Когда несколько пар таким образом сразилось, Ганнибал, убедившись в благоприятном настроении войска, прекратил зрелище» (Liv. XXI. 42. 1–4; 43.1).

В Сирии моду на проведение гладиаторских игр ввел царь Антиох IV Эпифан (215–163 гг. до н. э.), долгое время живший заложником в Риме и, вероятно, пристрастившийся там к подобного рода зрелищам. Вернувшись на родину в 175 г. до н. э. и захватив царский трон, он стал править суд «сидя на римский лад в кресле из слоновой кости» и по римскому же образцу начал устраивать гладиаторские игры, выписывая поначалу уже обученных бойцов из Рима – «сперва, скорее, к ужасу, чем к наслаждению непривычных зрителей, но потом частым повторением (и не только с ранениями, но и без пощады) добился того, что это зрелище стало привычным и приятным, и многих юношей приехало к военному делу» (Liv. XLI. 20. 11–13). Позднее подготовка гладиаторов была организована прямо в Антиохии – столице Антиоха IV.

Еще один пример связан с Вириатом, предводителем восстания племени лузитан, жившего на территории

современной Португалии, против власти Рима. После его гибели в 139 г. до н. э., как пишет Аппиан, у огромнейшего погребального костра воины принесли в его честь много жертв и, «разделившись на маленькие отряды, и пехотинцы, и всадники, во всем вооружении двигаясь вокруг костра, по варварскому обычаю пели песни, прославляющие его подвиги. И все находились около костра до тех пор, пока не погас огонь. Совершив погребение и насыпав могильный холм, они у могилы устроили гладиаторские бои» (App. Iber. VI. 72).

Постепенно практика устройства гладиаторских боев, видимо, стала привычной в отношении знатных римлян. Обычно инструкции, касающиеся организации похорон, заранее включались в завещание, обязательное выполнение которого для наследников было возможностью лишний раз продемонстрировать богатство и влияние своей семьи. Правда, иногда условия завещания выглядели несколько экстравагантно – например, пожелание, чтобы на погребальных играх дрались красивые девушки или мальчики из числа рабов (Athen. IV. 153), – и ставили наследников в затруднительное положение. В отдельных случаях завещания предусматривали повторение гладиаторских боев в определенные сроки и после погребения. В надписи из римского порта Остия указывалось, что в честь некой Эмилии Агриппины они должны были проводиться ежегодно.

С течением времени захватывающие зрелища гладиаторских поединков получили распространение по всей Италии и их начинают устраивать во все больших размерах: в 200 г. до н. э. на похоронах Марка Валерия Левина сражалось двадцать пять пар гладиаторов, в 183 г. до н. э. в честь покойного верховного понтифика Публия Лициния Красса – шестьдесят пар за три дня, в течение которых народ получал бесплатное угощение для всех желающих (Liv. XXXIX. 46. 2). В 174 г. до н. э. Тит Фламинин после смерти отца, прославленного и

*Фреска с изображением «игр Персу»
из этрусской гробницы VI в. до н. э. в некрополе Тарквинии*

Самнитские воины. Фреска начала IV в. до н. э. из Пестума

*Ахилл, приносящий в жертву троянского пленника
на могиле Патрокла. Фреска IV в. до н. э. из этрусской
гробницы в Вульчи*

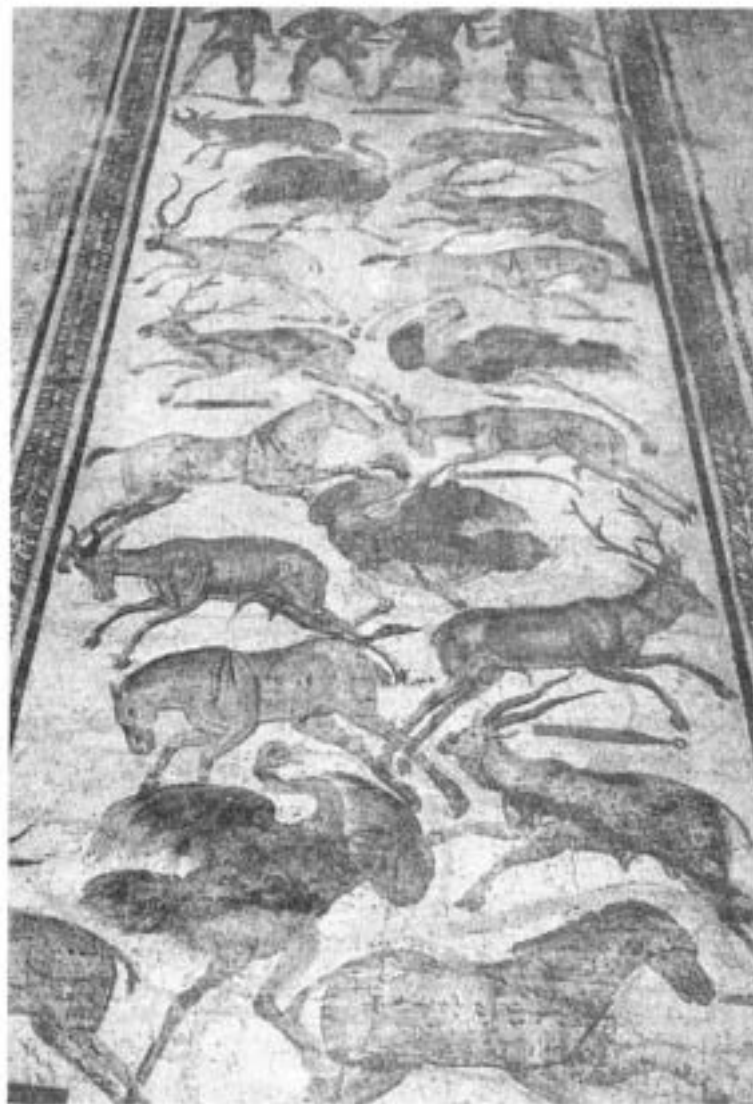

*Фреска с изображением поединков воинов
из гробницы середины IV в. до н. э. в Пестуме*

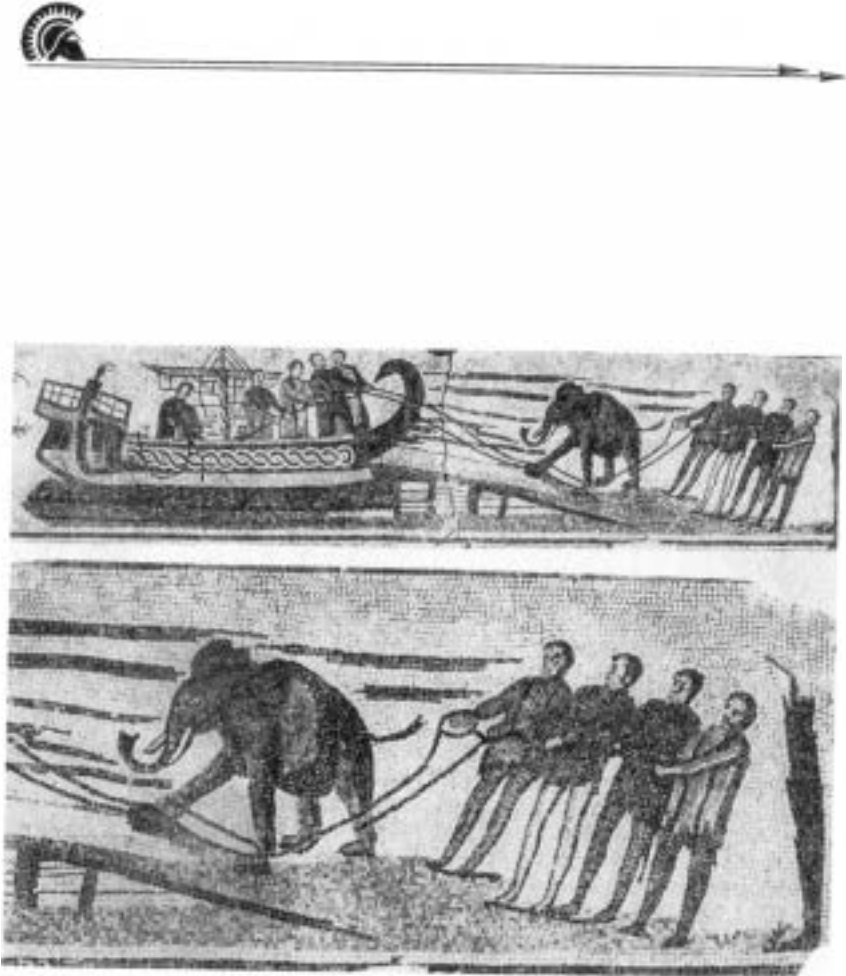

Поединок бустуариев на Бычьем форуме во время проведения погребальной церемонии

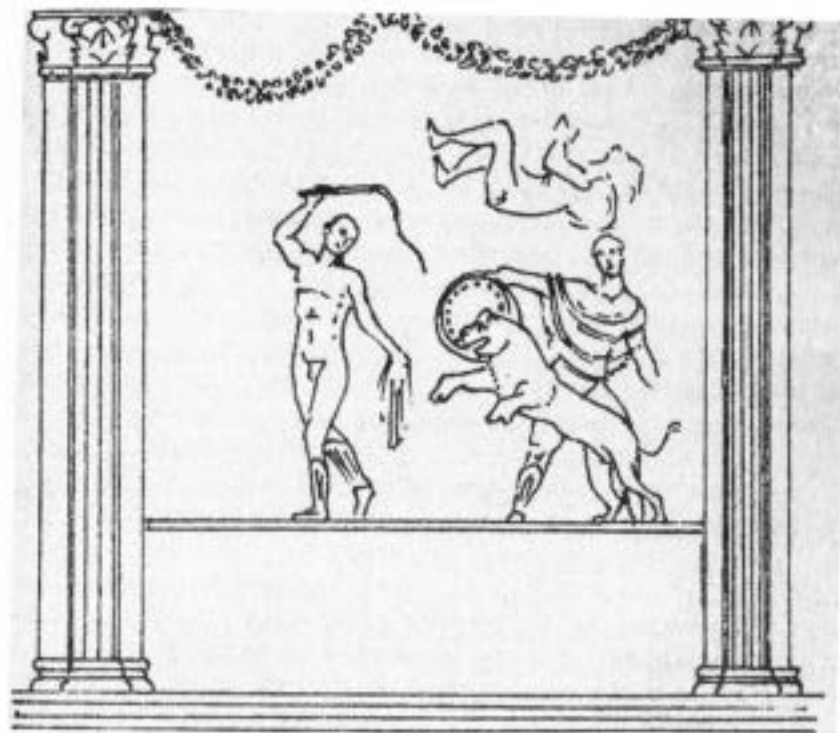

Мозаика с изображением страусов, антилоп, газелей, ослов и других диких животных, выпущенных на арену перед четырьмя венаторами

*Погрузка слона на корабль.
Мозаика первой половины IV в. и ее деталь*

Фреска с изображением бестиариев: один из них держит кнут и мапу, другой – диск с бубенцами, третий совершает прыжок над зверем

победоносного полководца, «освободившего» Грецию из-под власти Македонии, согласно завещанию, на протяжении трех дней выставил перед народом тридцать семь пар гладиаторов. Это внесло изменения в привычный ход гладиаторских боев. Впервые они возобладали над пиршеством, которому отвели всего один день, и стали основным элементом «мунера». К тому же, и проводились игры не во время похорон, а в декабре на праздновании Сатурналий, когда все население Рима не работало и могло наслаждаться представлением. Такое зрелище, сопровождавшееся раздачей народу мяса, бесплатным пиром для всех желающих и сценическими представлениями, считалось по тем временам высшим проявлением щедрости (Liv. XLI. 28. 11). Конечно, это только «вершина айсберга», поскольку несколько раз в году устраивались и более скромные гладиаторские сражения. В любом случае, по популярности они не имели себе равных. Римский драматург Теренций в прологе к своей великолепной комедии «Свекровь» вспоминал, как на ее первом представлении (164 г. до н. э.), когда в середине спектакля прошел слух, что с минуты на минуту «будут гладиаторы», театр сразу опустел, «народ полетел, крича, толкаясь, дерясь за места» и скоро там не осталось ни одного зрителя.¹ Именно в этот период слово «гладиатор» широко входит в лексикон римлян, поскольку основным оружием участников погребальных поединков становится использовавшийся римской пехотой гладиус – короткий, тяжелый меч с широким клинком и очень острым концом. В основном, этот меч, заимствованный у испанских воинов (*gladius hispanensis*), служил для нанесения колющих ударов в ближнем бою. Средствами защиты, скорее всего, служили только щит и шлем, ведь, по крайней мере, официальной целью игр по-прежнему оставались человеческие

¹ Сергеев М. Е. Указ.соч. С. 215, 216.

жертвоприношения в честь умершего, поэтому нужно было, чтобы раны несли смерть, а не просто увечье. Теперь «мунера» все чаще стали проводить на служившей центром деловой и религиозной жизни Рима его главной площади – Форум Романум, где хватало места для установки временных деревянных помостов с рядами зрительских сидений.

Постепенно в практику публичных зрелищ входит и демонстрация экзотических животных. Первый опыт подобного рода, по словам Плиния Старшего, относится к 251 г. до н. э., когда римляне смогли увидеть захваченных у карфагенян африканских слонов. За двадцать с лишним лет до того со слонами довелось столкнуться только участникам войны с эфирским царем Пирром (319–273 гг. до н. э.). Тогда, не зная с чем можно сравнить этих невиданных животных, они обозвали их «луканскими быками». Экзотические животные и птицы нередко выставлялись напоказ и в последующие десятилетия. Под 197 г. до н. э. упоминается демонстрация народу страусов. Тогда же начинают проводить травли зверей, часто сочетавшиеся с гладиаторскими боями.

Первая «охота» на «зубастых хищников» – львов, тигров и леопардов, стравливание их с медведями, быками и дикими вепрями – была проведена в 186 г. до н. э. победителем в Этолийской войне Марком Фульвием Нобилиором, известным политиком, а позднее – строгим цензором. Согласно Титу Ливию, по размаху и блеску зрелищ она почти не уступала тем, которые устраивали в его время, то есть двести лет спустя (Liv. XXXIX. 22. 2). Новое зрелище быстро обрело массу поклонников среди римлян, и интерес к таким зрелищам возрастал из года в год. Так что когда сенат в 170 г. до н. э. попытался запретить ввоз животных с территории своего давнего врага, Карфагена, то вскоре был вынужден снять запрет, по крайней мере в отношении потребностей устроителей подобного рода забав. Уже на следую-

ший год благодаря щедрости Сципиона Назики и Корнелия Лентула на арене сражались 63 африканских зверя, 40 медведей и даже слоны (Liv. XLIV. 18. 8). Конечно, медведи, как и кабаны, не заморские звери. Их можно было добыть и не выезжая за пределы Италии, в таких областях, как Лукания или Апулия. Доставляли их также из Германии, Галлии и даже Испании. Быков для арены брали из огромных стад рогатого скота, которых в Италии было изобилие. Поимкой диких животных было занято множество людей, особенно в провинциях, где неофициально такими поставками приходилось заниматься наместникам. Когда эдил Целий Руф обратился к Цицерону, бывшему в то время проконсулом Киликии, с просьбой для устройства им зрелищ в Риме распорядиться об отлове жителями Кибире в Памфилии нескольких десятков водившихся там в изобилии пантер, то он вполне сознавал, что речь идет об одолжении. Он даже готов был прислать своих людей для кормления пойманных животных и отправки их морем в Италию (Cic. Ep. CXII. 3; CXXII. 10). Надо сказать, что перевозка зверей была особенно трудным делом: требовались прочные железные клетки, подходящий транспорт и в огромном количестве корм, ведь хищникам постоянно требовалось мясо, например, льву его необходимо давать в день как минимум три килограмма. Со временем ловля зверей достигла таких масштабов, что полностью исчезли балканские львы и ближневосточные гепарды.

Самую низшую ступень среди тех, кто выступал на арене с животными, занимали бестиарии (от лат. bestia – «зверь»). *Этим термином часто широко обозначают всех бойцов, выступавших против животных* (штамп 3). Однако, если разобраться более детально, становится ясно, что бестиарии лишь демонстрировали свою ловкость в обращении со зверями и дразнили их куском ярко окрашенной ткани или кнутами и факелами, подготавливая появление на арене «охотников» (венато-

ров),¹ так называли гладиаторов, сражавшихся с животными. Соответственно любые представления с животными в амфитеатре или в цирке стали называть «венацио». Участие в них считалось недостаточно престижным, что, в первую очередь, отражалось на оплате венаторов. В дальнейшем нас будет больше интересовать тот аспект венацио, который связан с использованием оружия, хотя оно могло включать также просто показ экзотических зверей, трюки с дрессированными животными, схватки между крупными и сильными хищниками (например, львом и тигром, медведем и быком и т. д.) и терзание ими безоружных преступников. Идеей использования зверей в качестве «палачей» римляне были обязаны полководцу Луцию Эмилию Павлу, разгромившему армию македонского царя Персея. Он первым додумался в 167 г. до н. э. обречь на публичное растерзание дикими зверями (damnatio ad bestias) перебежчиков и дезертиров. Тогда обреченные на смерть были растоптаны слонами. Спустя двадцать один год, по поводу окончательной победы Сципиона Эмилиана над Карфагеном, очередная партия дезертиров была отдана на растерзание «зубастым хищникам». Скоро, уже с привлечением и других животных, такие приговоры стали привычными также в отношении военнопленных и заурядных преступников. Нужны были все новые и новые жертвы, способные взбудоражить чувства зрителей. Как это происходило, мы можем видеть на известной мозаике из раскопок римской виллы в ливийском городе Злитене: сопротивляющихся людей подгоняют к зверям кнутом, одна пантера уже впиалась в тело жертвы и кровь льется ручьем, рядом другие связанные люди и озлобленные звери.² Фантазия органи-

¹ Junkelmann M. Familia Gladiatoria: The Heroes of Amphitheatre // Gladiators and Caesars. L., 2000. P. 71; Носов К. С. Указ. соч. С. 27.

² Сидорова Н. А., Чубова А. П. Искусство Римской Африки. М. 1979. С. 196–199; Тарновский В. Гладиаторы. М., С. 43.

*Показательные выступления в Риме лучших бойцов
из гладиаторской школы Гая Аврелия Скавра в Капуе*

*Рельеф с изображением bestiариев, выпускающих
на арену медведя*

*Мозаика из Злитена (Ливия) со сценами венацио
и казней на арене*

Терракота с изображения терзания хищником человека, сидящего на быке со связанными руками; внизу – венатор со щитом

заторов зрелищ, конечно, была гораздо богаче: осужденных могли бросить в клетку с хищниками, привязать к спине быка и т.д. Таким образом, к концу II в. до н. э. в Риме сформировались три классических элемента игр: травля хищных и других животных, отдача приговоренных к смерти на растерзание диким зверям и гладиаторские бои, слившиеся в дальнейшем в единое представление, продолжавшееся целый день.

Вопреки расхожему мнению, несмотря на некоторое участие государства в разнообразии программы представлений, *отнесение гладиаторских игр к числу публичных зрелищ, проводившихся за государственный счет уже с 105 г. до н. э.* (штамп 4), не имеет под собой никаких оснований.¹ Тогда, в период опасности, нависшей над Римом после поражения консульской армии в южной Галлии при столкновении с германскими племенами кимбров и тевтонов и гибели около 80 000 римских воинов, было принято решение лишь о том, чтобы привлечь лучших мастеров знаменитой гладиаторской школы в Капуе к обучению граждан военному делу.² Валерий Максим, римский автор первой половины I в., писал об этом следующим образом: «Мастерство владения оружием обеспечил воинам консул Публий Рутилий, коллега Гнея Манлия. В отличие от всех предшествующих военачальников, он призвал в войска инструкторов из гладиаторской школы Гая Аврелия Скавра, чтобы те внедрили в легионах более изощренную технику нанесения ударов и уклонения от них. То есть он соединил храбрость с искусством и, наоборот, искусство с храбростью, с тем, чтобы усилить качество и того, и другого» (Val. Max. III. 3.2). Они должны были продемонстрировать перепуганным гражданам, как следует наиболее эффективно применять оружие про-

¹ Носов К. С. Указ. соч. С. 13.

² Ср.: Тарновский В. Указ. соч. С. 13.

тив врагов Римской республики и дать урок мужества, позволяющего с достоинством встретить возможную гибель. Впрочем, именно с этого времени начинается отход от чисто религиозных соображений при организации боев гладиаторов. В период обострения гражданских войн в Риме становится очевидным тот факт, что гладиаторские игры становятся любимейшим зрелищем населения Италии, и это начали активно использовать те, кто стремился выдвинуться на первый план в политической борьбе.

2. От погребальных боев до профессионально организованных зрелищ

В последние десятилетия существования Римской республики роскошно проведенные гладиаторские игры и венацио (звериные травли) стали верным средством обойти политических соперников, приобрести расположение народа и обеспечить себе голоса на выборах, короче говоря, превратились в мощный политический инструмент воздействия на массы. Одним из первых по этому пути пошел добивавшийся популярности Сулла, который в 93 г. до н. э. выставил на арену Большого Цирка «сотню львов с гривами» (Plin. Hist. Nat. VIII. 53), т. е. самцов. Цирк этот представлял собой огромный ипподром вместимостью 150 тысяч зрителей,¹ находившийся в узкой долине между холмами Палатин и Авентин, где обычно происходили конные состязания.

¹ В I в. после перестройки и ряда ремонтных работ количество мест на ипподроме возросло до 250 тысяч, а последующая реставрация, позволившая увеличить его размеры, довела вместимость зрительских трибун до 385 тысяч человек.

ния, но иногда устраивали и другие представления. Выпущенные из клеток звери разбрелись на пространстве длиной 600 м и шириной 150 м, обнесенном высокой железной решеткой, за которой находились трехуровневые зрительские места. Здесь и развернулась затем настоящая охота (Sen. De brev. vitae, 13. 6). Мавританский царек Бокх прислал для нее специальный отряд охотников-гетулов, вооруженных копьями и дротиками. В результате, были перебиты все львы, но не обошлось и без человеческих жертв. Тем временем на родине гладиаторских игр – в Кампании – уже появились первые архитектурные сооружения, специально предназначенные для проведения кровавых зрелищ. Позднее, когда эта идея окончательно оформилась в Риме, они получили название амфитеатров.¹

Таким образом, ранее связанные с исполнением религиозного долга гладиаторские бои превратились в само собой разумеющееся развлечение для всех желающих. Все же чисто внешне традиция соблюдалась, хотя в политических целях исполнение завещания относительно погребальных игр могло быть надолго отсрочено. Характерный пример связан с именем Гая Юлия Цезаря, который, дожидаясь для себя должности эдила – магистрата, наблюдавшего за общественными зданиями, храмами, дорогами, рынками и пр., – устроил гладиаторские бои в честь покойного отца лишь через двадцать лет после его смерти, в 65 г. до н. э.² Зато какое это было великолепное зрелище! Никто до тех пор не выставлял на арену сразу триста двадцать пар гладиаторов, одетых в доспехи из чистого серебра (Plut. Caes. 5). Видимо, большей частью они происходили из принадлежавшей Цезарю гладиаторской школы в Ка-

¹ Носов К. С. Гладиаторы. СПб., 2005. С. 123.

² Köhne E. Bread and Circusses: The Politics of Entertainment // Gladiators and Caesars. L., 2000. P. 16.

пуе, где одновременно могло обучаться до пяти тысяч человек.¹ Ведь таким образом можно было хоть немного уменьшить астрономические затраты на представление. Цезарь мог бы сделать его еще более грандиозным, но политические противники молодого эдила перепугались при виде такого количества мастерски владевших оружием людей, набранных отовсюду, «поэтому было издано постановление, определявшее число гладиаторов, превышать которое никому в Риме не разрешалось» (Suet. Caes. 10. 2). Дополнительной реакцией на это событие стал принятый по предложению Цицерона закон 63 г. до н. э., запрещавший кандидату в магистраты в течение двух лет, предшествующих избранию, «давать гладиаторов» (Cic. in Vat. 15. 37). При этом на уже избранных должностных лиц этот закон не распространялся. Впрочем, надо думать, при использовании ряда юридических «лазеек» его обходили часто и умело. Ведь никто не мог запретить частному лицу «дать» игры под предлогом поминок по своему родственнику, особенно если последний включил его в свое завещание. К такого рода людям, готовым на все ради далеко идущих планов, Цицерон относился весьма критически, если не отрицательно. Непомеренные траты на зрелища, чтобы снискать расположение толпы, казались ему верхом расточительства, а не проявлением щедрости по отношению к народу: «Расточительные – это те, кто проматывает свое состояние на пирушки, на раздачу мяса, на бои гладиаторов, на игры и травлю диких зверей – на все то, о чем память они оставят недолгую или вообще не оставят никакой» (Cic. Off. II. 55–57). Сам он не находил ни малейшего удовольствия в кровавых играх на арене и вынужденном созерцании ревушей толпы вокруг нее. Рассказывая об играх, организованных Сципионом Назикой в честь его старого недруга Квинта Цеци-

¹ Носов К. С. Указ. соч. С. 15.

лия Метелла, Цицерон иронично заметил: «Я лично думаю, что большего стечения народа, чем то, какое было во время этих гладиаторских боев, не бывает никогда» (Cic. in Sest. 124, 125). Таким же скептическим было его отношение к схваткам с дикими зверями. Одному из друзей он признавался: «Они были великолепны, никто не отрицает; но что за удовольствие для образованного человека смотреть либо как слабый человек будет растерзан могучим зверем, либо как прекрасный зверь пронзен охотничьим копьем?» (Cic. Ep. CXXVII. 2, 3).

Между тем, на травли диких зверей никакие ограничения не распространялись, и они продолжались во все возрастающих масштабах. Эдилы и квесторы должны были устраивать их при своем вступлении в должность. Марк Эмилий Скавр, будучи курульным эдилом 58 г. до н. э., «вывел» перед народом 150 «африканских зверей», т. е. пантер или леопардов (Plin. Hist. Nat. VIII. 64). Тогда же римляне впервые увидели бегемота и крокодилов, размещенных в специально вырытом для них бассейне. «Гвоздем» другой звериной травли, устроенной в 55 г. до н. э. прославленным полководцем Гнеем Помпеем по случаю открытия в Риме каменного театра и храма Венеры Победительницы, стали двадцать слонов. Римляне издавна питали слабость к этим животным, наделяя их высокими нравственными качествами, великодушием и чувством достоинства. Это впечатление усилилось, когда слоны после короткой схватки с охотниками-гетулами, метавшими в них копья, попытались убежать, а «потеряв всякую надежду на бегство», с жалобным ревом заматались по арене, «словно оплакивая себя и умоляя о сострадании». Сочувствие вызвал один из слонов: «с пронзенными ногами он на коленях полз на толпу своих врагов; вырывая щиты, бросал их вверх, так что они, к удовольствию зрителей, падали, описывая круг, как будто брошенные искусной рукой, а не яростным чудовищем» (Plin. Hist. Nat. VIII. 7. 7). Тут все зрители повскакали со своих

мест, громко плача и осыпая Помпея проклятиями. К другим животным отношение было более спокойным. Вспоминая эту травлю, Цицерон добавил: все «это породило какое-то сочувствие и мнение, что у этого животного есть нечто общее с человеком» (Cic. Ep. CXXVII. 2, 3). Но это только один из эпизодов данного тогда представления. Плиний Старший писал, что только за первые четыре дня игр было убито четыреста пантер и показаны публике невиданные ранее животные: рысь, обезьяны из Эфиопии, носорог (Plin. Hist. Nat. VIII. 7. 20, 21).

Все же никакие, даже самые красочные, звериные травли не могли затмить зрелища, где люди, проливая кровь, сражались друг с другом. Политикам по-прежнему приходилось проявлять чудеса изобретательности для привлечения на свою сторону симпатий изменчивой толпы римского плебса. Некоторые из них фактически уже могли не ограничивать себя в реализации различного рода зрелищных проектов. Так, став диктатором, Юлий Цезарь отметил в 46 г. до н. э. свой четверной триумф над Галлией, Египтом, Понтом и Нумидией, представленным в Большом Цирке масштабным сражением двух отрядов, в каждом из которых было по 500 пехотинцев, 300 всадников и 20 боевых слонов. Для их размещения на арене цирка возвели два укрепленных лагеря, для чего даже потребовалось снести меты (поворотные столбы), использовавшиеся во время состязаний колесниц. Сражаться эти отряды должны были до полного уничтожения одной из сторон. Триумф великого римского полководца увенчало и совершенно необычное представление – своего рода гладиаторские игры на воде, получившие название навмахия. Также стали называть и специально возведенные с этой целью сооружения.¹ Для первой навмахии, имитировав-

¹ Брабич В., Плетнева Г. Зрелища древнего мира. Л., 1971. С. 52.

шей сражение между египетским и тирийским флотами, на Марсовом поле было выкопано целое озеро. Выбор представленного исторического сюжета был неслучайным, ведь не прошло и года, как Цезарь посадил на трон Египта молодую царицу Клеопатру VII (47–31 гг. до н. э.), и она уже успела нанести официальный визит в Рим вместе с младенцем – его собственным сыном. В морском бою должны были участвовать биремы, триремы и квадриремы (т. е. корабли с двумя, тремя и четырьмя рядами весел – *В. Г.*) со множеством бойцов, при этом флот Тира должны были изображать тяжелые корабли. Известие о готовящемся потешном морском сражении вызвало всеобщий ажиотаж. «На все эти зрелища отовсюду стекалось столько народу, что много приезжих ночевало в палатках по улицам и переулкам; а давка была такая, что многие были задавлены до смерти, в том числе два сенатора» (Suet. Caes. 39. 4). В итоге, жители Рима увидели впечатляющую схватку, в которой с обеих сторон сошлись на воде около двух тысяч гребцов и тысяча воинов. Правда, потом о таких развлечениях пришлось на время забыть, т. к. из-за гнилостных испарений озеро засыпали. Через год диктатор впервые почтил устройством мунус память своей дочери Юлии, а ведь ранее никто не решился бы оказать подобную честь женщине. На этот раз всеобщее внимание привлекли не столько профессиональные гладиаторы, сколько смертельный поединок двух представителей известных римских фамилий – Фурия Лептина из преторского рода и Квинта Кальпена, бывшего сенатора и судебного оратора (Suet. Caes. 26. 2; 39. 1; Plut. Caes. 55). В свое время они встали на сторону Помпея, чем и вынесли себе смертный приговор. Цезарь решил сделать им предложение, от которого невозможно было отказаться. Единственным шансом сохранить жизнь стало участие в гладиаторском бою. Видеть двух столь знатных людей, проливающих кровь на арене, – такое зрелище было поистине незабываемым.

Кстати, еще одну страницу в историю гладиаторских игр Юлий Цезарь вписал своей смертью, поскольку именно она положила начало официальному проведению их за счет государственных средств.¹ Видимо, уже в это время существует практика включения гладиаторских поединков в программу развлечений на пирах знатных римлян. У Николая Дамасского есть упоминание о том, что «друзей часто приглашали на обед для того, чтобы сверх всего прочего они посмотрели на две или три пары гладиаторов, которых вызывали, когда гости были уже сыты и пьяны от обеда. Когда гладиатор падал пронзенный, гости рукоплескали от удовольствия» (Athen. IV. 153–155). В начале XX в. этот сюжет использовал писатель Александр Грин для своего рассказа «Гладиаторы», в котором пресыщенный богач Авель Хоггей однажды говорит жене: «Пусть будет сегодня Рим», – и за большие деньги нанимает двух атлетов, готовых развлечь его гостей смертельным поединком после ужина.

Свой «золотой век» представления, связанные с пролитием крови, безусловно, переживают в период Римской империи, ведь лояльность народа по отношению к власти в известной мере оплачивалась удовлетворением потребностей толпы в «хлебе и зрелищах». Фактическое установление режима личной власти требовало активного вмешательства государства в различные сферы жизни общества. Наконец, дело дошло и до права свободно, по своему усмотрению проводить гладиаторские игры. Можно ли было оставить за сенатской аристократией такое верное средство привлечь к себе людские сердца? И вот обдуманно и последовательно уже при создателе империи, Октавиане Августе (31 г. до н. э. – 14 г. н. э.), предпринимается попытка взять такой

¹ Junkelmann M. Das Spiel mit dem Tod. Mainz am Rhein, 2000. S. 38, 39.

мощный инструмент воздействия на массы, как гладиаторские игры, под полный государственный контроль. В 22 г. до н. э. вводится закон об ограничении гладиаторских выступлений в Риме, требовавший запрашивать соответствующее разрешение у сената. Теперь в роли единственных легальных организаторов гладиаторских боев остались только императоры и преторы, которые должны были рассчитывать только на собственные средства и проводить игры не менее двух раз в год – в декабре и марте, то есть в начале зимы и весны. Максимальное число гладиаторов, если речь шла не об императоре, не должно было превышать 120 человек (Dio Cass. LIV. 2). В дальнейшем уже не преторы, а квесторы, то есть самые младшие магистраты, имеют право на свои деньги устраивать в Риме официальные игры. А так как теперь покупать голоса ни к чему, а приобретать популярность опасно, то, надо думать, никто и не беспокоился о придании играм какого-то особого блеска. Поражающие воображение представления теперь могли давать только императоры, у которых для этого были все возможности и никаких ограничений. Как правило, ситуация зависела от значительных событий в жизни государства, которые требовали особых торжественных празднований: знаменательные годовщины в императорской семье или открытие какого-либо общественного сооружения. Всей подготовкой ведали императорские вольноотпущенники или особые «кураторы игр» (curatores munerum), которым и поручалась организация всего зрелища. Из проведенных ими от имени Августа игр можно отметить грандиозное представление 7 г. до н. э., данное в память об его зяте, выдающемся полководце Марке Випсании Агриппе.

При Августе проводится четкое разделение гладиаторов на отдельные типы с определенным набором вооружения (секуторы, мирмиллоны, фракийцы, ретиарии и др.) и разрабатываются правила проведения боев. Регламентации со стороны императора подверглось даже

распределение зрительских мест в амфитеатрах: «на всяких общественных зрелищах первый ряд сидений всегда оставался свободным для сенаторов... Солдат он отделил от граждан. Среди простого народа он отвел особые места для людей женатых, отдельный клин – для несовершеннолетних и соседний – для их наставников, а на средних местах воспретил сидеть одетым в темные плащи. Женщинам он даже на гладиаторские бои не позволял смотреть иначе, как с самых верхних мест, хотя по старому обычаю на этих зрелищах они садились вместе с мужчинами» (Suet. Aug. 44. 1, 2).

Подводя итоги деятельности императора Августа, Светоний писал: «В отношении зрелищ он превзошел всех предшественников: его зрелища были более частые, более разнообразные, более блестящие. По его словам, он давал игры четыре раза от своего имени и двадцать три раза от имени других магистратов... наконец, морской бой на пруду, выкопанном за Тибром...» (Suet. Aug. 43. 1). Те же цифры фигурируют в автобиографичной надписи, известной под названием «Деяния божественного Августа», где имеется ряд дополнительных сведений по интересующему нас вопросу. В частности, о количестве участников восьми больших гладиаторских состязаний, устроенных им от себя лично, а также сыновей и внуков, говорится, что их было до 10 000 человек, то есть в каждом из представлений участвовало не менее тысячи гладиаторов. Не менее роскошными были двадцать шесть раз данные Августом народу зрелища охоты на африканских животных, «во время которых убито было зверей около 3500» (Res gestae. 22). О всепоглощающем увлечении подобными массовыми представлениями свидетельствует сообщение о том, что в такие дни по Риму расставляли «стражу, чтобы уберечь обезлюдевший город от грабителей» (Suet. Aug. 43. 1).

Преемники Августа, независимо от собственных вкусов, продолжали его политику в отношении гладиатор-

*Сулла. Мраморный бюст
I в. до н. э.
Рим. Ватикан*

*Юлий Цезарь. Мраморный
бюст II в. н. э. Лондон
Британский музей*

*Цицерон. Мраморный бюст
I в. н. э. Санкт-Петербург.
Государственный Эрмитаж*

*Помпей. Мраморный бюст
I в. до н. э.
Рим. Ватикан*

Большой Цирк в Риме. Реконструкция

*Франческо Нетти. Гладиаторы в триклинии.
1872. Неаполь. Музей Каподимонте*

ских игр, понимая их значение для поддержания своей популярности в народе. Один из них, обращаясь к толпе, произнес характерную фразу: «предавайтесь увеселениям, занимайтесь зрелищами. Пусть нас занимают общественные нужды, а вас – развлечения». Конечно, нельзя было лишить людей права устраивать гладиаторские игры на поминках, но пасынок Августа Тиберий (14–37 гг.) и для них сократил число гладиаторов. Он устраивал игры редко, но, если принимал такое решение, то денег не жалел, предлагая уже получившим свободу опытным гладиаторам-профессионалам до 100 000 сестерциев, чтобы они порадовали публику своим искусством (Suet. Tib. 34. 1). Недостаток зрелищ население Италии в этот период стремилось восполнить всеми возможными способами: использовался любой повод потребовать от состоятельных людей проведения игр. В городе Полленции, как писал Светоний, «чернь не выпускала с площади процессию с прахом старшего центуриона до тех пор, пока силой не вынудила наследников потратить большие деньги на гладиаторские зрелища» (Suet. Tib. 37).

Короткое правление Гая Калигулы (37–41 гг.) было отмечено возвращением в Рим различных массовых зрелищ. Свидетельством его страстного отношения к гладиаторским играм стала попытка возвести в Риме, недалеко от Септы – площади для народных собраний, первый большой амфитеатр, под который снесли многие большие здания, но строительство это так и не было доведено до конца (Suet. Cal. 21). Правда, гладиаторские игры он часто превращал в демонстрацию своего произвола по отношению к гражданам. Человек, который обещал биться гладиатором в случае выздоровления императора, он заставил исполнить обет, а сам смотрел, как тот сражался, и отпустил его лишь победителем, да и то после долгих просьб. «Надсмотрщика над гладиаторскими битвами и травлями он велел несколько дней подряд бить цепями у себя на гла-

зах, и умертвил не раньше, чем почувствовал вонь гниющего мозга. Сочинителя ателлан (пьес сатирического содержания – В. Г.) за стишок с двусмысленной шуткой он сжег на костре посреди амфитеатра. Один римский всадник (представитель среднего сословия – В. Г.), брошенный диким зверям, не переставал кричать, что невинен; он вернул его, отсек ему язык и снова прогнал на арену». Калигула и сам иногда выходил покрасоваться перед публикой в амфитеатре, когда был полностью уверен в собственной безопасности. Однажды он бился с мirmиллоном из гладиаторской школы на деревянных мечях и тот нарочно упал перед ним, тогда император прикончил противника железным кинжалом и с пальмой в руках обошел победный круг. Патологически ненавидя красивых людей, Калигула погубил некоего Эзия Прокула, сына старшего центуриона, за огромный рост и пригожий вид прозванного Колосс-эротом: «его он во время зрелищ вдруг приказал согнать с места, вывести на арену, стравить с гладиатором легковооруженным, потом с тяжеловооруженным, а когда тот оба раза вышел победителем, – связать, одеть в лохмотья, провести по улицам на потеху бабам и, наконец, прирезать». Даже царственные особы не могли чувствовать себя в безопасности на устраиваемых императором играх. Мавританского царя Птолемея он принял в Риме с большим почетом, а затем умертвил только потому, что тот, явившись однажды к нему на бой гладиаторов, привлек к себе все взгляды блеском своего пурпурного плаща. «А когда Порий, колесничный гладиатор, отпускал на волю своего раба-победителя и народ неистово рукоплескал, Гай бросился вон из амфитеатра с такой стремительностью, что наступил на край своей тоги и покатился по ступеням, негодуя и восклицая, что народ, владыка мира, из-за какого-то пустяка оказывает гладиатору больше чести, чем обожествленным правителям и даже ему самому!» Он вообще очень ревниво относился к вниманию зрителей и их реакции на

устраиваемые представления. За плохой отзыв об его зрелищах можно было угодить на каторжные работы, подвергнуться клеймению раскаленным железом или подвергнуться перепиливанию пилой. Порой, он относился к людям просто как пище для диких зверей. Когда вздоржал скот, которым их откармливали для зрелищ, Калигула велел бросить на растерзание преступников, не разбирая, кто в чем виноват, а просто приказал забирать всех, «от лысого до лысого», как тогда говорили, то есть от первого до последнего (Suet. Calig. 27. 1–4; 35. 2). К этому времени в организации игр произошло более четкое разделение гладиаторов на различные типы. Сам молодой император, все детство которого прошло в военных лагерях, нередко тренировался в вооружении «секуторов» или «фракийцев». В конечном итоге страстное увлечение Калигулы «фракийцами» стоило ему расположения толпы, которого он так ревностно добивался. Ему так и не простили смерти любимца публики, гладиатора по прозвищу Голубь, который победил на арене «фракийца», но был отравлен самим императором.

Клавдий (41–54 гг.) любил удивить плебс неожиданным пышным дорогостоящим представлением, своего рода «закуской», как он говаривал, имея в виду «неожиданное и неподготовленное угощение». Гладиаторские игры император показывал много раз и во многих местах. В годовщину своего дня рождения он давал их в преторианском лагере, но без диких дверей и богатого убранства, а вот в Септе¹ – полностью и по обычной программе. Император заигрывал с простыми людьми, называя их «хозяевами» и вместе с ними громко отсчитывая золотые монеты, причитавшиеся победителям

¹ Септа (лат. «ограда») – место для голосования в народном собрании, представлявшее собой обнесенную мраморной стеной с портиками просторную прямоугольную площадь размерами 310×120 м на Марсовом поле.

(Suet. Claud. 21. 4, 5). Естественно, когда в 52 г. стало известно о завершении под Римом многолетних работ по подготовке спуска воды Фуцинского озера, он не мог упустить возможность использовать его для грандиозной навмахии. На этот раз предварительная рекламная кампания по поводу инсценировки сражения между сицилийским и родосским флотами была проведена на должном уровне, и несметные толпы зрителей заполнили берега озера, холмы и вершины окрестных гор, расположившись так, будто это был огромный театр. Все ждали появления из воды серебряного тритона – изображения морского бога – получеловека-полурыбы. Вот как описывает произошедшее затем сражение Тацит: «Клавдий снарядил триремы и квадриремы, посадив на них девятнадцать тысяч человек; у берегов озера со всех сторон были расставлены плоты, чтобы сражающимся некуда было бежать, но внутри этого ограждения оставалось довольно простора для усилий гребцов, для искусства кормчих, для нападений кораблей друг на друга и для всего прочего, без чего не обходятся морские бои. На плотях стояли манипулы преторианских когорт и подразделения конницы, на них же были возведены выдвинутые вперед укрепления с готовыми к действию катапультами и баллистами, тогда как остальную часть озера стерегли моряки на палубных кораблях... И хотя сражение шло между приговоренными к смерти преступниками, они бились как доблестные мужи, и после длительного кровопролития оставшимся в живых была сохранена жизнь» (Тас. Ann. XII. 56). Именно перед началом этого представления из уст осужденных прозвучала знаменитая фраза: «Здравствуй Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!» В традиционном понимании *ее всегда произносили гладиаторы, выходившие на арену в присутствии императора* (штамп 5), как это показано на картине Жана-Леона Жерома, где данная фраза была вынесена в ее название. Здесь изображена группа гладиаторов, всту-

пивших на арену и обративших свои взгляды на императора, перед тем как прозвучит формула приветствия. На самом деле, никаких подтверждений существования такой традиции найти невозможно. В навмахии Клавдия эти слова сыграли роковую роль. Услышав их, император прокричал в ответ: «А может быть, и нет», что навмахияри, в основном осужденные преступники, восприняли как помилование и отказались занять свои места на кораблях. На потеху толпе Клавдию с угрозами и угрозами пришлось вприпрыжку бегать вдоль берега, чтобы заставить их выйти на бой. Судя по тому, что «после длительного кровопролития оставшимся в живых была сохранена жизнь», именно это стало условием продолжения представления.

При Клавдии театрализованные массовые сражения могли проводиться и на суше: однажды на Марсовом поле он повелел представить «взятие и разграбление города, а потом покорение британских царей, и сам распоряжался, сидя в плаще полководца» (Suet. Claud. 21. 6). Не приходится удивляться, что далеко не все римляне находили удовольствие в таких развлечениях. «Нет ничего губительнее для добрых нравов, чем зрелища, ведь через наслаждение еще легче прокрадываются к нам пороки», – писал философ Сенека к своему другу Луцилию, делясь впечатлениями от гладиаторских боев (Sen. Epist. VII. 2). Относительно Клавдия это наблюдение применимо в полной мере. Со временем в его характере обнаружились те же отвратительные черты, что и у Калигулы, которому он приходился дядей. «На гладиаторских играх, своих или чужих (т. е. на тех, где формально он не имел права распоряжаться – В. Г.), он всякий раз приказывал добивать даже тех, кто упал случайно, особенно же ретиариев: ему хотелось посмотреть в лицо умирающим. Когда какие-то единоборцы поразили друг друга насмерть, он тотчас приказал изготовить для него из мечей того и другого маленькие ножички. Звериными травлями и полуденными побоища-

ми увлекался он до того, что являлся на зрелища ранним утром и оставался сидеть, даже когда все расходились завтракать. Кроме заранее назначенных бойцов, он посылал на арену людей по пустым и случайным причинам – например, рабочих, служителей и тому подобных, если вдруг плохо работала машина, подъемник или еще что-нибудь. Однажды он заставил биться даже одного своего раба-номенклатора (раб, который сопровождал хозяина и подсказывал имена встречаемых для приветствий – В. Г.), как тот был, в тоге» (Suet. Claud. 34.1, 2). Только однажды Клавдий поступил «уместно и хорошо: одному колесничному гладиатору он дал почетную отставку по просьбе его четверых сыновей и под шумное одобрение всех зрителей, а потом тут же вывесил объявление, указывая народу, как хорошо иметь детей, если даже гладиатор, как можно видеть, находит в них защитников и заступников» (Suet. Claud. 26. 5).

Каждый, кто оказывался на троне империи, старался хоть в чем-то превзойти своих предшественников в отношении привлечения симпатий толпы. Надо было только изобрести нечто необычное, чего раньше никто не делал. Нерон (54–68 гг.), например, издал в 63 г. указ, разрешающий свободным женщинам становиться гладиатрисами и сразу «большое число знатных женщин... запятнало себя выходом на арену» во время устроенных им гладиаторских игр (Тас. Ann. XV. 32). Подтверждением этого факта служит хранящийся в Британском музее рельеф из Малой Азии, где представлены в вооружении мирмиллонов две сражающихся женщины по имени Амазонка и Ахиллия. Когда и это приелось, по велению Нерона зрителям показали сражающихся женщин-эфиопок. Сняты были все запреты: по приказу императора на арену деревянного амфитеатра на Марсовом поле выходили биться до четырехсот сенаторов и шестисот всадников, многие с нетронутым состоянием и незапятнанным именем. Из тех же сосло-

*Нерон. Мраморный бюст
I в. н. э. Рим.
Национальный музей*

*Тибериус. Мраморный бюст
I в. н. э. из Фаюма (Египет).
Копенгаген. Глиптотека*

*Август. Мраморный бюст
I в. н. э. Анкона.
Археологический музей*

*Гай Калигула. Мраморный
бюст I в. н. э. Копенгаген.
Глиптоотека*

*Клавдий.
Мраморный бюст I в. н. э.*

*Жан-Леон Жером. «Здравствуй Цезарь, идущие на смерть
приветствуют тебя!». 1861 г.*

вий император набирал венаторов и служителей арены. Впрочем, тогда он не позволил убить ни одного бойца, даже из числа преступников (Suet. Ner. 12. 1). Тяга к личному участию в захватывающем зрелище побудила самого Нерона с одним охотничьим копьем вступить в схватку со львом. Правда, ходили упорные слухи о том, что хищника предварительно подготовили к этой встрече: вырвали зубы и порвали главные мышцы.

Даже император Вителлий (69 г.), правивший Римом всего несколько месяцев, несмотря на ожесточенную борьбу за власть со своими конкурентами, счел необходимым бросить часть подчиненных ему солдат на строительство новых амфитеатров, а в собственный день рождения отдал приказ провести гладиаторские бои в каждом из 265 кварталов Рима (Tac. Hist. II. 67). На совершенно новый уровень, уже не в пространственном, а во временном отношении, поднял гладиаторские игры император Тит (79–81 гг.), который к тому времени уже имел солидный опыт их организации в Иудее сразу после штурма Иерусалима в 70 г. Тогда, пребывая в Кесарии, Тит пышно справил «день рождения своего брата и в его честь предал смерти множество евреев из тех, которые подлежали наказанию. Число погибших в битвах со зверями, сожженных и павших в сражениях друг с другом превышало 2500 человек». То же, но в еще больших масштабах, повторилось в связи с днем рождения его отца (Jos. Fl. Bell. Jud. VII. 3. 1). Тит включил гладиаторские бои и в программу великолепных празднеств, данных по случаю открытия грандиозного амфитеатра Флавиев, более известного под названием Колизей. Помимо собственно поединков на арене, они включали в себя венацию и навмахию и продолжались целых 100 дней. При этом император заранее оповестил всех, что устроит гладиаторские бои «не по собственному вкусу, а по вкусу зрителей» (Suet. Tit. 8. 2). Этот кровавый подкуп низших слоев римского общества

сработал блестяще и укрепил позиции династии, которую после Тита продолжил его младший брат Домициан (81–96 гг.). Он внес особую «изюминку» в проведение роскошных и великолепных кровавых зрелищ, впервые отправив на арену гладиаторов-карликов, там же снова оказались женщины-гладиатрисы (Suet. Domit. 4. 1). Ювенал по этому поводу писал (Iuv. 6. 247–263):

Кто на мишени следов не видал от женских ударов?
Колет ее непрерывно ударами, щит подставляя,
Все выполняя приемы борьбы, – и кто же? – матрона!
Ей бы участвовать в играх под трубы на празднике Флоры;
Вместо того не стремится ль она к настоящей арене?
Разве может быть стыд у этакой женщины в шлеме,
Любящей силу, презревшей свой пол? Однако мужчиной
Стать не хотела б она: ведь у нас наслаждения мало.
Вот тебе будет почет, как затеет жена распродажу:
Перевязь там, султан, наручник, полупоножи
С левой ноги; что за счастье, когда молодая супруга
Свой наколенник продаст, затеяв другие сраженья!
Этим же женщинам жарко бывает и в тонкой накидке,
Нежность их жжет и тонкий платок из шелковой ткани.
Видишь, с каким она треском наносит мишени удары,
Шлем тяжелый какой ее гнет, как тверды колени,
Видишь. Плотность коры у нее на коленных повязках...

Звериные травли и гладиаторские бои Домициан любил проводить ночью при свете факелов, часто, в виде особой милости к народу, выпуская в финале две пары профессионалов из собственной школы (Suet. Domit. 4. 1). Кто-то из них оказался и среди заговорщиков, убивших императора в его собственной спальне.

Но особого, непревзойденного размаха достигли гладиаторские бои в период правления императора Траяна (98–117 гг.), когда в 107 г. он отметил свою победу над племенем даков организацией грандиозных празд-

неств. Они затянулись на 124 дня, в которые уложились выступления 10 тысяч гладиаторов, то есть столько же, сколько за все царствование Августа, и травля 11 тысяч зверей. Еще более 10 тысяч бойцов были выведены на арену Рима за последующие пять лет.¹ Эти цифры подтверждаются находкой в Остии каменной плиты с надписью, отразившей события того времени, но, в то же время, вносят в них некоторые коррективы. В частности, стало ясно, что игры Траяна проводились не безостановочно, а по несколько дней подряд с интервалами, что вполне объяснимо, поскольку любые однотипные зрелища нужно в разумных пределах дозировать, чтобы они не приелись публике. Сначала на рубеже 107–108 гг. состоялись отборочные бои, продолжавшиеся в течение 12–13 дней. В каждом из них принимали участие по 300 пар гладиаторов. Затем с июня 108 г. по ноябрь 109 г. в течение 117 дней с перерывами, то есть примерно раз в пять дней, проводились основные бои, в которых «участвовали 4941 с половиной пара гладиаторов». Видимо, это свидетельствует о том, что бойцы, одержавшие победу, могли и дальше продолжать выступать на арене с некоторым интервалом. Данное наблюдение подтверждает эпитафия Марка Антония Эксоха, «фракийца» из Александрии, прибывшего в Рим для участия в играх 117 г., дававшихся Траяном в честь его военных побед. За время игр Эксох целых три раза участвовал в поединках.² В итоге приходится сделать вывод, что римской публике не давали уставать от созерцания непрекращающихся боев, которые строго регламентировались.

После такой щедрости, о которой в столице империи вспоминали многие поколения завсегдатаев амфитеатра,

¹ Хёфлинг Г. Римляне, рабы, гладиаторы. М., 1992. С. 53; Носов К. С. Указ. соч. С. 19.

² Берд М., Хопкинс К. Колизей. М.–СПб., 2007. С. 51, 84, 85.

ров, последующие представители династии Антонинов казались просто скупердями. Самое большее, на что расщедрился император Адриан (117–138 гг.), это устроенные им по случаю дня рождения «гладиаторские бои, продолжавшиеся непрерывно в течение шести дней», и выпущенные на арену тысяча диких зверей (Ael. Spart. Hadr. VII. 12). Другую тысячу хищников он выставил для «охоты» на афинском стадионе, поскольку формально занимал в любимом им городе должность высшего должностного лица – архонта. Известно также, что он почтил память Помпеи Плотины, жены усыновившего его Траяна, играми, в которых участвовало триста гладиаторов. Император Антонин Пий (138–161 гг.) также запомнился своим подданным, в основном, устроенными им «венацио», во время одного из которых он «показал слонов, гиен, тигров, носорогов, а также крокодилов и гиппопотамов, – словом, всяких животных со всего круга земель вместе с тиграми. Он выпустил даже сто львов одновременно» (Iul. Capit. Pius. X. 9). Лишенные прежнего обильного финансирования гладиаторские школы были обязаны своим выживанием, в основном, знатным римлянам, избранным на различные муниципальные должности. Например, эдилам полагалось устраивать зрелища на протяжении не менее трех дней. Дело это было весьма дорогостоящее даже для состоятельной семьи. Если в конце республиканского периода организация игр среднего масштаба обходилась устройщику в восемь тысяч сестерциев, то во второй половине II в. с трудом можно было уложиться в сорок тысяч. Нанять гладиатора-новичка стоило тысячу сестерциев, а за опытного профессионала приходилось выкладывать уже пятнадцать тысяч за каждое выступление. Да и популярные у зрителей «зубастые» хищники обходились в приличную сумму. Кроме того, к расходной части нужно добавить тент от солнца и подарки для публики. Так, некий Помпидий Руф из Помпей, будучи кандидатом в эдилы, предложил всем присутствовавшим

зрителям мед из Кампании, а другие организаторы игр распылили на арене благовония с запахом шафрана, чтобы перебить стойкий зловонный запах животных. Бесплатными были только приговоренные к смерти преступники, предоставлявшиеся местными судебными органами.

«Философ на троне», Марк Аврелий (161–180 гг.), вообще редко раскошеливался на проведение гладиаторских игр. Единственный случай, когда он не пожалел денег, – это грандиозное представление 175 г. в Колизее, в программу которого входил 2757 боев гладиаторов. Два года спустя, чтобы смягчить недовольство в провинциях большими расходами, которых требовали игры с участием гладиаторов, он законодательно отменил весьма доходный для государственной казны налог на их продажу (давал от двадцати до тридцати миллионов сестерциев ежегодно), установил предел расходов на игры и условия продажи или найма гладиаторов (Iul. Capit. M. Anton. XI. 4; XXVII. 6). При этом некоторое определенное властями количество бойцов ланиста должен был по более низкой цене уступить организатору зрелищ как человеку, связанному с проведением общегосударственной акции, обеспечивающей не только ему, но и императору поддержку народных масс. Правда, сам Марк Аврелий нередко вызывал недовольство народа тем, что во время представлений демонстративно рассматривал государственные бумаги или перечитывал философские трактаты. В собственном сочинении «Наедине с собой» он высказался по поводу гладиаторских боев вполне определенно, назвав их утомительными и скучными. Более того, в преамбуле закона 177 г. содержалась столь резкая их критика, какую раньше никто себе не позволял: государственная казна «не должна быть запятнана замаранными кровью деньгами... аморально ее пополнять за счет мероприятий и акций, осужденных всеми божьими и человеческими законами». Соправитель Марка Аврелия, Луций Вер (161–169 гг.),

*Рельеф из Малой Азии с изображением
гладиатрис Амазонки
и Ахилли*

*Коммод. Мраморный бюст
II в. н. э. Рим.
Капитолийский музей*

*Тит.
Мраморный бюст I в. н. э.*

*Траян. Мраморный бюст
начала I в. н. э.*

Адриан. Бронзовый бюст II в.

напротив, переживал такое бурное увлечение гладиаторскими боями, что часто устраивал их во время своих пиров, затягивая увеселения на всю ночь (Iul. Capit. Ver. IV. 9).

В отличие от отца, у сына Марка Аврелия, Коммода (180–192 гг.), страсть к гладиаторским играм была так велика, что он всерьез собирался сменить дворец на казарму своих любимцев, с которыми часто устраивал совместные пирушки. Ходили даже слухи, что императрица Фаустина родила его от какого-то гладиатора. Вскоре Коммод вволю потешил толпу небывалым зрелищем – собственными выступлениями на арене как борец с дикими зверями и гладиатор. Геродиан, написавший труд «История императорской власти после Марка», рассказывает: «Коммод, уже не сдерживая себя, принял участие в публичных зрелищах, дав обещание ... сразиться в единоборстве с мужественнейшими из юношей. Молва об этом распространилась, и со всей Италии и из соседних провинций спешили люди посмотреть на то, чего они раньше не видели и о чем не слыхали». Этот высокий мускулистый человек мастерски владел многими видами оружия и даже мог пронзить пикой слона. Все «толковали о меткости его руки и о том, что он никогда не промахивается... Всех зверей он поражал копьем или дротиком с первого удара. Наконец, когда из подземелий амфитеатра была одновременно выпущена сотня львов, он убил их всех таким же количеством дротиков, – трупы их лежали долго, так что все спокойно пересчитали их и не обнаружили лишнего дротика. Его умение «стрелять из лука было признано всеми поистине блестящим. Однажды он стрелял по страусам, стрелами с серпообразными наконечниками. Коммод обезглавливал одну птицу за другой, срезая им стрелами головы на самой вершине шеи так, что они продолжали бегать по арене, будто с ними ничего не произошло». На одном из утренних представлений «он убил сотню медведей, стреляя по ним с перил ограждения. В другой

раз он вышел на арену и убил всех животных, которые приблизились к нему. Также он убил тигра, гиппопотама и слона».

До этих пор, хотя его поступки и не соответствовали императорскому положению, однако в них было, благодаря мужеству и меткости, нечто приятное для простого народа; когда же он обнаженный вышел на арену амфитеатра и, взяв оружие, начал сражаться как гладиатор, тогда уже народ с неодобрением посмотрел на это зрелище, – благородный римский император, после стольких трофеев отца и предков, не против варваров берет в руки оружие, подобающее римской власти, но глумится над своим достоинством, принимая позорнейший и постыдный вид. Вступая в единоборство, он легко одолевал противников, и дело доходило до ранений, так как все поддавались ему, думая о нем как об императоре, а не как о гладиаторе» (Her. Hist. I. 15). Всеобщее показное восхищение его физической силой и возросшее сомнение побудили Коммода постоянно сравнивать себя с Геркулесом и часто появляться на людях в облике прославленного героя с львиной шкурой на плечах и массивной дубиной. Нередко в дневной программе император в вооружении секутора принимал участие в показательных поединках с известными гладиаторами. При этом он держал щит в правой руке, а деревянный меч в левой и очень гордился, что от рождения был левшой. Впрочем, император сражался и «острым» оружием, убивая при этом традиционных противников секуторов – ретиариев. Если верить античным авторам, к концу жизни Коммод одержал тысячу побед в поединках, причем 365 раз он сражался еще при жизни Марка Аврелия и 765 раз после его смерти. Предметом его особой гордости было то, что его 620 раз провозгласили «перворазрядным секутором» (Ael. Lampr. Comm. XI. 12; XII. 10–12; XIII. 3, 4). Погиб Коммод все-таки не от оружия или звериных когтей, а в результате заговора, составленного его любовницей Марцией, префектом

претория Летом и вольноотпущенником Эклектором, случайно узнавшими о намерении императора их казнить. В итоге, Коммода задушил обычно упражнявшийся с ним в борьбе атлет Нарцисс, позднее, при императоре Септимии Севере, отданный за это на растерзание львам. Когда известие о смерти ненавистного тирана дошло до сената, раздались крики: «Гладиатора – в спoliaрий!» (Ael. Lampr. Comm. XVIII. 4), то есть в мертвецкую.

После смерти последнего представителя династии Антонинов, в особенности с вступлением Римской империи в полосу затяжного кризиса III в., когда государственная казна испытывала недостаток денежных средств, гладиаторские игры становятся все более скромными. Впрочем, иногда их пытались разнообразить различными театральными эффектами. В период правления Септимия Севера (193–211 гг.), после истории с китом, выбросившимся на побережье Италии, на арену вывезли бутафорского кита, из пасти которого выскочили пятьдесят медведей. Спустя несколько лет в реализации сходной идеи использовали декоративный корабль, который день за днем, в течение всех игр, «терпел крушение» на арене и по ней разбегались сотни медведей, львов и зубров, с которыми сражались венаторы. Видимо, на таких представлениях юный сын Септимия Севера, Каракалла, «если ему приходилось видеть осужденных, отдаваемых на растерзание диким зверям... плакал или отворачивался», что вызывало особенное расположение к нему народа (Ael. Spart. Ant. Car. I. 5). Император Гелиогабал (218–222 гг.) предпочитал развлекать себя, а не толпу. С этой целью он использовал небольшой амфитеатр Кастренсе, возведенный в Риме в начале III в. Здесь развратный император любил смотреть на гладиаторские и кулачные бои перед обедом, приглашая разделить его только узкий круг людей. «Он устраивал свою столовую на самом высоком месте амфитеатра, и, когда он завтракал, для него вы-

пускали на арену преступников, которые охотились на диких зверей» (Ael. Lampr. Geliogab. XXV. 7, 8). Для человека, развлекавшегося человеческими жертвоприношениями, «выбирая для этого по всей Италии знатных и красивых мальчиков, у которых были живы отец и мать...» (Ael. Lampr. Geliogab. VIII. 1), такое времяпровождение выглядело вполне естественно. В этот период только немногие богатые провинциалы, вроде принадлежавшего к древнему роду будущего императора Гордиана I (238 г.), могли позволить себе ежемесячные игры, в которых участвовали от 150 до 500 пар гладиаторов и от сотни африканских зверей до тысячи германских медведей (Iul. Capit. Gord. III. 5). Этим его звериные «запасы» не исчерпывались: в принадлежавшем ему лесу паслись «двести ширококорых оленей вместе с британскими оленями, тридцать диких лошадей, сто диких овец, десять лосей, сто кипрских быков, триста мавританских страусов, раскрашенных киноварью, тридцать диких ослов, сто пятьдесят диких кабанов, двести горных козлов и двести ланей. Все это он позволил народу расхватать в тот день, когда в шестой раз давал зрелище» (Iul. Capit. Gord. III. 7, 8). В связи с назначением сенатом в том же 238 г. его преемниками Пупиена Максима и Бальбина и отправлением одного из них на войну, их биограф Юлий Капитолин сообщает о древнем обычае, согласно которому перед походом императоры «устраивали гладиаторские бои и охоты». Объяснялось это тем, что «готовившиеся идти на войну римляне должны были видеть битвы, раны, оружие и обнаженных людей, нападающих друг на друга, – чтобы на войне не бояться вооруженных врагов и не приходить в ужас от ран и крови» (Iul. Capit. Max. et Balb. VIII. 5–7). С прежними временами, пожалуй, могли сравниться только проведенные императором Филиппом Арабом (244–249 гг.) игры 248 г., посвященные 1000-летию основания Рима. Тогда в дело были пущены все зрелищные ресурсы, накопленные в Вечном городе:

«тридцать два слона, десять лосей, десять тигров, шестьдесят прирученных львов, тридцать прирученных леопардов, десять бельб – то есть гиен, тысяча пар казенных (то есть императорских – *В. Г.*) гладиаторов, шесть гиппопотамов, один носорог, десять косматых львов, десять жирафов, двадцать диких ослов, сорок диких лошадей и бесчисленное количество всевозможных других животных» (Iul. Capit. Gord. XXXIII. 1). В меньших масштабах отметил десятилетие своего правления император Галлиен (253–268 гг.), и все же его игры были названы «небывалыми» из-за невиданных дотоле предварительных торжественных шествий, в которых участвовали десять слонов, прирученные дикие животные разных пород и тысяча двести пышно разодетых гладиаторов в золоченых одеяниях римских матрон (Treb. Poll. Gall. VII. 4; VIII. 1–3). Последнее обстоятельство связано со склонностью Галлиена к различного рода веселью и шуткам. Известны две из них, имеющие отношение к тому, что происходило на арене амфитеатра. «Когда однажды он велел выпустить на арену огромного быка и вышел охотник, который должен был поразить его, но после десяти выводов не мог убить его, Галлиен послал охотнику венок. Так как все стали вполголоса выражать недоумение, почему такой в высшей степени неумелый человек получает венок, Галлиен велел объявить через глашатая: “Не сумеешь поразить быка столько раз – дело трудное”. Когда кто-то продал его жене вместо настоящих драгоценных камней – стеклянные и она, узнав об этом, пожелала наказать его, Галлиен велел схватить продавшего как бы для того, чтобы отдать его на растерзание льву, а затем распорядился выпустить из клетки каплуна. Когда все удивились такой смешной выходке, он велел сказать через глашатая: “Он подделал, и с ним поступили так же”, а затем отпустил торговца» (Treb. Poll. Gall. XII. 3–5). В этот сложный период, когда империя со всех сторон подвергалась нападениям врагов и государ-

ственная казна была опустошена, императоры не упускали случая сэкономить на организации публичных зрелищ. Так, Проб (276–282 гг.) по случаю триумфа над германцами и африканским племенем блеммиев показал римлянам на арене Большого цирка звериные травли и поединки трехсот пар гладиаторов, набранных исключительно среди пленных представителей упомянутых племен, а также сарматов и исаврийских разбойников, захваченных на юге Малой Азии (Fl. Vor. Prob. XIX. 8). Последние грандиозные гладиаторские игры в духе прежних традиций устраивал император Диоклетиан (284–305 гг.), при котором число христианских мучеников, в том числе и принявших смерть на арене, увеличилось почти вдвое.

Понятно, что христиане не могли испытывать симпатий к гладиаторским играм и стали подвергать их активному осуждению. Уже «Апостольское поучение», приписываемое Ипполиту, римскому папе конца II в., отлучало от жизни христианских общин гладиаторов, их наставников, а также возниц, выступавших в цирке. Наиболее благоприятной почвой в данном отношении стали области распространения греческой культуры. Историк Плутарх, достигший высоких должностей в период правления императора Траяна, рекомендовал наместникам провинций наложить запрет на гладиаторские поединки. Когда в Афинах попытались заимствовать эту чуждую «школе Эллады» традицию, один из афинских граждан, Демонакс, выступил с речью, где прозвучали такие слова: «Жители Афин, чтобы принять эту традицию, вы должны разрушить храм Сострадания».¹ У ранних христиан было свое понимание гуманности: каждый человек достоин уважения и милосердия. Первым против кровопролития на арене выступил Тертуллиан, уроженец Северной Африки,

¹ Мэттьюз Р. Гладиаторы. М., 2006. С. 158.

подвизавшийся в Риме в качестве адвоката. Став христианином, он обрушил на любителей кровавых зрелищ гневные обличительные речи: «Если я войду в Капитолий или Серапей для жертвоприношений и молитв, то изменю Богу, точно так же, как если войду в цирк или театр в качестве зрителя... Амфитеатр посвящен еще большому числу демонов, чем Капитолий, – это поистине храм всех демонов. Там столько же нечистых духов, сколько зрителей... Если можно доказать, что жестокость, свирепость, варварство нам позволительны, тогда пойдем в амфитеатр. Если мы таковы, как о нас говорят, то станем наслаждаться человеческой кровью. Мне могут возразить, что преступники заслуживают наказания. Кто станет спорить, исключая разве самих злодеев? Я согласен, но согласитесь и вы, что доброму человеку нельзя любоваться казнью злого: он должен скорбеть о том, что подобный ему человек имел несчастье впасть в преступление, заслуживающее строгого наказания. Впрочем, можно ли ручаться за то, чтоб одни только виновные предавались на растерзание зверям и подвергались другим казням? Не приговаривают ли иногда к казни невинных по злобе судьи, небрежению адвоката или из-за пристрастного следствия? Лучше не видеть, как карают злодеев, чем видеть, как с ними гибнут и добрые люди, если, конечно, они понимают, в чем благо. Ведь среди гладиаторов есть и невинные люди, приносимые в жертву удовольствию публики... Кто не выносит вида покойников, тот в амфитеатре с удовольствием смотрит на тело, плавающее в луже крови. Кто пришел посмотреть на казнь преступников, сам плетью и розгами толкает гладиатора, против его воли, на убийство. Кто требует опасного убийцу отдать на съедение льву, тот просит свободы свирепому гладиатору, а в случае его смерти подбегает и с близкого расстояния сочувственно разглядывает того, чьей гибели требовал издавека. (Tert. De spect. 8; 12; 19; 21). Тертуллиан утверждал, что не сможет

учить милосердию тот, кто «с удовольствием смотрит на разъяренных медведей и щитки ретиариев. Да избавит Бог служителей своих от желания участвовать в столь гибельных увеселениях... устами, произносившими в храме “Аминь”, рассуждать о достоинствах гладиатора» (Tert. De spect. 25). Конечно, несмотря на все свое возмущение, христианские писатели были не в силах остановить кровопролитие, поощрявшееся властями. Максенций (306–312 гг.), известный гонитель христиан, давал гладиаторские игры в честь своего дня рождения даже когда его соперник, будущий Константин I Великий (312–337 гг.), со своим войском стоял у стен Рима. Да и сам Константин, позднее признанный церковью равноапостольным, отметил свою победу над Максенцием гладиаторскими играми, на проведение которых он и в дальнейшем выделял деньги. Ситуация начала меняться только когда император стал открыто поддерживать христианскую церковь, а затем выступил одним из инициаторов Никейского собора 325 г., преодолевшего споры и разногласия по поводу церковных догматов. Под его влиянием был принят эдикт о наказании преступников, где, в частности, указывалось, что магистраты не должны посылать осужденных преступников в гладиаторские школы, вводился запрет на организацию гладиаторских игр, да и сами казни заменялись принудительным трудом в каменоломнях. Впрочем, этот закон не касался Рима и ряда других городов, которым в этом отношении были даны особые привилегии. В любом случае, масштаб игр, конечно, был уже далеко не тот. Все же римлянам было трудно отказаться от укоренившихся привычек и к 357 г., несмотря на очередной запрет для солдат и офицеров добровольно поступать в гладиаторские школы, волна игр вновь захлестнула всю территорию империи. Посетившему в тот год Рим императору Констанцию II (337–361 гг.) громада амфитеатра Флавиев показалась столь высокой, что «ее едва достигает чело-

веческий взор» (Amm. Marc. XVI. 10. 14). «Высочайший» интерес к играм продолжал проявляться и позднее. Император Валентиниан I (364–375 гг.), несмотря на то, что уже через год после прихода к власти подтвердил эдикт Константина, исключавший возможность вынесения приговоров «к арене», настолько полюбил двух свирепых медведиц по имени Золотая Крошка и Инноценция (Невинность), любительниц человеческого мяса, что «клетки их поместил возле своей спальни, приставил к ним надежных сторожей, которые должны были следить за тем, чтобы злобная ярость этих зверей не ослабевала по какой-нибудь случайности. Инноценцию, в конце концов, за ее заслуги он выпустил на свободу в лес, после того как на его глазах совершенно было погребение немалого числа трупов растерзанных ею людей» (Amm. Marc. XXIX. 3. 9). В то же самое время соправителя Валентиниана I, Грациана (367–383 гг.), как в свое время Коммода, захватила страсть к истреблению животных. Как писал Аммиан Марцеллин, «убивая стрелами зубастых зверей», он каждый раз испытывал неподдельный восторг (Amm. Marc. XXXI. 10. 18). И все же постепенно запреты множились, и в 399 г. Гонорий решил закрыть последние гладиаторские школы. Идея игр ради развлечения народа постепенно угасала. Этот процесс распространялся с греческого Востока на латинский Запад. Последний «мунус» в восточных провинциях Римской империи состоялся в 392 г. в Антиохии. В западной части государства ситуация была совершенно иная. Увлечение играми было последней страстью местного населения, и на это не могли повлиять никакие военно-политические катастрофы. В одном из сочинений Сальвиана, церковного писателя начала V в., повествуется об уцелевших жителях Трира, четыре раза подряд разграбленного варварами, которые признавались, что совершенно примирились бы со своей участью, если бы им оставили их привычные зрелища. Из

сохранившихся писем Квинта Аврелия Симмаха (ок. 340–402 гг.), известного ревностного защитника древних обычаев и противника христианства, мы знаем, что он не раз устраивал игры, чтобы отметить очередной этап в карьере своего сына. Так было и в 393 г., когда тот выдвинул свою кандидатуру на должность квестора. Из письма, описывающего подготовку игр, мы знаем, с какими сложностями, порой, приходилось сталкиваться их организаторам. Организацию зрелища он начал с обращения ко всем своим друзьям в разных концах империи с просьбой доставить ему лошадей, медведей, львов, шотландских собак, крокодилов и т. д. По мере приближения игр беспокойство Симмаха все нарастало. Ситуация складывалась далеко не так, как он хотел. Медведи вовремя не прибыли, о львах ничего не было известно, а крокодилов доставили буквально в последнюю минуту. К тому же, они наотрез отказывались принимать пищу, а это значило, что их нельзя будет оставить на конец представления, как первоначально планировалось. Оставались, правда, еще гладиаторы: три десятка пленных германцев из племени саксов, но накануне игр двадцать девять человек из них задушили друг друга, чтобы не появляться на арене. Это был жестокий удар, и, по словам Симмаха, ему понадобилась вся его философия, чтобы перенести это несчастье. По поводу мужества гордых саксов он заявил, что «он ничего не хочет слышать об этих негодях, которые оказались хуже Спартака» (Symm. X. 46). Впрочем, эта неудача не остановила его, когда сын собрался в 401 г. выставить свою кандидатуру в преторы. Теперь подготовку к играм в Колизее начали почти за три года, и только поэтому удалось собрать медведей из Италии и ряда северных областей, лошадей из Испании, собак из Британии, львов, леопардов, антилоп и крокодилов из Африки. В итоге затраты составили две тысячи фунтов золота (это 9 млн сестерциев), чего вполне хватило бы для пропитания

двадцати тысяч крестьянских семей в течение года. В связи с этим возникает вопрос: как часто использовался в этот период Колизей по своему прямому назначению? Ответ можно найти в документах, где отмечается, что из 176 праздничных дней в году под гладиаторские бои отводилось всего десять.¹

Возможности «людей меча» хоть как-то устроить свою судьбу все больше ограничивались. В 397 г. правители империи (Гонорий – на западе и Аркадий – на востоке) запретили сенаторам брать на службу гладиаторов. Еще через два года закрылись последние гладиаторские школы. Переломный момент в истории игр наступил в 404 г. Когда очередная пара гладиаторов готова была вступить в бой на арене Колизея, по окружавшей ее гладкой стене сполз вниз монах Телемах из Малой Азии. Но его призыв к братской любви остался без ответа. Возмущенные тем, что их пытаются лишить любимого зрелища, люди на трибунах завязали драку, в которой Телемах погиб. Потрясенный этой смертью император Гонорий (395–423 гг.) запретил впредь устраивать в Риме плохо увязывавшиеся с официальной государственной идеологией гладиаторские бои, но, даже, если бы этот запрет не состоялся, уже нельзя было и думать о дорогостоящих играх. К римским границам хлынули многочисленные варварские племена. Целая волна бедствий обрушилась на Рим: несколько разрушительных землетрясений и три варварских нашествия. Первыми у стен города оказались вестготы под командованием Алариха, которые захватили и разграбили его в 410 г. Тогда впервые был нарушен запрет хоронить умерших в черте города, и возле Колизея появилось два кладбища с захоронениями погибших, перекрытых затем за счет строительства дороги. Спустя сорок пять лет пришли вандалы Гензериха,

¹ Берд М., Хопкинс К. Указ. соч. С. 53, 54.

а в 472 г. – другие варвары, которых привел Рицимер, главнокомандующий римской армией. К этому времени население Рима уже сократилось в десять раз, и он находился в страшном упадке. Теперь уже было не до роскошных представлений, ставших далеким прошлым. Впрочем, та часть обычной зрелищной программы, которая была связана с травлей зверей, продержалась в пределах ранее единой империи еще несколько столетий, поскольку отношение общества к «охотам» было достаточно терпимым. Последние выступления венаторов в уже начавшем разрушаться Колизее состоялись в 523 г. при остготском короле Теодорихе (493–526 гг.).¹ Сохранился текст его письма к знатному римлянину Анисию Максиму с описанием деталей устраивавшихся тогда звериных «охот»: «В улитке-коклее (устройство цилиндрической формы с вращающимися дверными створками – В. Г.) – укрытии, перегороженном на четыре части, прячется другой человек, и похоже, что, легко вращая колеса, он не убегает от преследователя, а сам его преследует. Внутри этой конструкции прячущийся присаживается на колени, когда когтистые лапы медведя нависают над ним». Еще одно часто использовавшееся венаторами приспособление – «ёж» – описано таким образом: «Другой участник быстро прячется от хищных животных за переносной тростниковой стеной. Как ёж, сворачивающийся клубочком, так и этот прячется за этими стенками... И точно так же, как ёж, свернувшись клубком, выставляет свои иголки, так и этот, окруженный легкой решетчатой конструкцией, состоящей из соединенных между собой тростниковых прутьев, становится неуязвимым». А вот как описываются в письме прыжки венаторов: «Первый, опираясь на гибкий шест, прыгает навстречу животным; и кажется, что именно в пасть животным он и

¹ Носов К. С. Указ. соч. С. 37.

хочет попасть, хотя на самом деле именно этого ему не хочется. Хищник и жертва устремляются друг к другу. Поднявшись ввысь в прыжке, атлет разворачивает все тело и плашмя падает на животное, накрывая его своим телом как арка. Животное замедляет бег... Получается, что маневренность атлета и кураж над животным вызывают большее удивление, чем атаки, предпринятые самим зверем». Это был последний всплеск интереса к зрелищным «охотам» на земле древней Италии.

3. Ремесло гладиатора

Выход гладиаторов на арену был лишь финалом долгой и тщательной подготовки профессиональных бойцов, которая велась в специальных школах, содержавшихся сначала частными лицами, а позднее и на средства римских императоров. Людей, для которых содержание и обучение гладиаторов было профессией и единственным источником средств к существованию, называли ланистами (термин, производный от того же корня, что и *lanius*, – «мясник»). Такой человек, так же как и сводник, считался запятнанным, а занятие его – постыдным. Ланиста на свой страх и риск скупал и опытных гладиаторов, и молодых рабов с подходящими физическими данными, которых обучал владению оружием. Иногда в гладиаторские школы отправляли преступников, и только смертная казнь была для них страшнее. Там они обучались обращению с оружием, после чего выходили на арену. Если по прошествии трех лет осужденный оставался жив, его освобождали от выступлений в амфитеатре, но он должен был еще два года прожить в школе, после чего получал уже полное освобождение. Пополняли ряды гладиаторов и военнопленные; например, император Тит после взятия Иерусалима часть евреев отправил в египетские каменоломни,

а часть распределил между школами при амфитеатрах. Кроме того, любой хозяин мог отправить своего раба в гладиаторы за вину или без вины, и только Адриан (117–138 гг.) ограничил этот произвол (Ael. Spart. Hadr. 18): теперь нельзя было сделать раба гладиатором без его согласия; если, конечно, раб не совершил преступление, за которое хозяин наказывал его гладиаторской школой. Порой, попадали сюда и свободные люди, привлеченные либо даровым кровом, готовой едой и надеждой на сытую жизнь в будущем, либо возможностью обогатиться, а также стремлением к блестящим победам и опьяняющей славе. Именно последним обстоятельством можно объяснить появление целого ряда законодательных актов I в. до н. э. – I в. н. э., касающихся участия римских граждан в гладиаторских боях. Еще в 38 г. до н. э. был принят закон, запрещающий сенаторам, а потом и всадникам, выступать на арене в качестве гладиаторов, но он слишком часто нарушался, и император Тиберий для исправления нравов общества осудил многих распутных юношей из высших сословий, которые действовали вразрез с этим постановлением сената, на изгнание. Особого успеха такие карательные меры не возымели, и в 69 г. вышел указ императора Вителлия, которым было «строжайше запрещено римским всадникам позорить себя участием в гладиаторских боях». Сообщающий об этом Тацит добавляет, делая небольшой экскурс в недавнее прошлое: «при прежних принцепсах их склоняли к этому деньгами, а чаще силой; многие муниципии и колонии наперебой старались подкупить наиболее развращенных из своих молодых людей, чтобы сделать их гладиаторами» (Tac. Hist. II. 62). «Сколько бездельников тщеславие побудило взяться за ремесло гладиатора, а некоторые из тщеславия даже участвуют в звериных травлях и считают, что шрамы от когтей и зубов сделают их привлекательнее», – неодобрительно восклицал позднее в одном из своих трактатов Тертуллиан (Tert. Ad martyr. 5). Мог-

ли быть и другие причины: одним из любимых упражнений в риторских школах были сочинения на тему о благородном юноше, который, жертвуя честью и добрым именем, нанимался в гладиаторы, чтобы предать погребению отцовский прах или помочь другу. Последний сюжет использовал известный греческий писатель II в. Лукиан Самосатский в новелле «Токсарид, или Дружба». В ней рассказывается о двух друзьях родом из Скифии, Токсариде и Сисинне, оказавшихся по воле случая в городе Амастрии на Понте Евксинском (Черном море). Оба в результате ограбления лишились всего своего имущества, и Токсарид решил даже, что настал момент с достоинством уйти из жизни, не принимаясь за какой-нибудь унижительный труд. Сисинн же не отчаивался, особенно после того, как увидел на площади шествие «видных юношей благородной осанки. На самом деле это были нанятые за плату гладиаторы, которые через два дня выступали во время представления». Когда наступил назначенный день, они отправились в местный театр. Далее, как рассказывал Токсарид, «усевшись, мы видели, как они охотились с дротиками на диких зверей, как их травили собаками, как выпускали зверей на каких-то связанных людей, по-видимому, злодеев. Наконец, выступили гладиаторы. Глашатай, выведя весьма рослого юношу, объявил, чтобы всякий, желающий сразиться с ним один на один, выходил на середину, – за это он получит десять тысяч драхм – плату за бой. При этих словах Сисинн вскочил и, сбежав на арену, изъявил желание сражаться и потребовал оружие. Получив десять тысяч драхм, он принес их и отдал мне... Сисинн, получив оружие, надел его, только не взял шлема, а сражался с непокрытой головой. Он получил рану, задетый кривым мечом (т.е. противник выступал в вооружении фракийца – В. Г.) под коленом, так, что кровь обильно заструилась... Но Сисинн подстерег своего противника, кинувшегося слишком смело, и пронзил его насквозь, поразив в грудь. Гладиатор тут же

пал к его ногам. Сисинн, страдая и сам от раны, сел на убитого и едва не лишился жизни... Когда же Сисинн был провозглашен победителем, я поднял его и доставил в наше жилище» (Лис. Тох. 59, 60).

У Лукиана речь идет о разовом выступлении в роли гладиатора без всяких дальнейших обязательств. В действительности, подобные случаи встречались крайне редко, поскольку, по крайней мере в Италии, законодательство ставило перед человеком, по своей воле обратившемуся к ланисте, ряд препятствий, которые заставили бы его передумать. Доброволец должен был объявить народному трибуну свое имя, возраст и получаемую сумму, но тот мог не согласиться на заключение сделки, если считал его негодным для такого ремесла по возрасту или состоянию здоровья (Iuv. 11. 5–8). При этом сумма, за которую человек продавал свою жизнь и свободу, была абсолютно ничтожной – по закону не больше двух тысяч сестерциев. Тем не менее, такие волонтеры составляли примерно пятую часть всего населения казармы. Фактически они становились «юридически мертвыми» и давали официальную клятву в том, что на срок действия договора их можно «жечь, заковывать в цепи, сечь и убивать железом». Платой за каждое выступление становились все те же две тысячи сестерциев. В случае продления договора гонорар увеличивался сразу в шесть раз. Впрочем, чтобы немедленно прекратить опасную работу и разорвать контракт, достаточно было заплатить немалый выкуп. Отличительной чертой свободных гладиаторов было обязательно упоминание в связи с ними их родового имени, например Тит Клавдий Фирм, тогда как рабов обозначали просто по именам. Впрочем, иногда и те, и другие скрывались за псевдонимами, как правило, имеющими отношение к птицам (Голубь), животным (Лев, Тигр), мифологическим персонажам (Гермес, Геркулес, Ахиллес), либо к отличительным качествам конкретного человека (Непобежденный, Отважный).

Для любого ланисты, практиковавшего продажу гладиаторов организаторам игр или сдачу их внаем, возможность заработать хорошие деньги, безусловно, была вполне реальной. В переписке Цицерона упоминается, что его друг Аттик, никогда не упускавший случая нажиться, как-то раз купил хорошо обученный отряд гладиаторов. Это приобретение вызвало полное одобрение знаменитого оратора. Со знанием дела он писал, что если отдать гладиаторов внаем, то уже после двух выступлений можно полностью вернуть свои деньги (Cic. Epist. IV. 4a. 2), причем для знатного человека такая коммерческая операция ничуть не считалась позорной, ведь для него это был всего лишь побочный источник дохода.

В поисках заработка хозяин группы гладиаторов мог переезжать с ними с места на место, подобно бродячему цирку, давая по пути кровавые представления, неизменно приносившие хорошую прибыль. Обойтись без его услуг не могли ни городские магистраты, ни частные лица, дававшие игры. Для понимавших толк в этом деле, таким образом, открывался путь к быстрому обогащению, которое, впрочем, не вызывало уважения в глазах других людей. Ведь обычно ланистами были сомнительные личности со связями в преступной среде, что только увеличивало отвращение к их деятельности. В любом случае, занимать какие-либо государственные должности они не могли.

Первые гладиаторские школы появились на юге Италии, в Кампании, с ее прекрасным здоровым климатом. Самая старая из них принадлежала Аврелию Скавру, консулу 108 г. до н. э. Именно в кампанском городе Капуе находилась известная школа ланисты Лентула Батиата, откуда бежали вооруженные чем попало несколько десятков человек во главе со знаменитым Спартаксом, что стало началом восстания рабов, потрясшего всю Италию. Нередко местным школам покровительствовали или содержали их богатые и влиятельные

люди, заинтересованные в том, чтобы в случае необходимости получить поддержку отряда опытных бойцов. В таком случае ланиста выступал в роли управляющего этим заведением. Иногда ему отдавали в науку своих рабов несколько хозяев: у некоего Сальвия Капитона их обучалось девятнадцать человек, и только один был его собственностью, остальные принадлежали разным людям (CIL. IX. 465, 466). Мы знаем, что Юлий Цезарь имел свою школу гладиаторов в Капуе, где в 49 г. до н. э. прошли подготовку пять тысяч человек, а в судьбоносную ночь накануне перехода через Рубикон он занимался ни чем иным, как обсуждением плана здания другой школы – в Равенне, которая, в итоге, и была построена в короткие сроки. Из его писем следует, что он уделял обучению все большего количества принадлежавших ему гладиаторов постоянное внимание. Некоторые молодые бойцы получали необходимые навыки в домах римских всадников и даже сенаторов, хорошо владевших оружием. В таком случае они часто лично руководили занятиями (Suet. Caes. 26. 3). В первые века нашей эры только императоры могли содержать в столице и других городах лучшие школы гладиаторов. Среди их выпускников особой известностью пользовались те, кого называли юлианцы и неронианцы, то есть прошедшие подготовку в школах, основанных Юлием Цезарем и Нероном.

Для начала новичков, оказавшихся в школе, как и молодых легионеров в армии, заставляли выполнять определенные упражнения. Им выдавали сплетенные из прутьев закругленные щиты и палки или деревянные мечи двойного веса по отношению к обыкновенным, чтобы, получив настоящее, более легкое оружие, они сражались спокойнее и быстрее. Такие упражнения формировали сильные руки и плечи. Плиний Старший, рассказывая о проявлениях необычайной силы, писал, что «имевший тощее тело, но необыкновенную силу Тристан, славившийся владением самнитским оружи-

ем в боях гладиаторов, и его сын, воин Помпея Великого, обладали мышцами, идущими вдоль и поперек, крест-накрест, по всему телу, на плечах и на руках» (Plin. Nat. Hist. VII. 81, 82). Затем «не только утром, но и после полудня они упражнялись на деревянных чучелах» высотой в человеческий рост. Как заметил Вегетий в своем трактате «Краткое изложение военного дела», «никогда еще ни на песке арены, ни на поле битвы никто не оказывался непобедимым воином, если он со всем прилежанием не упражнялся и не учился искусству на чучелах...» (Veget. I. 11). Он описывает процесс обучения следующим образом: новичок выступает против чучела, как против настоящего врага; «он то старается поразить его в голову и лицо, то грозит его бокам, то, нападая на голени, старается подрезать ему подколенки, отступает, насккивает, бросается на него... продельывает на этом чучеле все виды нападения, все искусство военных действий. При этих предварительных упражнениях всегда особенное внимание обращалось на то, чтобы новобранец, стремясь нанести рану, сам не открывал ни одной части своего тела и не подставлял ее для удара. Кроме того, они учились бить так, что не рубили, а кололи. Тех, кто сражался, нанося удар рубя, римляне не только легко победили, но даже осмеяли их. Удар рубящий, с какой бы силой он ни падал, не часто бывает смертельным, так как жизненно важные части тела защищены и оружием, и костями; наоборот, при колющем ударе достаточно вонзить меч на два дюйма, чтобы рана оказалась смертельной, но при этом необходимо, чтобы то, чем пронзают, вошло в жизненно важные органы. Затем, когда наносится рубящий удар, обнажаются правая рука и правый бок; колющий удар наносится при прикрытом теле и ранит врага раньше, чем тот успеет заметить» (Veget. I. 11, 12). После приобретения новичком первых необходимых навыков опытный боец занимался их совершенствованием в отношении умения пользоваться щитом

том или наручем для отражения нападения, не раскрываться в бою, парировать неожиданный выпад противника или ловко уклоняться от него. На показательных поединках тщательно разбирались ошибки и промахи учеников. Несколько удачно проведенных сражений давали им право перейти в категорию «ветеранов». Гладиаторов каждого типа разделяли в соответствии с их силой и умением на пять рангов-палусов. В эпитафиях родные или друзья никогда не забывали упомянуть, что умерший был гладиатором высших первого или второго ранга. При жизни это повышало его рыночную стоимость, которая определялась подробными записями по каждому бойцу, которые использовали при составлении программы игр.

Сохранился текст закона императора Марка Аврелия 177 г., где указаны предельные цены на гладиаторов, проставленные в сестерциях. Эта основная расчетная единица Римской империи представляла тогда собой монету из аурихалка (латунь) весом около 27 г. Одна золотая монета (ауреус) весом 8,19 г разменивалась на двадцать пять серебряных денариев или на сто сестерциев. Чтобы составить представление об его покупательной способности, укажем такие цифры: пятисот сестерциев крестьянской семье вполне хватало, чтобы прокормиться в течение года, а две тысячи стоил раб, необученный никакому ремеслу. Для начала закон Марка Аврелия предусматривал, чтобы на каждом представлении рядовые гладиаторы стоимостью от одной до двух тысяч сестерциев составляли не менее половины от общего числа участников. Опытные гладиаторы, в зависимости от разряда, ценились гораздо дороже – от трех до пятнадцати тысяч сестерциев. И все же разница в стоимости бойцов была не слишком большой, особенно если сравнить гонорары современных футбольных звезд и рядовых спортсменов. Сами выступления гладиаторов в провинциальных амфитеатрах по стоимости делились на пять категорий: от тридцати

до двухсот тысяч сестерциев. Колизей требовал, конечно, большего вложения денег. Например, еще при Траяне будущий император Адриан, заняв должность претора, устроил игры, на которые потратил два миллиона сестерциев (Ael. Spart. Hadr. III. 8). Правда, в эту сумму, очевидно, входили затраты на приобретение животных и подарки зрителям. Возвращаясь к провинциальным представлениям, отметим, что даже при максимальной стоимости игр на них могли выступить в поединках не более сорока бойцов, то есть они были сравнительно небольшими.

Если в дальнейшем хорошо обученный гладиатор, демонстрируя на многих играх свои храбрость и ловкость, презрение к боли и смерти, завоевывал расположение народа, то, по требованию публики, он мог получить свободу, символом которой служил специальный деревянный меч – рудис. Эти «потерянные», по выражению Цицерона, но способные «завести толпу» люди вызывали всеобщий интерес и восхищение повсюду – от рыночной площади до императорского двора. Юноши из знатных семейств приходили учиться у них фехтованию, сами императоры нередко посещали гладиаторские школы. Женщины из аристократических семей, подвергая себя опасности насмешек, влюблялись в гладиаторов, увлеченные их силой и славой, даже если они не блистали особой красотой. Порой, этой страсти отдавались не юные девушки, а вполне зрелые женщины и часто из высшего общества, такие как Эппия, жена сенатора, которую вывел в одной из своих сатир Ювенал (Iuv. VI. 103–112):

... Что за краса зажгла, что за юность пленила
Эппию? Что увидав, «гладиаторши» прозвище терпит?
Сергиол, милый ее, уж давно себе бороду бреет,
Скоро уйдет на покой, потому что изранены руки,
А на лице у него уж немало следов безобразных:
Шлемом натертый желвак, огромный по самому носу,

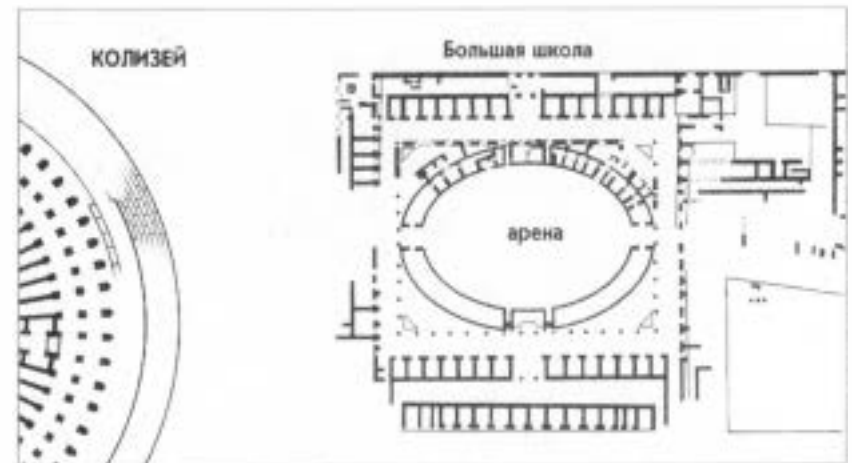
Вечно слезятся глаза, причиняя острые боли.
Все ж гладиатор он был и, стало быть, схож с Гиацинтом.
Стал для нее он дороже, чем родина, дети и сестры,
Лучше, чем муж: ведь с оружием он!

Конечно, Эппия – вымышленное имя, но за ним стоят вполне реальные истории. Достаточно вспомнить уже упоминавшуюся Фаустину, жену Марка Аврелия, которая по одной из версий родила будущего императора Коммода от простого гладиатора. Возможно, следствием такого фанатичного увлечения гладиаторами являются многочисленные светильники с изображением сцен гладиаторских боев, помещенные в могилу знатной римлянки, открытую в 2000 г. на территории Лондона.

Достаточно просмотреть надписи из одних только Помпей, чтобы убедиться, какой живейший интерес, не меньший, чем к современным спортсменам, киноартистам и музыкантам, вызывали обитатели гладиаторских казарм: все знают их имена, карьеру, обсуждают подробности поединков на арене и рисуют их на стенах, иногда сопровождая рисунки надписями, например: «Вот непобедимый Гермаиск» или «Оффициоз бежал». Изображения гладиаторов мы видим на многих фресках и мозаиках, их образы увековечены на вещах из повседневного обихода: посуде, светильниках и резных камнях, которые тысячами расходились среди поклонников захватывающих зрелищ на арене амфитеатров. Некоторым их даже клали в могилу. И все-таки можно было пользоваться печаткой или пить вино из сосудов с изображениями гладиаторов и, в тоже время, презирать их ремесло. Выражая именно такого рода устоявшееся мнение, поэт Ювенал считал гладиаторскую школу последней ступенью человеческого падения. Римские законы запрещали любому, кто хоть когда-нибудь был гладиатором, занимать должности, связанные с управлением или судопроизводством. Когда хоте-

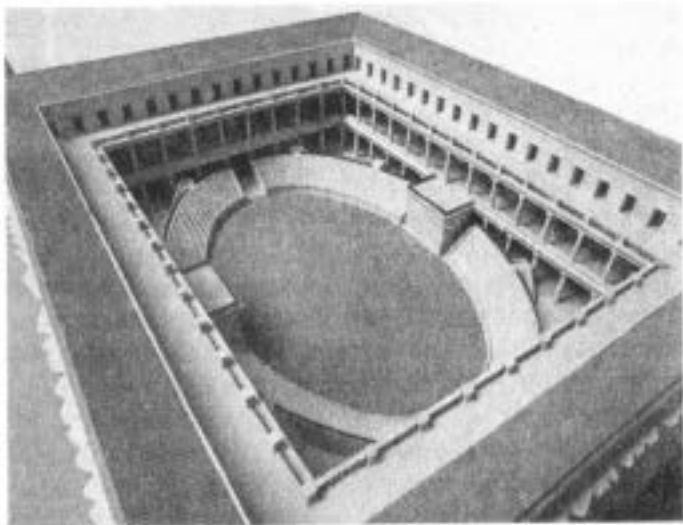

Занятия в гладиаторской школе

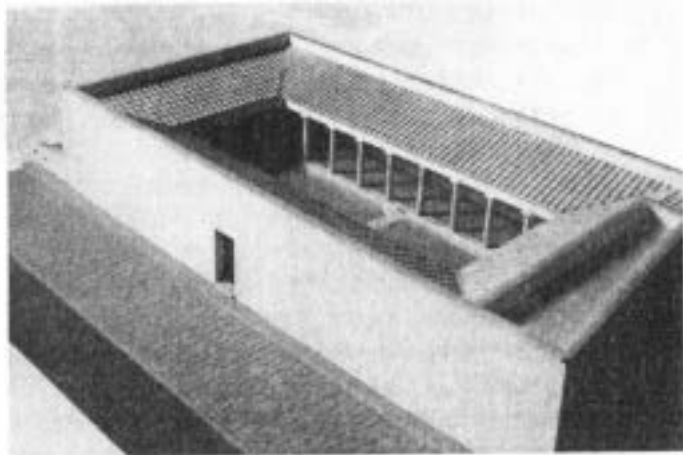

План Большой школы в Риме

*Макет Большой школы.
Рим. Музей древнеримской цивилизации*

*Макет школы гладиаторов в Помпеях.
Рим. Музей древнеримской цивилизации*

ли утешить человека, потерявшего сына, то говорили, что его ожидало неопределенное и, может быть, мрачное будущее: а вдруг он стал бы гладиатором? Это бросающееся в глаза противоречие подчеркивал Тертуллиан, когда писал: «Устроители и распорядители игр наказывают бесчестьем и лишением прав тех самых возниц, актеров, атлетов, гладиаторов, которым зрители отдают свои симпатии, а зрительницы, сверх того, и тело, рискуя погубить свое доброе имя и репутацию: им закрыт доступ в Курию и на Ростры, в сенаторское и всадническое сословие, к каким-либо почетным должностям и наградам. Какое извращение! Они любят тех, которых наказывают; презирают тех, кого одобряют; хвалят исполнение, а исполнителя позорят. Как странно бесчестить человека за то самое, за что воздается ему честь. Вместе с тем, какое признание в порочности зрелищ! Их исполнители, хотя и окружены любовью, не зря лишаются доброго имени» (Tertul. De spect. 22).

На тренировках требовалось, несмотря ни на что, сохранять самообладание и строжайшую дисциплину. Провинившиеся попадали в карцер, за серьезные проступки их беспощадно наказывали. Большинство гладиаторов терпело такую жизнь, ведь за попытку побега в назидательных целях полагалось распятие на кресте, но, в отдельных случаях, людьми полностью овладевала мысль о самоубийстве. Как правило, это касалось непрофессионалов, скажем, осужденных на смерть преступников. В любом случае обитателям гладиаторских казарм запрещалось иметь при себе ножи или другие острые предметы. Впрочем, при желании счеты с жизнью можно было свести и более простым способом. Сенека сохранил рассказ об одном гладиаторе, который на пути от школы до арены, где должно было состояться венацио, сломал шею, засунув голову между спиц вращавшегося колеса. Другой нанес себе смертельный удар, вонзив в горло острую щепку, а один германец покончил счеты с жизнью, засунув в горло губку из уборной, кото-

рую использовали в тех же целях, что и современную туалетную бумагу. Наконец, многие сражались, как говорили тогда, «без ненависти», просто давая себя убить. В какой-то мере чувства человека, испытывавшего страх перед ареной, передает сохранившийся отрывок из риторического упражнения об юноше, случайно попавшем в гладиаторскую школу: «И вот наступил этот день. Публика уже собралась на спектакль, чтобы взглянуть на наши страдания, и люди, обреченные на верную смерть, вышли на арену амфитеатра, образуя процессию в преддверии собственных похорон. Устроитель спектакля, который надеялся снискать себе популярность за счет нашей невинной крови, опустил ся на свое место... Наставник был невысокого мнения обо мне, и я, несомненно, считался уже покойником. В ожидании своего выхода на арену я с ужасом озирался. Один человек точил меч, другой – нагревал полоски металла (для проверки, не симулирована ли смерть? – В. Г.), третий возился с кнутами, видимо, приготовленными для травли зверей... Трубы заливались от радости, предвкушая мою гибель, появились носилки, чтобы выносить с арены убитых, – меня ждал неотвратимый конец».

В научно-популярной литературе часто встречается мнение о том, что *арена амфитеатра в ходе представления превращалась в какую-то «кровавую баню»* (штамп 6). Возьмем для примера такие строки: «Со щемящей ясностью можно представить себе, что творится на арене; от этих ручьев крови, от этих сотен трупов становится физически плохо».¹ Пожалуй, это справедливо только по отношению к, порой, неуклюжим массовым сражениям или звериным травлям, в которых заставляли принимать участие осужденных на смерть преступников или военнопленных, недавних врагов Рима.

¹ Сергеев М. Е. Простые люди древней Италии. М., 1964. С. 95.

Эти люди не могли рассчитывать на милосердие, ведь это была своего рода разновидность массовой казни, где никто собственно и не стремился «отпустить» победителей. Для таких бойцов, в подготовку которых не было вложено никаких средств, существовал особый термин – грегари. Именно о них Сенека написал следующие слова: «Все прежнее было не боем, а сплошным милосердием, зато теперь – шутки в сторону – пошла настоящая резня! Прикрываться нечем, все тело подставлено под удар, ни разу ничья рука не поднялась понапрасну. И большинство предпочитает это обычным парам и самым любимым бойцам! А почему бы и нет? Ведь нет ни шлема, ни щита, чтобы отразить меч! Зачем доспехи? Зачем приемы? Все это лишь оттягивает миг смерти. Утром люди отданы на растерзание львам и медведям, в полдень – зрителям. Это они велят уби-шим идти под удар тех, кто убьет их, а победителей щадят лишь для новой бойни. Для сражающихся нет иного выхода, кроме смерти. В дело пускают огонь и железо, и так покуда не опустеет арена... Бичи гонят их на меч, чтобы грудью, голой грудью встречали противники удар. В представлении перерыв? Так пусть тем временем убивают людей, лишь бы что-нибудь происходило» (Sen. Epist. VII. 4, 5).

В отличие от грегариев, смерть гладиаторов, обладавших большим опытом выступлений на арене, была бы слишком дорогим удовольствием, то есть просто невыгодна. К тому же, каждый тип гладиаторов, очевидно, имел широкий круг «фанатов», активно выступавших в защиту своих любимцев, если их выход на арену заканчивался случайным поражением. Не избежали этого увлечения и многие императоры. Светоний сообщает, что Калигула покровительствовал гладиаторам-фригийцам и даже убавил вооружение их обычным противникам – мирмиллонам, «а когда один из них, по прозвищу Голубь, одержал победу и был лишь слегка ранен, он положил ему в рану яд и с тех пор называл этот яд

«голубиным»» (Suet. Cal. 55. 2). Тит, не скрываясь, также объявил себя «поклонником гладиаторов-фракийцев, из-за этого пристрастия нередко перешучивался с народом и словами, и знаками, однако никогда не терял величия и чувства меры» (Suet. Tit. 8. 2). Со всем по-другому вел себя, достигнув императорского достоинства, младший брат Тита, Домициан. Он открыто «болел» за мирмиллонов и, услышав однажды слова уважаемого человека, отца семейства, который сказал, что гладиатор-фракиец не уступит противнику, а уступит распорядителю игр (т. е. «фракиец» уступит мирмиллону не потому, что он слабее, а потому, что мирмиллонов император любит больше – В. Г.), он приказал вытащить его на арену и бросить собакам, выставив надпись: «Щитonosец (еще одно название «фракийцев» – В. Г.) – за дерзкий язык» (Suet. Domit. 10. 1). Видимо, не избежал этого увлечения и император Адриан, который нередко упражнялся с гладиаторским оружием и сам часто смотрел на гладиаторские бои (Ael. Spart. Hadr. XIV. 10; XIX. 8). Еще один высокопоставленный «болельщик» – император Коммод – любил сам выступать на арене как секутор и, соответственно, покровительствовал гладиаторам этого типа. Более того, «среди прочих имен, которыми его наделяли во время триумфа, он шестьсот двадцать раз был назван также «перворазрядным секутором» (Ael. Lampr. Comm. XV. 3, 8).

В данном случае рассуждать на тему о «падении римских нравов» с позиций сегодняшнего дня бессмысленно. Видимо, индустрия зрелищ в Риме была настолько же отработана, как производство блокбастеров в Голливуде, когда продюсеры, в большинстве случаев, заранее просчитывают какие герои и какие повороты сюжета заставят зрителей ломиться в кинотеатры. Практически невозможно было сопротивляться всеобщему опьянению захватывающим зрелищем, которое действовало как наркотик. То, что происходило две тысячи лет назад на арене амфитеатра, увлекало, порой, даже людей

изначально добродетельных. В этом отношении показательна история, рассказанная одним из «отцов церкви» Блаженным Августином (354–430 гг.) в сочинении под названием «Исповедь». Среди его учеников был некто Алипий, которого Августин любил «за врожденные задатки ко всему доброму, достаточно обнаружившиеся в нем, когда был он еще совсем юн». Он отправился в Рим изучать право, «и там захватила его невероятным образом невероятная жадность к гладиаторским играм. Подобные зрелища были ему отвратительны и ненавистны. Однажды он случайно встретился по дороге со своими друзьями и соучениками, возвращавшимися с обеда, и они, несмотря на его резкий отказ и сопротивление, с ласковым насилием увлекли его в амфитеатр. Это были как раз дни жестоких и смертоубийственных игр. «Если вы тащите мое тело в это место и там его усадите, – сказал Алипий, – то неужели вы можете заставить меня впиться душой и глазами в это зрелище? Я буду присутствовать отсутствуя, и таким образом одержу победу и над ним, и над вами». Услышав это, они, тем не менее, повели его с собой, может быть, желая как раз испытать, сможет ли он сдержать свои слова. Придя, они расселись, где смогли; всё вокруг кипело свирепым наслаждением. Он, сомкнув глаза свои, запретил душе броситься в эту бездну зла; о, если бы заткнул он и уши! При каком-то случае боя, потрясенный неистовым воплем всего народа и побежденный любопытством, он открыл глаза, готовый как будто пренебречь любым зрелищем, какое бы ему ни представилось. И душа его была поражена раной более тяжелой, чем тело гладиатора, на которого он захотел посмотреть... Как только увидел он эту кровь, он упился свирепостью; он не отвернулся, а глядел не отводя глаз; он неистовствовал, не замечая того; наслаждался преступной борьбой, пьянел кровавым восторгом. Он был уже не тем человеком, который пришел, а одним из толпы, к которой пришел, настоящим товарищем тех, кто его привел. Чего боль-

ше? Он смотрел, кричал, горел и унес с собой безумное желание, гнавшее его обратно. Теперь он не только ходил с теми, кто первоначально увлек его за собой: он опережал их и влек за собой других» (Aug. Conf. VI. 8. 12, 13). Если оставить в стороне кровь, лившуюся на арене, то, видимо, для Алипия и прочих зрителей это был увлекательный, вдохновляющий спектакль, демонстрирующий любовь к славе и желание победы.

А какие, собственно, шансы выжить были у гладиатора во времена Римской империи? Это во многом зависело от степени его профессионализма и отношения публики к побежденным; ведь по правилам, установленным Августом, бои с установкой на смерть одного из участников надолго попали под запрет. Потерпевший поражение, если рана не была смертельна, имел право просить пощады у народа. Исполнение этой просьбы называлось *missio*. Случалось, что противники оказывались равны по силе и ловкости, тогда опять могли вмешаться зрители и потребовать, чтобы оба бойца были «отпущены». О них говорилось, что они *stantes missi*, то есть избавлены от смерти, когда еще «стояли на ногах» и могли продолжать бой. В таком финале боя не было позора поражения. Между тем преступников, осужденных на смерть, если они выступали в роли гладиаторов, помиловать было нельзя.

Результаты ста поединков I в., проанализированные французским ученым Ж.Виллем, дали следующую картину: шансы остаться в живых, выйдя на арену, примерно 9:1, у проигравшего — 4:1.¹ Получается, что в тот период помилование, фактически, было обычным явлением. Кроме того, при подборе сражающихся пар учитывался опыт участников: запрещалось выставять ветерана против новичка. Об одном из отступлений от

¹ Ville G. La gladiature en occident des origines a la mort de Domitien. Rom, 1981. P. 318–325.

Гладиаторская школа в Помпеях

*Надгробный рельеф ретиария
Марциала. III в.
Музей истории Лондона*

*Ретиарий на мозаике из Вероны.
Около 200 г.*

правил рассказывают помпейские граффити. Речь идет о подвигах некоего Марка Аттилы, который, будучи дебютантом, в вооружении мирмиллона сразился с профессионалом, четырнадцатикратным победителем на арене, и заставил его просить пощады. История повторилась через некоторое время с двенадцатикратным победителем Луцием Феликсом. Спустя двести лет, видимо, как реакция на сокращение числа выступлений, жестокие нравы снова возобладали. Шансы сохранить жизнь в ходе боя снизились до 3:1, а для проигравших составили и вовсе в лучшем случае 1:1. В 242 г. н. э., например, магистрат из Минтурн, маленького городка в Лации, хвалился, что он велел перебить всех побежденных, а ведь это был цвет кампанских гладиаторов. В любом варианте профессионалы, в среднем, выступали не чаще трех раз в год, то есть, по крайней мере, четыре года существования им были обеспечены. О судьбе и жизненном пути многих «людей меча» мы знаем по надгробным эпитафиям, согласно которым гладиаторская карьера могла продолжаться десять и более лет. В целом, средняя продолжительность жизни гладиатора, безусловно, отличалась от соответствующего показателя для простого римлянина. Если взять в качестве точки отсчета возраст 17 лет, в котором большая часть молодых людей попадала в гладиаторскую школу, то римский гражданин имел все шансы прожить еще лет тридцать, а их средняя продолжительность жизни не превышала двадцати семи лет. Конечно, не всем удавалось дожить и до этого возрастного предела. Надписи на могильных памятниках гладиаторов указывают имя, тип вооружения, родину, число поединков, годы жизни и обычно скупы на выражение чувств, как, например, в этом случае: «Македону, “фракийцу”, новобранцу из Александрии, весь отряд “фракийцев”. Жил 20 лет, 8 месяцев, 12 дней», но иногда буквально два слова – «весь отряд» – задевают за живое и заставляют задуматься о том, что за ними стоит в от-

ношении совсем молодого человека. Гладиатор Главкон закончил свою карьеру на восьмом поединке, когда ему было двадцать три года. Жена по имени Аврелия и «те, кто любили его», поставили памятник, на котором, судя по всему, приведены последние, сказанные им слова: «Мой совет: найди себе собственную звезду. Не доверяй Немезиде. Она обманула меня». Другая надгробная надпись рассказывает о гладиаторе (секуторе) из Флоренции, который после тринадцати выступлений на арене погиб в возрасте двадцати двух лет, оставив жену и двух детей, а товарищам по «фамилия гладиатория» напоследок дал практический совет: «убивай каждого, кого бы ни победил». Надо сказать, что многие из профессиональных гладиаторов действительно были женатыми мужчинами и имели детей. Их семьи разделяли все тяготы казарменной жизни, часто связанной с переездами из одного города в другой. Например, эпитафия ретиария Рапида гласит, что погребенный родом из Аквилеи был воспитанником местной школы, потом начал выступать в соседних провинциальных амфитеатрах, а нашел свою смерть в Далмации, решив померяться силами с гладиаторами школы в Спалато (Сплит). Редко кто проявлял такое благоразумие, как ретиарий Веян, который сразу после освобождения посвятил свои сеть и трезубец в храм, а на заработанные деньги купил поместье, где и умер в собственной постели спустя много лет. Например, удачливый боец по имени Фламма из Сирии за тридцать лет своей жизни участвовал в тридцати восьми поединках, из которых четыре проиграл, но получил «миссио». В описании его судьбы цифра «4» фигурирует еще один раз. Четырежды Фламме вручали деревянный меч, как символ освобождения, но он снова и снова возвращался на арену, пока не нашел там свою смерть.¹ Таким людям нрави-

¹ Тарновский В. Гладиаторы. М., 1998.

лось показывать во всем блеске свою отвагу, ловкость, мастерство и хладнокровие. Сенека вспоминал мирмиллона Триумфа, который жаловался, что при императоре Тиберии редки гладиаторские игры и зря пропадают лучшие годы. Младший современник Сенеки, философ-стоик Эпиктет (ок. 50–120 гг.) в своих беседах упомянул, как императорские гладиаторы жаловались, что слишком редко принимают участие в поединках, и «молили бога и наставников, чтобы им чаще предоставляли возможность показать себя в деле». Видимо, ветераны чувствовали себя на арене достаточно уверенно. В описании боев одного гладиатора из Кампании отмечено, что, выступая в пределах этой области, он за четыре дня провел двадцать два поединка с лучшими местными бойцами. Нам известно о существовании гладиаторов, за спиной у которых было от 60 до 150 боев, что возможно только при таких частых гастрольных выездах.¹

Лучших профессионалов, гладиаторскую элиту, составляли четыре существовавшие в Риме императорские школы. Одну из них, так называемую «Большую школу», итальянские археологи обнаружили рядом с Колизеем, связанным с ней подземным переходом. Она вполне оправдывала свое название, так как ежегодно здесь обучались кровавому ремеслу гладиаторов всех типов сотни молодых людей. Построенное из кирпича здание, по всей вероятности, насчитывало в высоту три этажа. В центре этого комплекса находился огромный двор с портиком и четырьмя фонтанами по углам. В него был встроены небольшой амфитеатр, на девяти рядах сидений которого могло разместиться до 1200 зрителей. Когда наступал момент выхода на арену Колизея, она уже не могла испугать обучавшегося здесь гладиатора своим непривычным видом. На северной и южной сто-

¹ Ville G. Op. cit. P. 321.

роне учебного амфитеатра располагались трибуны для императора или особо почетных гостей. На перпендикулярной оси были открыты два входа, ведущие на арену. Пространство над восточным из них занимало большое помещение с колоннами, предназначенное, по-видимому, для отправления императорского культа. В каморках-кубикулах по другим сторонам здания, как считается, могло разместиться единовременно до тысячи гладиаторов. Это здание оказалось обозначено на обнаруженных при раскопках фрагментах карты Рима, высеченной на мраморной плите в начале III в., во времена императора Септимия Севера.

Сохранились отдельные надписи, позволяющие судить об организационной стороне деятельности данного заведения. Во главе его стояли прокуратор с помощником, в прошлом люди военные или из числа чиновников финансового ведомства. Это были выгодные должности, ведь устроители игр от лица императора могли рассчитывать на заработки не менее 200 тысяч сестерциев в год.¹ Они распоряжались целым штатом служащих: хозяйством занимался вилик, учетом доходов и расходов ведал диспенсатор, арсеналом – препозит; мертвецкой, куда попадали убитые или умершие гладиаторы, – куратор. При школе была особая мастерская по изготовлению и починке доспехов (самиарий), а также мастера фехтования, как правило, из числа императорских рабов или вольноотпущенников. Как правило, каждый из них готовил гладиаторов одного типа, но иногда встречались и специалисты сразу по двум-трем видам вооружения и манере ведения боя. Особое внимание уделялось поддержанию хорошей физической формы гладиаторов. Об этом заботились опытные массажисты и лекари, так как гладиаторы стоили дорого и их

¹ Для сравнения годовое жалованье императорского прокуратора в провинции составляло 60 тысяч сестерциев.

владельцы были заинтересованы в том, чтобы они выступали на арене наиболее эффективно. Ведь больные и изможденные бойцы никогда бы не смогли привлечь внимание публики. Помимо всего, к их услугам были и врачи достаточно высокого уровня. Некоторые из них, например знаменитый Гален (ок. 130–200 гг.), в двадцать восемь лет став врачом при гладиаторской школе в Пергаме, через четыре года начал блестящую карьеру при императорском дворе. Позднее он не без гордости вспоминал, что пока он работал в Пергаме, «ни один гладиатор не умер от ран, хотя раньше смертей было очень много». В его многочисленных сочинениях чувствуется знакомство с теми проблемами, которые возникали в процессе первоначальной профессиональной деятельности, в частности, по поводу вправления кишки в рану.

Другие столичные гладиаторские школы отличались конкретной специализацией. В Утренней школе, соответственно времени выступлений, готовили будущих «охотников», венаторов и бестиариев. Их учили уметь действовать холодным оружием – копьем, рогатиной или широким и коротким кинжалом, – ведь их жизнь постоянно зависела от меткого глаза и твердой руки. Хорошо обученный венатор, порой, легко справлялся со своими страшными противниками. Так, молодой Карпофор убил за один день 20 зверей и был прославлен поэтом Марциалом в следующих стихах (Mart. Spect. 15):

Высшая честь, Мелеагр, которой ты славен в преданье,
Для Карпофора – пустяк: трудно ли вепря убить?
Он на рогатину взял и медведя в стремительном беге,
Что под арктическим небом был сильнее всех зверей;
Он ведь и льва поразил невиданных раньше размеров,
Что Геркулесовой мог быть бы достоин руки;
Он и пантере нанес быстролетной смертельную рану –
Подвигов столько свершив, был он по-прежнему бодр.

Иногда «охотникам» помогали сильные, хорошо выдрессированные собаки. Тот же Марциал посвятил отдельные стихи собаке Лидии, «обученной в амфитеатре» и погибшей «славною смертью» на арене от «молниеносного удара» дикого кабана. Специализированные школы профессиональных венаторов существовали во II–III вв. и в Африке, где звериные травли были особенно популярны.

Другими императорскими школами в Риме были Галльская, где готовили мирмиллонов, и Дакийская, где, по крайней мере, на первых порах обучали кровавому ремеслу пленников, захваченных в войне Домициана с даками. Гладиаторы из этих школ выступали не только на играх, устраиваемых императором. Он мог продать их или отдать внаем устроителям игр в других городах и, таким образом, получить хороший доход для казны.

Довольно часто в качестве классического образца провинциальной гладиаторской школы рассматривается соответствующее сооружение в Помпеях (штамп 8), но это еще одно заблуждение. Настоящая школа была разрушена землетрясением 62 г. и под нее наскоро переоборудовали расположенную близ местного театра постройку с четырехсторонним портиком дорического ордера, предназначенным для прогулок зрителей в антрактах между представлениями.¹ Находившийся в центре постройки большой прямоугольный двор размерами 55 × 44 м стал использоваться для тренировок. Проход в театр пришлось заложить, а к колоннаде пристроить жилые помещения в два этажа. Первый предназначался под каморки гладиаторов, где в случае необходимости размещались на время сна не более двух человек. Они были без окон числом около 70 и площа-

¹ Коарелли Ф., Де Альбендис Э., Гвидобальди М. П., и др. Помпеи. М., 2002. С. 178; Носов К.С. Гладиаторы. СПб., 2005. С. 161.

Донце стеклянной чаши
с изображением ретиария.
IV в. Лондон.
Британский музей

Поединок ретиария
с секатором на
помосте.
Прорисовка рельефа
с о. Кос. II–III вв.

дью примерно 4 кв. метра каждая. Несколько больших размеров был карцер, имевший зарешеченные окна и настолько низкие потолки, что выпрямиться в полный рост было невозможно. Под слоем застывших лавы и пепла здесь обнаружили останки четырех человек, прикованных цепями к стене, и ножные колодки. Они представляли собой деревянный брус с прикрепленной к нему железной полосой и кольцами, в которые пропускалась металлическая штанга, наглухо закреплявшаяся тяжелыми замками. Даже несколько часов, проведенных в неудобном положении в таких колодках, вызывали мучительные ощущения в теле.

Подсобную роль играли столовая и большая кухня, где готовилась обильная и сытная пища, главным образом из ячменной муки и бобов, считавшихся самыми полезными для физического развития тела. Короче, жили они не впроголодь. Освещение казарм осуществлялось через двери, открывавшиеся в портик первого этажа или на галерею второго. На втором находились комнаты ланисты и другие помещения, откуда можно было наблюдать за упражнениями новобранцев. Имелась парадная комната с фресками, изображавшими оружие гладиаторов. Подлинные образцы такого вооружения были найдены при раскопках и будут рассмотрены в отдельной главе.

Выход из школы всегда находился под присмотром многочисленных охранников. Спокойно миновать его можно было только в день игр, когда местные обитатели отправлялись отсюда, чтобы убивать или быть убитыми. А что же можно сказать о чувствах самих людей, выходивших отсюда на арену амфитеатра? В какой-то мере соприкоснуться с миром их мыслей позволяют надписи на стенах казармы. Конечно, большей частью это просто имена, сопровождающиеся указанием на число выступлений и побед, но иногда встречаются памятные записи, сплетни и непристойные шутки. Например, некий Флор отмечает, что 26 июля он одержал

победу в Нуцерии, а 14 августа – в Геркулануме. «Фракийца» Крескента его товарищи по казарме называют «господином ночных девиц» и «запоздалым их врачевателем», а «ретиария» Келада, «предметом девичьих вздыханий». В связи с этим можно вспомнить распространенную в научно-популярной литературе трактовку находки в помпейской казарме останков богатой дамы в том смысле, что она пришла сюда в день катастрофы на любовное свидание. Правда, тогда не понятно, зачем она принесла очень дорогие вещи? Видимо, в действительности все было гораздо прозаичнее и ужаснее: «как и другие застигнутые врасплох жители Помпей, эта женщина бежала из города, захватив с собой драгоценности, и попыталась переждать каменный дождь под крышей казарм, однако крыша не выдержала и вскоре рухнула. Так что это не поединок любви и смерти, а печальная история тщетной попытки убежать от разъяренной стихии».¹

Среди надписей резко выделяются процарапанные достаточно образованными людьми строки из стихов Гомера, Вергилия и Горация. Дважды упоминается название первой книги Библии – книги Бытия. Особый интерес представляет тщательно и красиво выписанное имя философа Луция Аннея Сенеки, единственного представителя римского общества, открыто возмущавшегося жестокостью толпы и гладиаторскими боями, когда «человек убивает человека не из гнева или страха, а просто чтобы посмотреть, как он умирает». Вероятно, автор этой надписи был хорошо знаком с его взглядами и находил утешение в том, что не все римляне утратили такие чувства, как жалость и сострадание к тем, кто вынужден проливать свою кровь на арене.

Какие же основные типы гладиаторов, частью уже упоминавшиеся без особых пояснений, сложились к

¹ Коарелли Ф. и др. Указ. соч. С. 180.

тому периоду, когда в 79 г. помпейские казармы оказались погребенными под градом вулканических камней и пепла? Каковы были особенности их вооружения и экипировки, предполагавшие определенную «технику боя»? Сразу отметим, что из примерно двадцати типов вооружения мнения исследователей полностью совпадают не более чем по пяти–шести. Дело в том, что к началу первых веков нашей эры, которые достаточно хорошо отражены в различных источниках, отдельные типы гладиаторов, первоначально изображавших народы, враждебные Риму, уже успели исчезнуть, как, например, самниты, или несколько видоизменились. В сохранившихся изобразительных материалах наиболее легко определяется тип гладиатора, именовавшегося «ретиарий» (от лат. «сеть»), с достаточно простой экипировкой. Он был вооружен сетью диаметром около трех метров, привязанной к запястью веревкой, большим трезубцем с толстой деревянной рукоятью (фусциной) и кинжалом. Из средств защиты у полууголого ретиария были только крепившийся на левой руке многослойный стеганный наруч (маника) из ткани или кожи, к которому пристегивался металлический наплечник (галер), закрывавший отчасти и шею. Общий вес снаряжения ретиария составлял всего около 7–8 кг, и это отсутствие тяжелого вооружения делало его самым непрестижным в глазах римлян, поскольку он постоянно находился в движении, давая повод для издевательских насмешек. Действительно, при отсутствии доспехов ему больше приходилось рассчитывать на свою скорость и проворство. Сражался он, как и все прочие гладиаторы, босым, что, очевидно, объясняется стремлением к большей устойчивости ног на песке арены во время поединка. Сеть ретиарий держал в хорошо защищенной левой руке, чтобы предотвратить во время броска возможность нанесения раны противником. Обычно им был тяжеловооруженный секутор – тип гладиатора, который детально будет рассмотрен далее.

В случае удачи ретиарий стремился быстрее опутать и повалить его, а затем нанести решающий удар. Если сопернику удавалось завладеть сетью, ретиарий перерезал веревку на запястье кинжалом и высвобождался. Такая пара – ретиарий и секутор – напоминала зрителям поединок рыбака и рыбы. Это сравнение усиливалось, когда «рыбака» ставили на высокий помост (лат. «понс» – мост), куда вели две узкие доски со ступеньками и который должен был с помощью собранных в кучки камней защищать его от атаки сразу двух секуторов. Итак, как же выглядел секутор (дословно «преследователь»)? Его основное предназначение понятно из другого названия – «контрретиарий». Вооружение включало шлем, прямоугольный щит (скутум), нож на левой ноге, манику на правой руке и меч. Шлем обтекаемой формы имел чрезвычайно гладкую поверхность, небольшие, диаметром не более 3 см, отверстия для глаз и округлый гребень в виде плавника рыбы. Соответственно, зацепить его сетью или поразить трезубцем было чрезвычайно трудной задачей. Тактика секутора диаметрально отличалась от образа действий ретиария. Это, практически, тот же мирмиллон, но с усовершенствованной техникой нападения. Чтобы устранить преимущества противника, он стремился к ближнему бою, но предсказать его исход было невозможно. У Светония есть рассказ о том, как при Калигуле «пять гладиаторов-ретиариев в туниках бились против пяти секуторов, поддались без борьбы и уже ждали смерти, как вдруг один из побежденных схватил свой трезубец и перебил всех победителей» (Suet. Cal. 30. 3). То, что такой вариант развития поединка между ретиариями и секуторами вовсе не являлся исключительным событием, доказывает фрагмент рельефа III в. с надгробного памятника ретиария на Аппиевой дороге. Здесь присутствуют изображения пяти соответствующих пар гладиаторов, причем ретиарии во всех случаях оказываются победителями. Судя по числу убиваемых

секуторов в данном случае представлен бой «сине миссио», то есть «без отпуски».

Предшественниками секуторов в их противостоянии ретиариям были мирмиллоны, по свидетельству лексикографа периода поздней Империи Феста, ранее именовавшиеся галлами. По мнению одних, «галлы» появились на арене после завоеваний Юлия Цезаря; согласно другой точке зрения – значительно раньше. В любом случае оба названия уже в I в. стали синонимами. Слово «мирмиллон» происходит либо от имени морской рыбы (*murma, mormyros, mormyllos*), которая изображалась на шлеме, либо от *murex* («морская улитка», «утес»), в обоих вариантах морская тематика налицо. «Не тебя ловлю, а рыбу; убегаешь зачем, галл?» – нередко напевал ретиарий вслед увернувшемуся от его сети мирмиллону.¹ Поединок гладиаторов именно этих типов, как наиболее характерный и впечатляющий, подробно описал Р. Джованьоли в первой главе своего романа «Спартак» (фактические ошибки в тексте отмечены курсивом), хотя изображений ретиариев, относящихся ко времени ранее рубежа нашей эры, так до сих пор и не найдено: «Все затихло, и глаза зрителей устремились на двух гладиаторов, готовых к схватке. Мирмиллон, галл по происхождению, белокурый, высокий, ловкий, сильный красавец, в одной руке держал *небольшой щит*, а в другой – широкий и короткий меч, на голове у него был шлем, увенчанный серебряной рыбой. Ретиарий, вооруженный *только* трезубцем и сетью, одетый в простую голубую тунику, стоял в двадцати шагах от мирмиллона и, казалось, обдумывал, как лучше поймать его в сеть. Мирмиллон, подавшись корпусом вперед и опираясь на вытянутую левую ногу, держал меч почти опущенным к правому бедру, ожидая нападения. Внезапно, сделав огромный пры-

¹ Сергеев М. Е. Жизнь в древнем Риме. СПб., 2000. С. 223.

жок, ретиарий очутился в нескольких шагах от мирмиллона и с быстротой молнии бросил на противника сеть. Но тот отскочил и, пригнувшись к самой земле, увернулся от сети, затем ринулся на ретиария, который, поняв свой промах, пустился стремительно бежать. Мирмиллон бросился преследовать его, но ретиарий, более ловкий, описав полный круг, успел добежать до того места, где лежала сеть, и подобрал ее. Едва он выпрямился, как мирмиллон настиг его, и в тот миг, когда он готов был обрушить на ретиария страшный удар, тот повернулся и кинул на противника сеть, но мирмиллон на четвереньках отполз в сторону, быстрым прыжком вскочил на ноги, и ретиарий, уже направивший на него трезубец, только царапнул остриями по щиту галла...» Как известно, в романе бой заканчивается смертью проигравшего схватку ретиария, но в действительности, как уже отмечалось, все могло быть иначе. У Валерия Максима, закончившего свой труд под названием «Достопамятные деяния и изречения» около 30 г., сохранился рассказ о поединке между ретиарием и мирмиллоном на гладиаторских играх в Сиракузах, когда ретиарий повалил своего противника и собирался добить его кинжалом (Val. Max. I. 7.8). Даже потеряв сеть, трезубцем можно было нанести удары страшной силы в голову или ноги противника, поймать и выбить из рук клинок меча или сильно надавить на край его щита.

Мирмиллон сражался обнаженным по пояс, что давало возможность продемонстрировать публике мощный торс и игру мышц. Низ живота был прикрыт лишь матерчатой набедренной повязкой (сублигакул), которая представляла собой ярко окрашенный кусок ткани в форме равнобедренного треугольника со стороной около 1,2–1,5 м. Два конца его завязывались спереди, третий пропусклся между ног и через узел и свободно свисал спереди. Верхнюю часть повязки перекрывал пояс (балтей) шириной до 8–12 см, застегивавшийся

сзади с помощью двух крючков на одном конце, которые входили в отверстия на противоположной стороне. На кожаной основе пояса традиционно крепились бронзовые пластинки. Прочее защитное вооружение было представлено шлемом, маникой на правой руке, короткой поножью на левой ноге и щитом-скутумом. Характерными чертами шлемов мирмиллонов были забрало, широкие поля и огромное украшенное плюмажем из перьев или конского волоса навершие в форме плавника рыбы. Один из них, хранящийся в коллекции Берлинского музея, был даже посеребрен, подобно рыбьей чешуе, и на солнце, должно быть, представлял собой поистине ослепительное зрелище. Поножь защищала ногу мирмиллона только ниже колена. Под него надевали толстые стеганные обмотки (фасции) из множества слоев шерсти или льна и закрепленные на ноге с помощью кожаных ремешков. Выше защитой служил скутум, укрывавший бойца до самого подбородка. Единственным наступательным оружием был обыкновенный гладиус – короткий меч с клинком длиной до 55 см, нередко привязанный ремнем к руке, чтобы не выронить его при столкновении с противником. В сумме вес вооружения мирмиллона составлял 16–18 кг, из которых до 7,5 кг приходилось на щит. Возможно, этот тип гладиатора, более других по комплекту вооружения соответствовавший римскому легионеру, использовался на арене для воссоздания картины сражений между римлянами и их многочисленными врагами.

Противостоять ретиарию на арене мог и арбелас. Этот термин («арбелас» – древнегреческое название полукруглого ножа сапожника) применялся по отношению к гладиатору с экипировкой в составе шлема, чешуйчатого панциря или кольчуги до колен, стеганого или набранного из металлических полос наруча (маники) на правой руке и коротких поножей на ногах. Шлем обычно имел продольный гребень. Вместо щита в левой руке

арбеласа мы видим на сохранившихся рельефах странное оружие в виде другого трубчатого наруча, завершающегося полукруглым лезвием. Видимо, оно было предназначено для разрезания сети ретиария и парирования ударов его трезубца, а при случае могло нанести противнику страшные, рваные раны. В правой руке при этом находился гладиус или кинжал. Согласно «Соннику» Артемидора, писателя II в., арбелас считался одним из наиболее коварных бойцов (Artemid. Oneirokr. II. 32). Общий вес его вооружения должен был достигать 22–26 кг. Без щита, с двумя мечами или изогнутыми кинжалами, выступали и димахеры. На дошедшем до нас рельефе из Фригии изображен боец в шлеме с забралом и полями, с поножами и стегаными обмотками на ногах. Его защитное вооружение детально не проработано, но, скорее всего, представляло собой кольчугу, иначе ближний бой для него при наличии двух коротких кинжалов был бы невозможен.

Название еще одного типа гладиатора – гопломах – греческого происхождения и означает «сражающийся оружием». Прообразом для него послужили древнегреческие тяжеловооруженные пехотинцы – гоплиты. В комплект снаряжения гопломаха входило копье в сочетании с коротким мечом или кинжалом. Минимум одежды ограничивался, как и у мирмиллона, набедренной повязкой и широким поясом. Голову защищал шлем с забралом, широкими полями и навершием, украшенным плюмажем. В боковые стороны шлема втыкались два изогнутых пера. Маленький круглый щит гопломаха диаметром около 45 см имел сильно изогнутую чашевидную форму. Он изготавливался из толстого листа бронзы и был очень тяжелым, что позволяло использовать его не только для защиты, но и для нападения. В руке, державшей щит, гопломах сжимал короткий кинжал, на правую руку одевалась маника. Небольшие размеры щита компенсировали высокие, доходившие до середины бедра, поножи, надевавшиеся поверх стеганных обмоток,

верхняя часть которых скрывалась под набедренной повязкой. Весь комплект вооружения вряд ли весил больше 17–18 кг. В зависимости от вкусов публики в различных областях империи, гопломах обычно выступал в паре с мирмиллоном или фракийцем.

Последний из упомянутых типов гладиаторов появился в Риме достаточно давно. Во время войны 87–85 гг. до н. э., которую полководец Сулла вел на Востоке против понтийского царя Митридата VI Евпатора, в римском плену оказалось много служивших в его войске фракийцев. И вот устроителям очередных игр пришла мысль выпустить на арену гладиаторов – «фракийцев». Правда, наименование это оказалось достаточно условным, так как «этническим» вооружение «фракийцев» назвать нельзя. Их можно легко спутать с гопломахами из-за маники на правой руке, стеганых обмоток на ногах, высоких поножей и шлема с полями и забралом (чтобы можно было видеть, в нем пробивали множество отверстий). Шлем, как правило, имел характерный, легко узнаваемый изогнутый гребень в виде головы грифона. Этот мифологический образ символизировал Немезиду, богиню возмездия, небольшие храмы которой имелись во многих местах античного мира, где проводились гладиаторские бои. Украшением шлема служил султан из перьев (креста), иногда – два пера на боковых сторонах. Еще одним существенным отличием «фракийца» был маленький, сильно выгнутый щит, иногда круглый, чаще квадратный (около 60 × 55 см), и небольшой кинжал с лезвием, изгибавшимся под тупым, а иногда и под прямым углом (сика). При почти равной тяжести вооружения с мирмиллоном и гопломом фракиец должен был проявлять большую подвижность, вести маневренный бой. Зрители ждали от гладиаторов такого типа ловких перебежек, точно рассчитанных проворных движений, позволявших с легкостью уклоняться от выпадов соперника или стремительно переходить в атаку. Только бы-

строга действий, учитывая небольшие размеры щита, могла спасти ему жизнь.

Еще один ранний и очень популярный тип гладиатора – это провокатор, выступавший полуобнаженным (повязка и металлический пояс-балтей) с маникой на правой руке и высоким поножем на левой ноге. Шлем с нащечниками, как правило, армейского образца, большой прямоугольный щит и меч с прямым клинком напоминали вооружение римского легионера. Бросавшаяся в глаза особенность заключалась в наличии на груди большой металлической пластины (кардиофилакс) в виде прямоугольника или полумесяца, которая крепилась на спине перекрещивающимися ремнями. Со II в. шлем провокатора стал более закрытым, с надежно прикрывающим шею широким задним полем. Нащечники сменило забрало с двумя забранными решетками-отверстиями для глаз. Щит отличался от skutuma наличием у него вертикального металлического ребра. Вес облегченного варианта вооружения составлял 14–15 кг. Обычно провокаторы сражались в паре, и только в одном случае в качестве противника отмечен мирмиллон.¹

Сражались на арене и легковооруженные гладиаторы-всадники (эквиты). Вот как описывает их позднеантичный энциклопедист Исидор Севильский: «Два всадника в позолоченных шлемах и очень легко вооруженные выезжают на белых конях, один с восточной, другой с западной стороны» (Isid. Ethim. 18. 53). Они начинали бой, используя копьё с листовидным наконечником длиной 2–2,5 м, а когда они ломались, то, оказавшись на земле, продолжали его с помощью коротких мечей. Обычно этот момент и изображался в произведениях античного изобразительного искусства. Голову эквита защищал шлем округлой формы с забра-

¹ Носов К. С. Указ. соч. С. 60.

*Бронзовая фигурка в виде шлема
секутора. I–III вв. Лондон.
Британский музей*

*Рельеф с
изображением боя
между ретиарием
и арбеласом.
II–III вв.*

*Секутор, одержавший победу над ретиарием.
Мозаика из Вероны. Около 200 г.*

*Терракотовая фигурка
мирмиллона. Неаполь.
Национальный археологический
музей*

*Рельеф из Фригии с изображением
димахера. II–III вв.*

лом и широкими полями, иногда с двумя перьями по бокам. Другими защитными элементами были круглый кавалерийский щит (парма эквестрис) из толстой тисненой кожи диаметром около 60 см и маника на правой руке. На рубеже н. э., судя по сохранившимся изображениям, они выступали в чешуйчатых панцирях (лорика сквамата), позднее – в простых подпоясанных туниках без рукавов, с широкими вертикальными цветными полосами. В отдельных случаях ноги всадников были защищены стегаными накладками-фасциями.

Много пока неясного в отношении упоминающихся у ряда античных авторов и в различных надписях эсседариев («колесничих»). Сам термин происходит от названия легкой двухколесной кельтской колесницы и входит в употребление, по крайней мере, с середины I в. Соответственно, можно полагать, что бои на колесницах вошли в обиход амфитеатров после 43 г., когда в период правления Клавдия была завоевана Британия. Желание развлечь публику чем-то ранее невиданным вполне могло побудить императора включить в программу гладиаторских игр необычные для римлян бои на колесницах. Вот как описывал их Юлий Цезарь, первым предпринявший попытку захватить остров: «Своеобразное сражение с колесниц происходит так. Сначала их гонят кругом по всем направлениям и стреляют, причем большей частью расстраивают неприятельские ряды уже страшным видом коней, стуком колес; затем, пробравшись в промежутки между эскадронами, британцы соскакивают с колесниц и сражаются пешими. Тем временем возницы мало-помалу выходят из линии боя и ставят колесницы так, чтобы бойцы, в случае если их будет теснить своей многочисленностью неприятель, могли легко отступить к своим. Таким образом, в подобном сражении достигается подвижность конницы в сочетании с устойчивостью пехоты. И благодаря ежедневному опыту и упражнению британцы достигают умения

даже на крутых обрывах останавливать лошадей на всем скаку, быстро их задерживать и поворачивать, вскакивать на дышло, становиться на ярмо и с него быстро прыгнуть в колесницу» (Caes. De bello gall. IV. 33). Если исходить из этого описания, выступление эсседариев, скорее всего, начиналось с демонстрации искусства управления колесницей, затем, как и в случае с экви-тами, конное сражение переходило в поединок пеших бойцов. Не так давно М. Юнкельман предложил отнести к эсседариям изображения тех гладиаторов, экипировку которых нельзя сопоставить ни с каким другим типом.¹ Следуя этому принципу, предпринимались попытки выделить характерные черты экипировки эсседария: шлем без полей с забралом (иногда украшен двумя перьями), выгнутый овальный щит, маника на правой руке, короткие обмотки на ногах. Такие выводы были сделаны на основании изучения фрагмента мозаики из Злитена (Ливия) и ряда рельефов, один из которых представляет особый интерес. Это группа из четырех фигур на фризе гробницы Умбриция Скавра в Помпеях – два предполагаемых эсседария и два ретиария. Они явно сгруппированы попарно (эсседарий–ретиарий) с попыткой за счет уменьшения фигур ретиариев передать некоторую перспективу. На первом плане – два гладиатора с упомянутым выше набором экипировки. Один из них ранен в руку и ногу и встал на одно колено в ожидании последнего удара, который наносит в основание шеи его противник. Ретиарий, выступающий в роли напарника, стоит за спиной побежденного, придерживая того за пояс и наступив на раненую ногу. Другой ретиарий, изображенный в меньшем масштабе на заднем плане, видимо, спасается бегством. Представленная сцена, вполне возможно, является отражением экспериментов в области составления пар из

¹ *Junkelmann M.* Das Spiel mit dem Tod. Mainz am Rhein, 2000. S. 117.

различных типов гладиаторов.¹ В качестве дополнительного аргумента в пользу атрибуции как эсседариев, гладиаторов с выгнутым овальным щитом и соответствующим набором прочего вооружения, может фигурировать следующее наблюдение: на тех рельефах, где проработаны детали поверхности овального щита, хорошо виден вытянутый умбон – выпуклая металлическая пластина, связанная с продольным ребром жесткости. Такой щит носил название «тюреос» и стал известен в античном мире благодаря кельтам, к которым относились и галлы, и бритты, и малоазийские галаты. В греко-римском искусстве овальный кельтский щит часто являлся своего рода этнической эмблемой, в данном случае вполне логичной для экипировки определенного типа гладиаторов, связанного своим происхождением с Британией.

Совсем мало сведений о таких типах гладиаторов, как андабат (для увеселения пресыщенной публики сражался вслепую, в глухом шлеме без прорезей для глаз), велит (возможно, с вооружением одноименного легкого пехотинца периода Республики), крупелларий (имел «сплошные железные латы...малопригодные для нападения, но зато неуязвимые для наносимых врагом ударов» (Тас. Ann. III. 43), лакверарий (разновидность ретиария, только вместо сети – лассо и короткое копье), сагиттарий (с мощным сложносоставным луком, в коническом шлеме и чешуйчатых лоспехах), самнит (в комплект вооружения, видимо, входили шлем с гребнем, трехдисковый панцирь, большой щит, поножь на левой ноге, копье и меч).

Отдельно остановимся на такой фигуре из числа выступавших на арене с оружием, как венатор, сражавшийся исключительно с дикими зверями. Экипировка бойца этого типа вплоть до середины I в. весьма напоми-

¹ *Носов К. С.* Указ. соч. С. 81.

нала облачение тяжеловооруженных гладиаторов: из одежды – набедренные повязки или туники, стеганные обмотки на ногах; из защитного вооружения – поножи, маника, щит (круглый, овальный или прямоугольный), из наступательного – меч и копье. Для характеристики вооружения венаторов на этом этапе наибольший интерес представляет часть рельефа, обнаруженного в Риме, во дворце Орсини, при постройке которого использовали остатки театра Марцелла. Сюжет рельефа перекликается с событием, ознаменовавшим торжественное открытие театра императором Августом в 13 г. до н. э. – грандиозным «венацио», в котором приняли участие 600 диких зверей. Мы видим здесь бой нескольких венаторов со львом, леопардом и медведем. Один из них, вооруженный мечом, в шлеме открытого типа и чешуйчатом панцире, лежит на земле, сбитый с ног львом. В пасти этого зверя – рука другого неудачливого «охотника». Оба венатора в правой части рельефа представлены в туниках с открытым правым плечом, в шлемах с загнутым вперед гребнем, вооруженные квадратными щитами и короткими мечами. Особо отметим еще одну интересную деталь, связанную с рельефом из театра Марцелла, – это показанные на всех животных широкие ремни, соединенные на спине и снабженные кольцом. Дело в том, что в клетках под амфитеатром их прочно привязывали за эти кольца особым способом, чтобы звери не травмировали себя слишком резкими движениями. В данном случае, за кольцо толстым канатом привязан медведь, видимо, чтобы уравнивать возможности человека и зверя.

Со второй половины I в. тяжелая экипировка венаторов, не обеспечивавшая ожидаемый публикой драматизм при встрече человека с животным, коренным образом изменилась. Основным облачением их стала туника, на ногах появились короткие обмотки (фасции), а в качестве единственного оружия использовалось только короткое охотничье копье (венабул). Позднее, во II в.,

*Мраморный рельеф конца I в. до н. э.
с изображением венаторов.
Рим. Музей древнеримской цивилизации*

*Рельеф с изображением тяжеловооруженного
и легковооруженного венаторов. Около середины I в.*

для этого типа бойцов входят в моду штаны до колен в сочетании с широким поясом и небольшим орнаментированным нагрудником.

Если подвести некоторый итог, то можно сделать такое наблюдение: доспехи гладиаторов каждого типа имели свои уязвимые места, но все было продумано таким образом, чтобы исключить легкую и быструю победу, так сказать, уравновесить шансы. Поэтому во время состязаний не было никакой возможности предугадать по экипировке, кто из гладиаторов сможет победить, что подогревало у зрителей особый интерес к тому, что происходило на арене. Действительно, поразить противника в грудь при защищенных конечностях, которые подвергаются опасности ранения в первую очередь, достаточно сложно, что предполагает эффективное активное ведение боя, большое мастерство и сноровку, иначе искушенной римской публике просто стало бы скучно. Конечно, фехтования в современном смысле этого слова в те времена не было. Использовались, в основном, колющие удары, для парирования которых применялся щит. Нередко и он сам мог послужить в отношении атакующих действий. В центре щита с внешней стороны обычно находился круглый выпуклый умбон, которым при случае можно было нанести неожиданный удар противнику (Ср.: Тас. Agric. 36). Римские солдаты, например, при обучении специально отрабатывали прямые удары умбоном или ребром щита, чтобы вывести врага из равновесия. Только два типа гладиаторов в силу отсутствия щита должны были применять парирование клинка клинком – димакер и арбелас.

Некоторые профессионалы среди гладиаторов могли освоить и несколько видов вооружения и, соответственно, методов ведения боя. Именно такому любимцу всегда римских амфитеатров по имени Гермес посвящена одна из эпиграмм римского поэта Марциала (Mart. V. 24):

Гермес – с бранным копьем непобедимый,
Гермес грозный своим морским трезубцем,
Гермес страшный и в шлеме под забралом,
Гермес славен во всех деяньях Марса,
Гермес вечно един и трехъединый.

Наибольшие преимущества в бою для всех типов гладиаторов давала левосторонняя стойка с развернутым под углом 45° к противнику корпусом.¹ Она позволяла, как наносить, так и парировать мощные удары, особенно если основным средством защиты был skutum, который, когда ноги были слегка согнуты в коленях, практически полностью закрывал тело от нижнего края забрала до верхнего края поножей. В этой стойке правая рука с мечом при этом находилась на уровне бедра. Чтобы не открыться, удар на близкой дистанции старались наносить поверх щита либо атаковали, отводя щит и одновременно делая шаг вперед. Использование гопломахами копья предполагало предпочтение дальней дистанции ведения боя, так как при тесном контакте оно становилось бесполезным. Самую серьезную опасность ближний бой представлял для ретиария. В этой ситуации выигрыш даже нескольких мгновений мог обеспечить ему возможность нанесения решающего удара трезубцем в голову, руку или ногу и, таким образом, обеспечить победу. Фракиец, наоборот, только в ближнем бою мог наносить удары изогнутым кинжалом за линию щита или попытаться отвести его в сторону.

Представление о тех ассоциациях, которые возникали в сознании римлян в связи с различными типами гладиаторов и их манерой ведения боя, можно почерпнуть из «Онейрокритики» толкователя снов Артемидора Далдианского, написанной во второй половине II в. Автор этого труда писал: «Я не раз замечал, что такой

¹ Носов К. С. Указ. соч. С. 83, 84.

сон (где приснился поединок гладиаторов – В. Г.) предвещает женитьбу на женщине, подобной или оружию, которым бьешься, или противнику, или противнику, с которым снится борьба... Итак, кто бьется с фракийцем, тот возьмет жену богатую, коварную, потому что меч у него кривой, а первенствующую, потому что он наступает. Если кто бьется... при серебряном оружии, то возьмет жену красивую, не очень богатую, верную, хозяйственную и уступчивую, – потому что такой боец отступает, прикрыт латами, а оружие у него красивее, чем у первого. Если кто бьется с секутором, то возьмет жену красивую и богатую, но гордую богатством, а поэтому пренебрежительную к мужу и причину многих бед, потому что секутор всегда преследует. Кто во сне бьется с ретиарием, тот возьмет жену бедную, страстную, распутную, легко отдающуюся желающим. Всадник означает, что жена будет богатая, знатная, но умом недалая. Колесничник означает жену бездельную и глупую; провокатор – красивую и милую, но жадную и страстную; гладиатор с двумя мечами или с кривым серпом – отравительницу или иную коварную и безобразную женщину» (Artem. Oneirokr. II. 32).

4. Оружие гладиаторов

Основным оружием гладиаторов, как это явствует из их названия, был гладиус – меч, использовавшийся в римской армии с конца III в. до н. э. Знаменитый «испанский» гладиус имел лезвие длиной 64–69 см при ширине 4–5,5 см. Его двусторонний клинок с продольным ребром жесткости и четко выраженным острием позволял не только рубить, но и колоть, что в тесноте боя было немаловажно. В период правления императора Августа его быстро вытеснил гладиус типа Майнц, применявшийся вплоть до середины I в. н. э. Длина клинка в данном случае составляла около 50 см при ширине до 8,7 см. Общая длина меча с рукоятью из кости и дерева в отдельных случаях достигала 75 см. Вес такого меча достигал 1,2–1,6 кг. Позднее получают распространение облегченные гладиусы так называемого помпейского типа весом около 1 кг. Соответственно, их клинок имел меньшие размеры: длина около 45 см при ширине 5–6 см, с острием, грани которого располагались под углом 45°. Во времена поздней Римской империи, с конца II – начала III вв., гладиус сменяет длинный меч – спата с клинком длиной до 85 см. Из сохранившихся надписей известно о существовании в этот период мирмиллонов-спатариев, провокаторов-спатариев и др.

Наряду с мечами, ретиарии и ряд гладиаторов с облегченным вооружением широко использовали кинжалы, которые, если судить по находкам в Помпеях, имели костяные рукояти и широкие прямые клинки ромбовидного сечения длиной около 20–30 см. Такие кинжалы, практически, мало отличаются от «пугио», принятых на вооружение в римской армии, начиная с конца II в. до н. э. О кинжалах с тонким изогнутым лезвием (сика) можно судить лишь по двум образцам с равномерным изгибом по всей длине. Один из них, с небольшой круглой гардой, имеет длину около 60 см, причем 45 см приходится на сам клинок; другой, происходящий из римского лагеря в Оберадене, является деревянной моделью с резко выделенной рукоятью и клинком длиной 30,5 см.¹ И в том, и в другом случае клинки обоюдоострые с ребром жесткости, предназначенные, прежде всего, для нанесения уколов. После середины I в. у таких кинжалов лезвие уже более широкое и имеет резкий перелом под углом 45°, что позволяло их владельцам не только колоть, но и рубить.

Не менее распространенным оружием гладиаторов было копье длиной около 2–2,3 м, которым пользовались гопломахи, эквиты и венаторы. Найденные в школе гладиаторов в Помпеях бронзовые наконечники копий демонстрируют наличие втулки и листовидного или ланцетовидного пера с выделенным ребром жесткости. По поводу единственного трехлопастного наконечника треугольной формы высказано вполне вероятное предположение, что он является частью трезубца ретиария,² длина которого, судя по сохранившимся изображениям, была не менее 1,6–1,8 м. Как известно, ретиарий пользовался также сетью, рассматривавшейся в

¹ Wisdom S. Gladiators – 100 BC-AD 200. Oxford, 2001. P. 49; Junkelmann M. Das Spiel mit dem Tod. Mainz am Rhein, 2000. S. 93.

² Носов К. С. Гладиаторы. СПб., 2005. С. 118.

древности как метательный снаряд, поэтому иногда его называли якулатор («метатель»). Вес ее, как показывает реконструкция, составлял от 1,5 до 3 кг. Она была круглой, диаметром 3–4 м и имела широкие ячейки около 10–20 см и свинцовые грузики на концах.¹

Если наступательное оружие, использовавшееся гладиаторами, мало отличалось от обычного армейского, то, говоря о защитном вооружении, следует отметить ряд существенных отличий. Чтобы в них разобраться, придется обратиться, в основном, к анализу находок из Помпей, где в гладиаторской казарме еще в 1766–1767 гг. было обнаружено более 3/4 всех известных его образцов. Это удивительная коллекция из пятнадцати шлемов, пяти пар длинных поножей и шести коротких одиночных, трех наплечников-галеров и маленького круглого щита. Большая часть их щедро украшена различными рельефными изображениями, что обусловило появление следующей распространенной точки зрения: *это парадное вооружение, которое надевали только для участия в помпе – торжественной процессии открытия игр* (штамп 7). В данном случае приводились следующие аргументы: 1) эти предметы вооружения слишком дорогие, чтобы их подвергали опасности повреждения; 2) на них нет следов воздействия оружия; 3) они слишком тяжелые для использования в бою; 4) металлическая поверхность с рельефными украшениями не является достаточно прочной, чтобы выдержать сильные удары.² Однако эти аргументы можно легко оспорить. Нельзя забывать, что гладиаторы были участниками пышных представлений и должны были произвести впечатление на публику, в том числе и роскошью своего вооружения. К тому же, преимущественное использование колющих, а не рубящих

¹ Junkelmann M. Op. cit. S. 95.

² Носов К. С. Указ. соч. С.89.

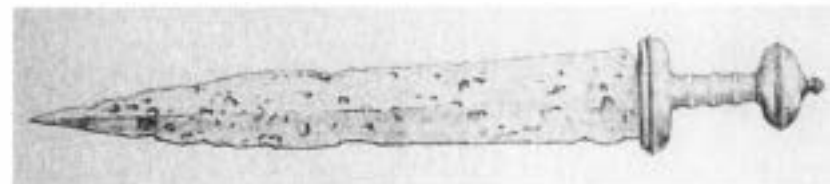

ударов вряд ли предполагает значительное число повреждений. В шлемах чаще всего должна была страдать решетка забрала, но и починить или заменить ее было достаточно просто. Поэтому только на двух помпейских шлемах имеются боевые отметки в виде зарубок или бронзовой заплаты. Что касается веса шлемов, то он, действительно, варьирует от 2,72 кг до 6,8 кг, что даже при среднем значении в два раза тяжелее шлема римского legionera I в. Но ведь пользовались ими в совершенно разных условиях! Гладиаторы надевали свой тяжелый шлем непосредственно перед боем, а не тащили его на себе во время длительного перехода. К тому же, непродолжительный поединок на арене нельзя сравнивать со сражением, которое могло затянуться на несколько часов. И все же, физические нагрузки, выпадавшие на долю гладиаторов, были достаточно велики. При исследований скелетов людей, выступавших на арене амфитеатра, обнаруженного недалеко от г. Майнц в Германии, несмотря на их достаточно молодой возраст (20–30 лет), почти у всех выявлены следы деформации позвонков в нижней части позвоночника. Так или иначе, при увеличенном весе шлемов о слабости металла вследствие чеканки рельефного декора также не приходится говорить. Для них использовалась листовая бронза, которая по толщине почти в полтора раза превышает ту, что применялась при изготовлении шлемов в римской армии. Таким образом, комплекты так называемого парадного вооружения на самом деле являлись элементом обычного выступления на арене, очевидно, периодически меняя владельцев.

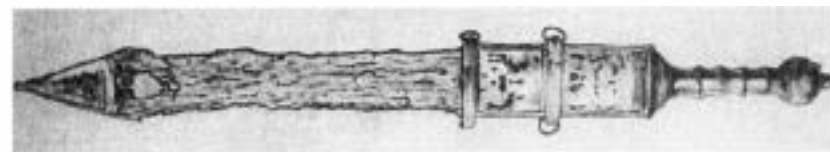
Гладиаторские шлемы I в. до н. э., как правило, представляли собой комбинацию беотийского и аттического шлемов, от которых они заимствовали широкие отогнутые вниз поля, а также характерную налобную пластину и широкие нащечники. Внутри такие шлемы и их нащечники должны были иметь войлочные прокладки, а небольшое пространство между головой и куполом шле-

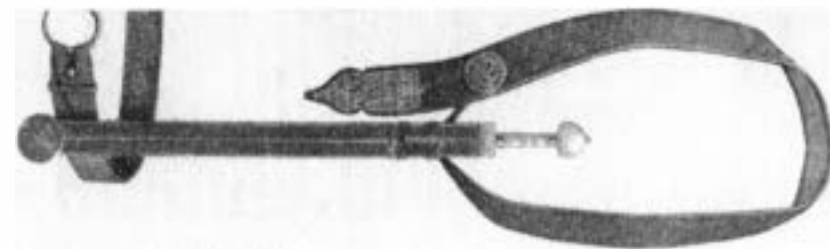
*Реконструированный gladius hispaniensis I в. до н. э.
из Осуны (Испания)*

*Гладиус типа «Майнц» с серебряной рукоятью
из Рейнгёхейма. Шпее. Исторический музей Пфальца*

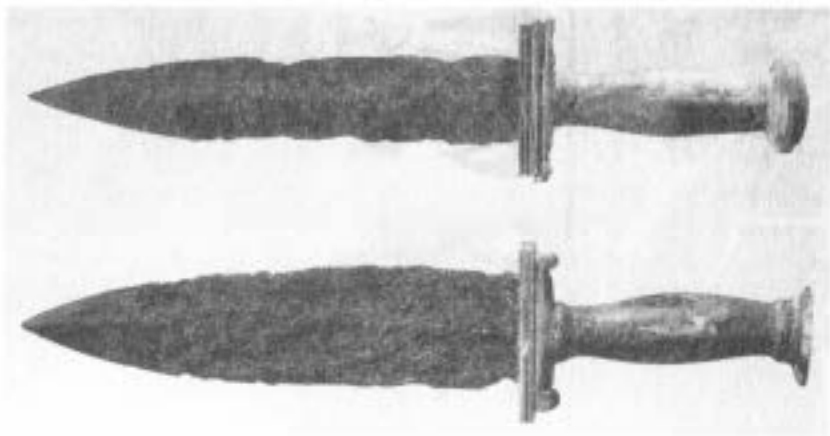

*Гладиус из Помпей. I в. Неаполь.
Национальный археологический музей*

Реконструкция спаты с перевязью. III в.

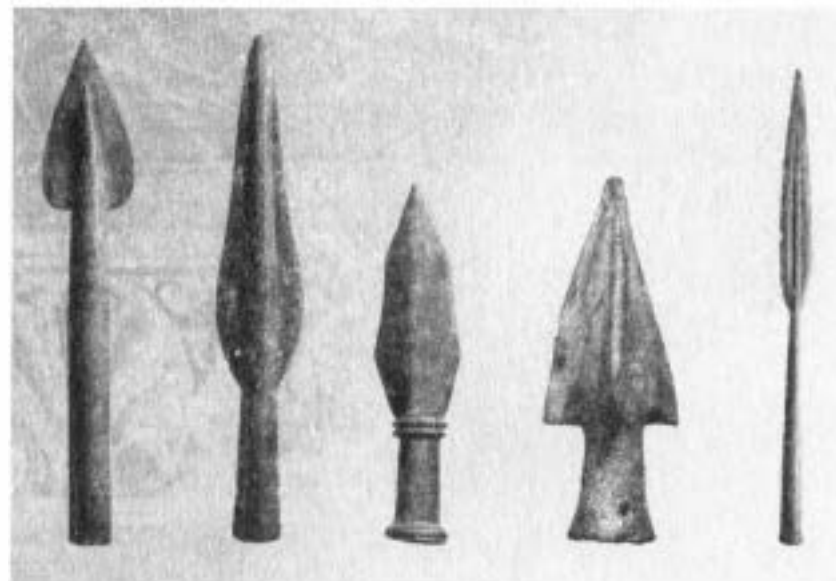
*Кинжалы с костяными рукоятями
из гладиаторской школы в Помпеях. I в. Неаполь.
Национальный археологический музей*

*Кинжал с
изогнутым
клинком
(«сика»)*

*Деревянная модель
кинжала («сика»)
из римского лагеря
в Оберадене*

*Бронзовые наконечники копий из гладиаторской школы
в Помпеях (второй справа, возможно, от трезубца ретиария).
I в. Неаполь. Национальный археологический музей*

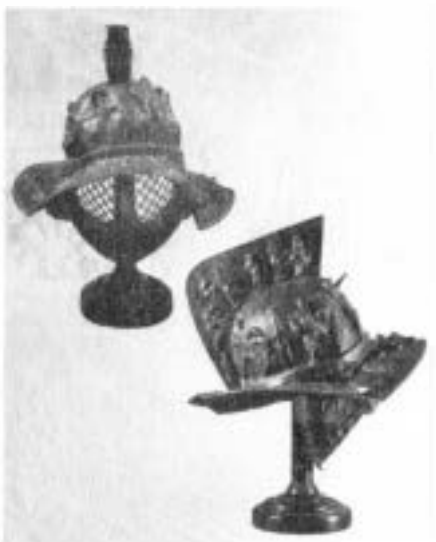

*Бронзовый шлем
беотийско-аттического типа
(подвижные нащечники утеряны).
I в. до н. э.*

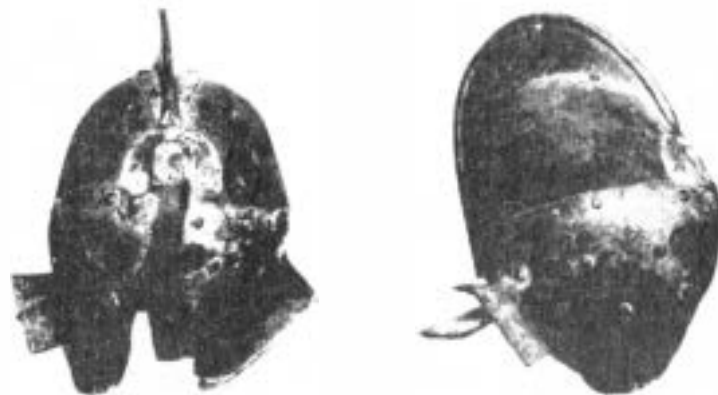
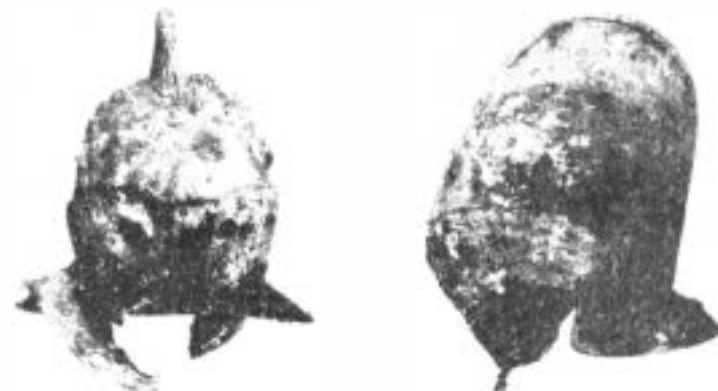

*Бронзовые шлемы
мирмиллона и фракийца
(тип Къети G)
из гладиаторской школы
в Помпеях. I в. Неаполь.
Национальный
археологический музей*

*Бронзовый шлем мирмиллона
(тип Помпеи G) с рельефным
гребнем из гладиаторской
школы в Помпеях (вид с двух
ракурсов). I в. Неаполь.
Национальный
археологический музей*

*Три бронзовых шлема секуторов из Помпей
(с разных ракурсов). Третья четверть I в. Неаполь.
Национальный археологический музей*

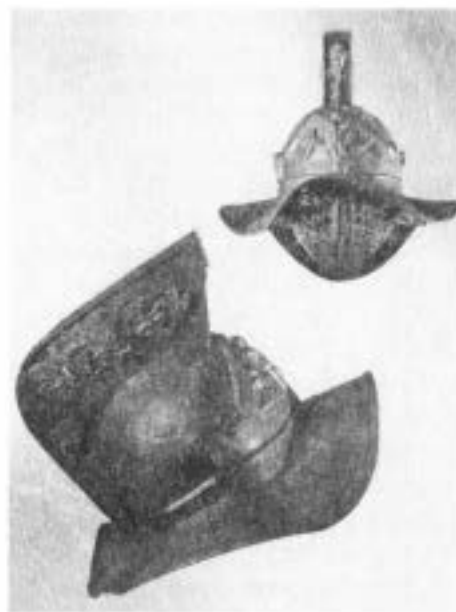

*Бронзовый шлем мирмиллона
(тип Помпеи G) с гладким
гребнем из гладиаторской
школы в Помпеях (вид с двух
ракурсов). I в. Неаполь.
Национальный археологический
музей*

*Бронзовый шлем мирмиллона
(тип Помпеи G) с пазами
для крепления перьев
из гладиаторской школы
в Помпеях (вид с двух ракурсов).
I в. Неаполь. Национальный
археологический музей*

*Бронзовый шлем
мирмиллона (тип Помпеи
G) с дионисийскими
сюжетами на гребне
из гладиаторской школы
в Помпеях (вид с двух
ракурсов). I в. Неаполь.
Национальный
археологический музей*

*Бронзовые шлемы
мирмиллонов (тип Къети
G) из гладиаторской
школы в Помпеях. I в.
Неаполь. Национальный
археологический музей*

*Бронзовый шлем
фракийца (тип Къети G)
из гладиаторской школы
в Помпеях. I в. Неаполь.
Национальный
археологический музей*

*Бронзовый шлем
мирмиллона (тип Берлин
G) второй половины II –
III вв. Берлин.
Государственные музеи.
Античное собрание*

ма оставляло небольшое пространство, смягчавшее нанесенные по нему удары. Следующий этап в развитии гладиаторских шлемов, связанный с появлением около 20 г. до н. э. забрала, демонстрируют находки из Помпей. Если использовать типологию шлемов, разработанную М.Юнкельманом, то наиболее ранние образцы I в. либо имеют горизонтальные поля по всему периметру (Къети G), либо только по боковым сторонам и сзади, образуя спереди выгнутый козырек (Помпеи G). Впрочем, применительно к такому типу гладиаторов, как эквиты, тип Къети G просуществовал до IV в. включительно. Приблизительно во второй четверти II в. появился тип шлема (Берлин G), который оставался популярным еще почти три столетия. Он имеет на боковых сторонах и сзади низкие поля, сочетающиеся с резко выделенным обрамлением решетки забрала. Такой закрытый шлем скрывал индивидуальные черты человека и позволял зрителям лучше сосредоточиться на искусстве боя. Это «обезличивание» оказывало своего рода психологическую помощь и самим гладиаторам, когда приходилось сражаться на арене со своим приятелем по казарменной жизни. Само забрало состояло из двух частей, подвешенных на петлях, и открывалось в разные стороны наподобие створок ворот. Часто здесь имелись и специальные круглые отверстия для глаз диаметром около 8 см. Обычно их закрывали круглые съемные пластины с отверстиями. Спереди, на стыке частей забрала, находилась металлическая полоса, образующая вертикальное ребро и защелки для их фиксации. К концу I в. забрало почти целиком стало состоять из решетки с выступами, входившими в соответствующие прорези в шлеме. Конструкция шлемов вышеописанных типов характерна только для экипировки мирмиллонов, гопломахов, фракийцев и эквитов. Так, в шлемах секуторов и арбеласов диаметр глазных отверстий всего 3 см – мера предосторожности против удара трезубцем ретиария. Впрочем, в одной

из разновидностей шлема секутора все забрало было покрыто маленькими круглыми отверстиями, что должно было облегчить дыхание и расширить сектор обзора. Прообразом шлемов провокаторов рубежа н. э., снабженных нащечниками, явно послужили армейские шлемы типа Вайзенау. Позднее защитные функции их усиливаются за счет появления забрала с круглыми отверстиями, закрытыми решетками (Провокатор G по М. Юнкельману). Распространенным элементом формы гладиаторских шлемов было навершие. У секуторов и арбеласов оно представляло собой изогнутый полукруглый гребень; в шлеме мирмиллона навершие поднималось сзади вертикально, затем изгибалось почти под прямым углом вперед, имея паз для крепления плюмажа из конского волоса. Шлем фракийца, как и гопломаха, на равномерно изогнутом вперед навершии мог иметь султан из перьев. О шлемах эсседариев, в силу причин, изложенных в предыдущей главе, можно говорить только предположительно. М. Юнкельман считает, что вначале они имели большое сходство с армейскими типа Маннхайм и Хагенау, но затем стали походить на шлемы секуторов. Единственным отличием было отсутствие гребня и наличие двух перьев по бокам тульи. Обычно шлемы изготавливали из бронзы, которую либо полировали до блеска, либо покрывали рельефными изображениями в технике глубокой чеканки, или серебрили.

Какие декоративные элементы могли использоваться для украшения гладиаторских шлемов? В этом отношении привлекает внимание прекрасно сохранившийся бронзовый шлем «фракийца» (тип Къети G) из казармы гладиаторов в Помпеях. Его гребень украшен головой грифона, налобная часть – изображением пальмы как символа победы, а забрало – отчеканенными в невысоком рельефе круглыми щитами и копьями. Второй такой же шлем имеет в налобной части стилизованную голову горгоны Медузы, а по бокам – фигуры дель-

Деталь рельефного декора шлема мирмиллона со сценами из троянского цикла

финов. Для пышно украшенных шлемов мирмиллонов (тип Помпеи G), прежде всего, характерны сюжеты, связанные с мифологическими персонажами. Например, на одном из них помещены рельефные изображения муз: покровительницы лирической поэзии Евтерпы с флейтой в правой руке и музы астрономии Урании с глобусом, на других – изображение богини Ромы, персонификации города Рима, или Геркулеса. Чеканная отделка другого роскошного шлема включает сцены из мифов троянского цикла, в частности два эпизода той роковой ночи, когда, воспользовавшись огромным деревянным конем, ахейцы проникли в город. В верхней части шлема можно видеть разделенные алтарем со статуэткой Афины-Паллады две пары фигур. Слева Аякс, сын Оилея, и дочь царя Трои, Приама, пророчица Кассандра, припавшая к изображению богини. Согласно мифу, Аякс грубо схватил ее и с такой силой рванул от алтаря, что статуя упала на пол и разбилась, за что потом Афина жестоко отомстила герою. Справа представлено убийство Неоптолемом, сыном Ахилла, самого царя Приама, который тоже искал защиты у алтаря. В гневе Неоптолем хватает повелителя Трои за седые волосы и уже готов вонзить ему в грудь свой меч. Подобные изображения обычно дополнялись орнаментальными мотивами, свободно размещенными по поверхности. На других шлемах того же типа мы видим изображения победных трофеев и фигуры пленных варваров; эротов с предстоящими грифонами и персонажей круга Диониса.

Защитой руки у гладиаторов – у ретиария левой, а у всех остальных правой – служил наруч (маника), обычно изготавливавшийся из нескольких слоев простеганной материи или кожаных ремней. Он крепился на руке с помощью многочисленных кожаных ремешков, защищая кисть и большой палец только снаружи. Реконструкция маники с использованием конского волоса в качестве наполнителя показала, что это изделие весит не более 1 кг, хорошо держит рубящий удар и рука в нем до-

статочно подвижна.¹ С начала II в. и вплоть до IV в. получили распространение наручи чешуйчатой конструкции с использованием металлических пластинок. Для них использовалась более сложная система крепления – ремни, охватывавшие грудь, спину и левое плечо. Специфическим защитным приспособлением исключительно ретиария был галер – почти квадратный, с округлыми верхними краями бронзовый щиток с выступом для руки и двумя парами петель для привязывания с внутренней стороны. Обычно его высота не превышала 35 см, а вес – 1,2 кг. Предназначение щитка, выступавшего вверх на 12–13 см, заключалось в защите шеи и головы от боковых ударов.

Щиты, входившие в состав вооружения мирмиллонов и секуторов, практически не отличались от известного skutuma римских legionеров и менялись в соответствии с изменениями в его конструкции. До начала I в. skutum имел овальную форму, которая сменилась прямоугольной, полуцилиндрической, обеспечивавшей лучшую защиту для воина. Размеры щитов варьировали от 100–130 см в высоту и до 60–80 см в ширину. С учетом обычной практики того времени, можно говорить, что для изготовления такого рода защитного вооружения применялись склеенные перпендикулярно друг другу в два–три слоя, что придавало особую прочность, тонкие деревянные пластины из осины, тополя или платана толщиной около 2 мм, которые затем с обеих сторон обтягивались сначала полотном, потом одним или несколькими слоями плотной кожи, впрочем, в отношении структуры внешнего покрытия иногда наблюдается и обратный порядок. В любом случае, обтяжка внутренней стороны была нужна для предотвращения трения руки о деревянную подложку щита. Единственный сохранившийся экземпляр такого щита, датирую-

¹ Junkelmann M. Op. cit. S. 89; Носов К. С. Указ. соч. С. 108.

*Бронзовый шлем провокатора из гладиаторской школы
в Помпеях (с разных ракурсов). I в. Неаполь.
Национальный археологический музей*

*Бронзовый шлем провокатора со следами ремонта
из гладиаторской школы в Помпеях. I в. Неаполь.
Национальный археологический музей*

*Бронзовые наплечники-галеры,
украшенные рельефным декором*

щийся III в., был обнаружен в Дуре Европос (Сирия). Края его отделаны сыромятной кожей, пришитой к дереву, хотя чаще их обивали металлической полосой шириной около 5 см, на которую можно было принять рубящий удар (Ср.: Polyaen. VIII. 7.2) или использовать ее для того, чтобы нанести удар противнику и сбить его с ног. Множество известных обломков такой оковки показывают, что толщина края skutuma была около 6 мм, но к середине он, вероятно, мог утолщаться до 1 см. Изнутри основа щита укреплена образующими прямоугольник наклеенными деревянными планками. Ручка образована утолщением дополнительной планки, проходящей по горизонтальной оси через центр щита. С внешней стороны такую рукоять прикрывала бронзовая или железная выпуклая накладка – умбон. В бою большой щит держали за нее горизонтальной хваткой на вертикально опущенной руке, продетой через специальную петлю. Внешнюю поверхность щита могли украшать разноцветными изображениями или орнаментом. Скutum, реконструированный П. Коннолли на основе находки в Дуре Европос, весил около 5,5–7,5 кг.¹ Соответственно, использование его не в боевом строю, а в индивидуальном поединке требовало хорошей физической подготовки.

В такой же ситуации оказались предполагаемые эседарии, использовавшие овальные щиты, напоминающие по типу кельтские «тюреосы», изображенные на баллюстраде храма Афины Nikephory II в. до н. э. в Пергаме. Представление об их конструкции дает находка позднеэллинистического щита из Фаюмского оазиса в Египте. Овальный щит высотой 1,28 м и шириной 0,635 м имел выпуклую поверхность. Основа его изготовлена из девяти тонких березовых дощечек, склеенных боковыми сторонами. На нее с обеих сторон

¹ Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000. С. 233.

плотно наклеены узкие (от 2,5 до 5 см) пластины из той же породы дерева. С наружной стороны в центре щита железными гвоздями прибит деревянный умбон удлиненной формы, от которого отходят треугольные в сечении рейки, образующие продольный гребень. Со всех сторон щит был обтянут тонким слоем войлока из овечьей шерсти. Края внутреннего войлочного покрытия заворачивались наружу и пришивались к дереву, образуя валик шириной 5–6 см. Судя по реконструкции П. Коннолли, вес такого щита мог достигать 10 кг.¹

Провокаторы пользовались щитом меньшего веса и меньших размеров – около 70–80 см высотой. Совсем небольшой щит «фракийцев» – пармула – был сильно изогнутым, прямоугольным или почти квадратным (около 55–60 см), как правило без обычного круглого умбона. Рукоять в данном случае, очевидно, располагалась вертикально. Реконструированный вес щита составил 3 кг. Гопломахы также пользовались небольшим щитом, но из цельного выпуклого листа бронзы, имевшего круглую форму. Помпейский образец весом 1,6 кг и диаметром 37 см богато украшен серебряной и медной чеканкой по бронзе в виде двух концентрических лавровых венков и головы горгоны Медузы в центре. Щит удерживался рукой, продетой через центральную рукоять к кожаной петле у обода. Этой же рукой можно было держать кинжал, тогда как в правой было копье. Несколько больших размеров (около 60 см) был щит эквитов – парма эквестрис, изготовленный из толстой прессованной кожи. По аналогии с турецкими щитами нового времени, он должен был хорошо держать удары и легко отражать их на любых направлениях. Круглыми, овальными и прямоугольными щитами вплоть до середины I в. снабжали и венаторов, какая-либо стандартизация в этом отношении отсутствовала. Позднее, когда

¹ Коннолли П. Указ. соч. С. 131.

единственным оружием венаторов становится копье, использование ими щитов различной формы становится весьма ограниченным.

У нескольких типов гладиаторов в обязательный комплект защитного вооружения входили поножи (окреа), которые в римской армии носили только центурионы. Изготовленные из бронзы они крепились на голени с помощью кожаных ремней, которые пропускались через несколько пар колец и завязывались сзади. По-видимому, их длина зависела, главным образом, от размеров щита, и отогнутый верхний край поножей мирмиллонов и секуторов предохранял ногу от ударов его нижней кромки. С другой стороны, удивляет отсутствие поножей у не имевших щита арбеласов и димахеров, а также сражавшихся в качестве всадников эсседариев и эквитов. При этом мирмиллоны, секуторы и провокаторы имели поножь только на левой ноге и, если она была короткой, то обязательно снабжалась высоким округлым вырезом под верхнюю часть стопы. В свою очередь высокие поножи имели выпуклость для коленной чашечки. Роль подкладки играли стеганные обмотки (фасции) весом, судя по реконструкциям, до 3,5 кг. Наличие примерно на половине поножей коротких надписей из нескольких букв – NCA, NER, NER. AVG, – скорее всего, указывает на то, что они были изготовлены в мастерских при гладиаторской школе Нерона, которые пускали в продажу часть сделанного оружия. Наличие сразу на десяти других предметах одной надписи MCP заставляет предполагать в человеке, который скрывается за этой монограммой, либо мастера-оружейника, либо местного ланисту.¹ Поверхность гладиаторских поножей зачастую покрывал богатый рельефный декор, например, на одной из них имеется голова бога вина и виноделия Диониса, свойственные ему атрибуты и головки его спутников – сатиров и менад.

¹ Носов К. С. Указ. соч. С.112, 113.

5. Римские амфитеатры и навмахии

Для выступлений гладиаторов были предназначены специальные архитектурные сооружения – амфитеатры и навмахии,¹ тип которых сложился далеко не сразу. Первые амфитеатры (в переводе с греч. – «здания с зрительскими местами по всему кругу»), если иметь в виду назначение этих зданий, появились в той области Италии, где, собственно, и начали проводить гладиаторские игры – в Кампании. Здесь, во второй половине II в. до н. э., были впервые опробованы казавшиеся наиболее приемлемыми инженерные решения в отношении зданий, специально предназначенных для гладиаторских игр. Некоторые из них использованием естественного рельефа местности при сооружении мест для зрителей еще довольно близко напоминали греческие театры. В то же время новым конструктивным подходом было применение арочных перекрытий с опорой на радиальные линии стен, расходящихся от центральной площадки. В данном случае главной задачей было обеспечить возможность наибольшему числу зрителей увидеть происходящее на арене. Это обстоятельство, в конечном итоге,

¹ Брабич В., Плетнева Г. Зрелища древнего мира. Л., 1971. С. 46–52.

обусловило выбор эллиптической формы здания, которая помимо всего прочего, допускала большую маневренность участников зрелищ. Самыми ранними постройками, относящимися к «прототипам амфитеатров», стали сооружения в Теане, Капуе, Литерне и Кумах. Следующим по времени возведения является достаточно хорошо изученный «амфитеатр» в Помпеях (около 70 г. до н. э.), наглядно демонстрирующий тот факт, что к тому времени данная архитектурная форма уже почти окончательно сформировалась. В происходящей отсюда памятной надписи говорится, что его воздвигли на собственные средства Гай Квинтий Валг и Марк Порций в благодарность за избрание их в квинквенналы и «отдали это место на вечное владение» жителям города.¹ Правда, для обозначения такого щедрого дара в тексте надписи использован другой термин – «спектакула», что буквально значит «здание для представлений». Его конструкция в форме эллипса (136×104 м) довольно оригинальна: во избежание расходов на слишком высокую внешнюю стену арена размерами 66,7×35 м и 35 рядов зрительских мест вместимостью 20 тысяч человек наполовину были углублены в землю. Вынутый при этом грунт использовали, чтобы насыпать земляной вал под трибунами. Его подпирала массивная кладка с мощными контрфорсами. Для восточной части здания естественной опорой стала городская стена. На арках, переброшенных между контрфорсами, покоилась крытая галерея, по которой зрители добирались до верхних рядов. Снизу сюда вели шесть лестниц, пристроенных снаружи к контрфорсам и также опиравшихся на арочные конструкции. Вход на верхний ярус был бесплатным, и скамьи там всегда были переполнены.

Чтобы избежать толкотни и давки в толпе зрителей, спешащих занять или покинуть свои места, помпей-

¹ Сергеев М. С. Помпеи. М.–Л., 1949. С. 262.

ские архитекторы остроумно использовали внутренние коридоры и наружные лестницы. Из шести входов два, каждый шириной 5 м, вели прямо на арену. Через них входили гладиаторы, здесь же выпускали зверей. С западной стороны, где амфитеатр подходил слишком близко к городской стене, вход повернули его под прямым углом в сторону арены. Параллельно ему с той же стороны сделали два узких прохода в коридор, идущий вокруг всего здания под нижними рядами второго яруса, и два таких же прохода устроили с противоположной стороны. Коридор этот не был сквозным: по центру большой оси его с обеих сторон перегородили глухой стеной. Таким образом, толпа разбивалась на два потока и расходилась по рядам первого и второго ярусов, куда из коридора вели лестницы. Первый ярус предназначался для бесплатного посещения представителями городских властей и знати, а также прочими официальными лицами. Находившиеся здесь широкие ступени, видимо, заставлялись переносными скамьями. Великолепно сохранившийся высокий парапет отделял их от зрительских мест на втором ярусе, куда всех желающих пускали за деньги. Отсюда на третий ярус, где всегда толпился народ, можно было либо подняться по лестницам, делящим ярусы на отдельные секторы-клинья, либо, что было гораздо удобнее, спуститься на него с верхней террасы. В случае необходимости использовался узкий и темный выход прямо с арены наружу: своеобразная «дверь смерти», через которую выносили тела павших гладиаторов и трупы животных. Маленькая комната рядом с этим проходом, скорее всего, использовалась как споларий (мертвецкая) или пункт оказания первой помощи. От первых рядов зрительских мест арену отделяла узкая двухметровая стена, на которой, видимо, крепилась металлическая сетка, служившая защитой от диких зверей. Первые исследователи помпейского амфитеатра еще могли видеть на ее поверхности росписи со сценами из жизни гладиаторов и

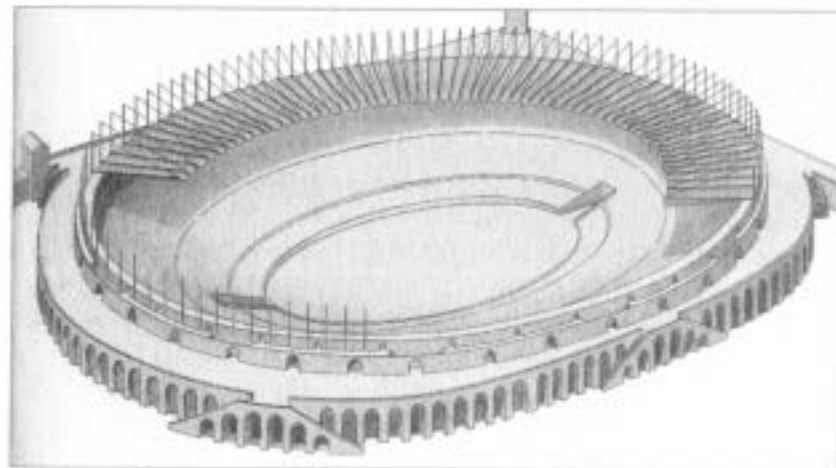
изображениями травли зверей. Одна из самых интересных сцен представляет подготовку к бою. Два соперника стоят напротив друг друга в присутствии судьи, очерчивающего место поединка на песке, а рабы уже готовы помочь бойцам одеть их доспехи. На заднем плане помещены две статуи Виктории, богини победы, с венком и пальмовой ветвью в руках. К сожалению, до наших дней эти росписи не сохранились и известны только в зарисовках, сделанных в XIX в.¹ Крышу над амфитеатром заменял тент (веларий), который периодически натягивали в жару или дождь. Как писал один из римских поэтов, такой тент «похищал сидящих под ним у дневного света и погружал в забавы». В целом углубленное в землю здание помпейского амфитеатра кажется скромным и приземистым. Другие сооружения такой конструкции неизвестны, ведь, как правило, римские амфитеатры возводились на ровной поверхности независимо от строительного материала.

На первый взгляд кажется странным, что Рим, при огромной популярности различного рода зрелищ, долгое время не имел постоянного сооружения, предназначенного для гладиаторских игр. Но, если еще раз вспомнить политическую подоплеку организации этих представлений, то становится понятной консервативная позиция сената, который долгое время считал строительство постоянных зрелищных зданий в столице государства неуместным и противоречащим общественным интересам. Как известно, первый театр, возведенный из камня, появился в Риме лишь благодаря влиянию и богатству Гнея Помпея. И первое, что увидели там зрители, были звериные травли, воспоминания о которых сохранялись даже сто лет спустя. В условиях, когда судьба государства оказалась в руках нескольких влиятельных политиков, пре-

¹ Носов К. С. Гладиаторы. СПб., 2005. С. 142–144, 175.

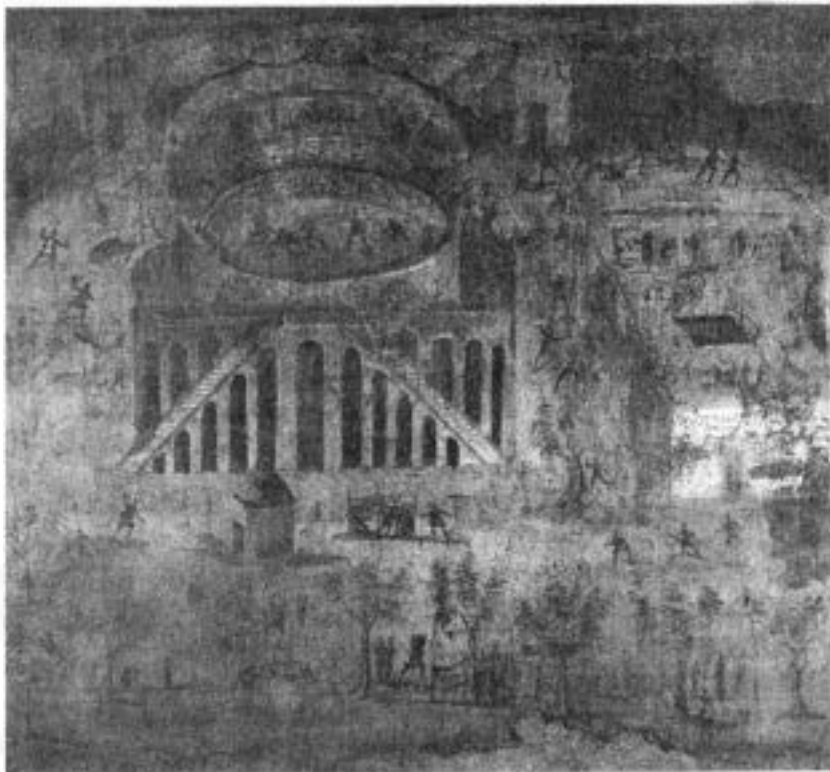

Внутренний вид амфитеатра в Помпеях

Реконструкция амфитеатра в Помпеях

Фреска с изображением амфитеатра и побоища между жителями Помпей и Нуцерии

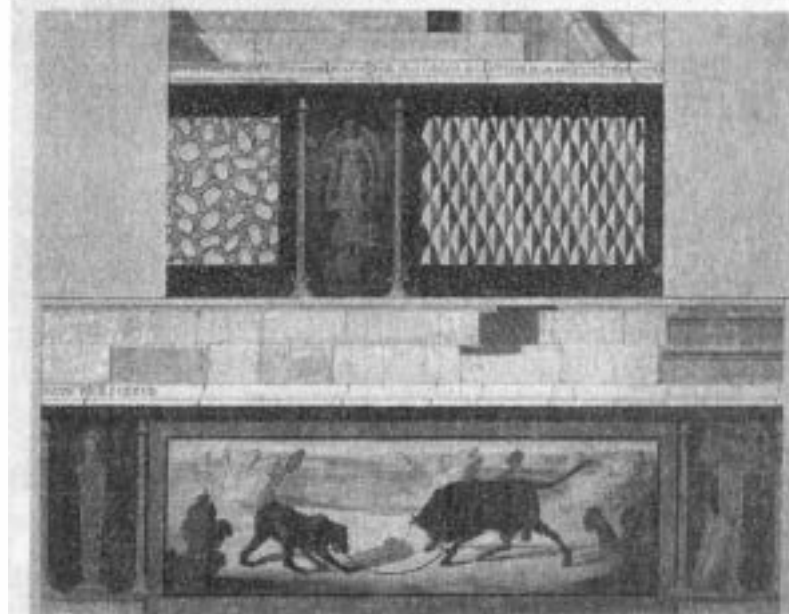
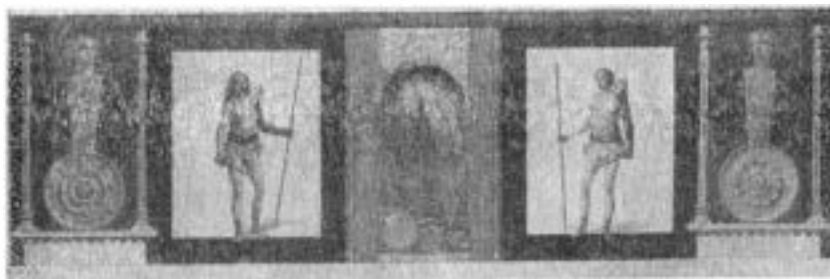

Рисунок XIX в. с фрески на подиуме амфитеатра в Помпеях (звериная травля)

*Рисунок XIX в. с фрески на подиуме амфитеатра в Помпеях
(ретирии и звериная травля)*

жные ограничения со стороны сената уже утратили свое значение.

Первое здание амфитеатра классической формы было возведено в Риме всего через два года после открытия театра Помпея, а вскоре появился и соответствующий термин, впервые употребленный Витрувием в его труде под названием «Десять книг об архитектуре» (Vitr. VII. 1). У Плиния Старшего сохранилось известие о гладиаторских играх 53 г. до н. э., устроенных великодушным Гаем Скрибонием Курионом в память об умершем отце, бывшем консуле и известном ораторе, который к тому же был великим понтификом – верховным жрецом Рима. Молодой патриций построил для них, с точки зрения Плиния, совершенно «сумасбродное сооружение из дерева... Он соорудил вплотную друг к другу два обширнейших театра из дерева, каждый из которых держался на вращающейся на оси уравновешенной плоскости, и после того как кончалось дополуденное представление зрелищ в обоих театрах, обращенных сценами в противоположные стороны, чтобы не заглушать друг друга, он, вмиг повернув их, причем после первых дней, как известно, даже с некоторыми сидевшими, и сомкнув их углы между собой, превращал в амфитеатр и устраивал сражения гладиаторов, водя по кругу, скорее, сам нанявшийся (глагол, часто употреблявшийся в значении «наняться в гладиаторы» – В. Г.) римский народ. И чему здесь прежде всего поражаться – придумавшему или придуманному, построившему или замыслившему... А верх всего – это безумие народа, решившегося сидеть на таких ненадежных и неустойчивых сидениях... Вот он тот победитель стран и покоритель всего мира, распоряжающийся народами и царствами... висит на устройствах и рукоплещет угрожающей ему опасности! Что за пренебрежение жизнью людей... Какое бедствие могло бы стрястись!... Когда оси стерлись и пришли в негодность, он (Курион – В. Г.) видоизменил это свое грандиозное сооружение: сохранив форму амфитеатра, он в пос-

ледный день на двух противоположных сценах посреди не устроил борьбу атлетов, затем, напротив, вмиг убрав подмостки, в тот же день представил победителей из своих гладиаторов» (Plin. Nat. Hist. XXXVI. 116–120). Таким образом, первый амфитеатр был образован двумя театрами, вращавшимися на вертикальных осях в виде цилиндров. Конечно, для зрителей это оказалось полной неожиданностью и, несомненно, вызвало бурный восторг. Надо сказать, что Курион, показавший народу яркое и, необычное зрелище, сумел-таки получить от него определенные дивиденды: почти сразу он был избран народным трибуном, а впоследствии стал проконсулом Сицилии и занимал высокие военные посты, пока не погиб в гражданской войне, сражаясь на стороне Юлия Цезаря в Северной Африке против помпеянцев.

Через три года после смерти Куриона, в 46 г. до н. э., сам Юлий Цезарь озаботился возведением для народа деревянного амфитеатра, над которым для защиты зрителей от солнца был натянут такой огромный тент, что, по словам Плиния Старшего, он выглядел великолепнее самих игр. Скоро пришло время и для каменных построек подобного рода. Первый такой амфитеатр, еще наполовину деревянный, был сооружен в 29 г. до н. э. на Марсовом поле, представлявшем собой большую низменность к северу от городских стен Рима. В тот год один малоизвестный полководец, зато богатейший человек по имени Статилий Тавр завершил успешный военный поход в Северную Африку и, как знак благоволения императора Августа, получил от него разрешение провести гладиаторские игры. Единственным выставленным условием было возведение для них постоянного сооружения. Дион Кассий, скептически описывая это, судя по всему, весьма скромное здание, обозвал его «театром для псовой охоты» (Dio Cass. LI. 23. 1). В дальнейшем ни Август, ни его преемники никогда не использовали эту непритязательную и далеко не вместительную постройку для официальных представлений. И все же, с тех пор данная ар-

хитектурная традиция в Риме практически не прерывалась, хотя для проведения масштабных зрелищ в период правления императоров от Августа до Калигулы часто предпочитали использовать Септу на Марсовом поле. Там же, всего за один год, император Нерон выстроил грандиозный деревянный амфитеатр (Suet. Ner. 12. 1). Его описание поэт I в. Кальпурний Сикул вложил в уста юного пастуха Коридона, впервые в жизни пришедшего в Рим, чтобы посмотреть на великолепие организованных юным императором гладиаторских игр: «Мы увидели амфитеатр, взметнувшийся высотой до небес; переkreшивающиеся балки были вровень с Капитолийским холмом, в разные стороны плавно уступами спускались лестницы. Мы занимаем места рядом с простолюдинами, пришедшими на зрелище, они в темных одеждах; для женщин отведены отдельные, не закрытые портиком места. Эти места свободны, и их занимают всадники и трибуны в белых одеждах. Подобно тому как долина, опоясанная аркой гор, спускается в котловину, а вокруг шумят леса, так и здесь впадина повторяет изогнутые очертания арены... Вот коридор, отделанный драгоценными камнями, поодаль мерцающий позолотой портик; там, где мраморной стеной заканчивается арена, стоят скамьи, покрытые великолепными пластинами из слоновой кости... Сколько раз, охваченный страхом, я видел, как из разломленного на две части чрева арены, бездны земной, выходят дикие хищники» (Calp. 7. 23).

За пределами Вечного города подобные деревянные сооружения не всегда отличались достаточной надежностью. Порой, это приводило к трагическим последствиям. Так, в 27 г. в Фиденгах, маленьком городке под Римом, некий вольноотпущенник Атилий решил построить деревянный амфитеатр, «предприняв это дело ради грязной наживы». Он правильно рассчитал, что неизбалованные при императоре Тиберии зрелищами римляне толпой хлынут на выступления гладиаторов и богатая прибыль для него будет обеспечена. Действи-

тельно, наспех возведенное сооружение оказалось переполненным до отказа, но прямо на представлении ряды сидений рухнули. В итоге, погибли больше 20 тысяч человек и около 30 тысяч были перекалечены (Тас. Ann. IV. 52, 53). Специальное решение сената по данному поводу гласило, что теперь разрешение на строительство может быть получено только после предварительного обследования грунта, а чтобы исключить возможное стремление к экономии средств, был введен запрет на проведение гладиаторских игр для тех, чье состояние оценивалось в сумму менее 400 тысяч сестерциев. Впрочем, вряд ли это постановление касалось тех, кто был занят только организацией игр, а не места для них, ведь гладиаторские бои можно было провести и просто на городской площади или на каком-нибудь другом ровном месте. Известно, что император Вителлий в 69 г. продал своего любимца Азиатика бродячему ланисте, который со своими гладиаторами переходил из одного местечка в другое (Suet. Vit. 12), хотя большие деньги у него явно не водились. Так или иначе, число амфитеатров быстро росло: к концу I в. только в ближайшей к Риму области Лаций их было, по крайней мере, 14, в Кампании – 9. Устройство гладиаторских игр было лучшим средством приобрести популярность в каком-нибудь провинциальном итальянском городке. Муниципальные магистраты, члены городского совета, наконец, просто богатые и влиятельные граждане не упускали случая развлечь родной город в благодарность за избрание или из желания сохранить доброе расположение сограждан. Так, надписи сохранили для нас сообщения о том, что в маленьком Ланувии эдил Марк Валерий, известный ремонтом мужских и женских бань, «дал гладиаторов» (CIL. XIV. 2121), а в Габиях жрица Агусия Присцилла «устроила изрядное зрелище игр о здравии императора Антонина Пия, отца отечества, и детей его» (CIL. XIV. 2804). Со временем именно амфитеатр становится одним из символов римской цивилизации.

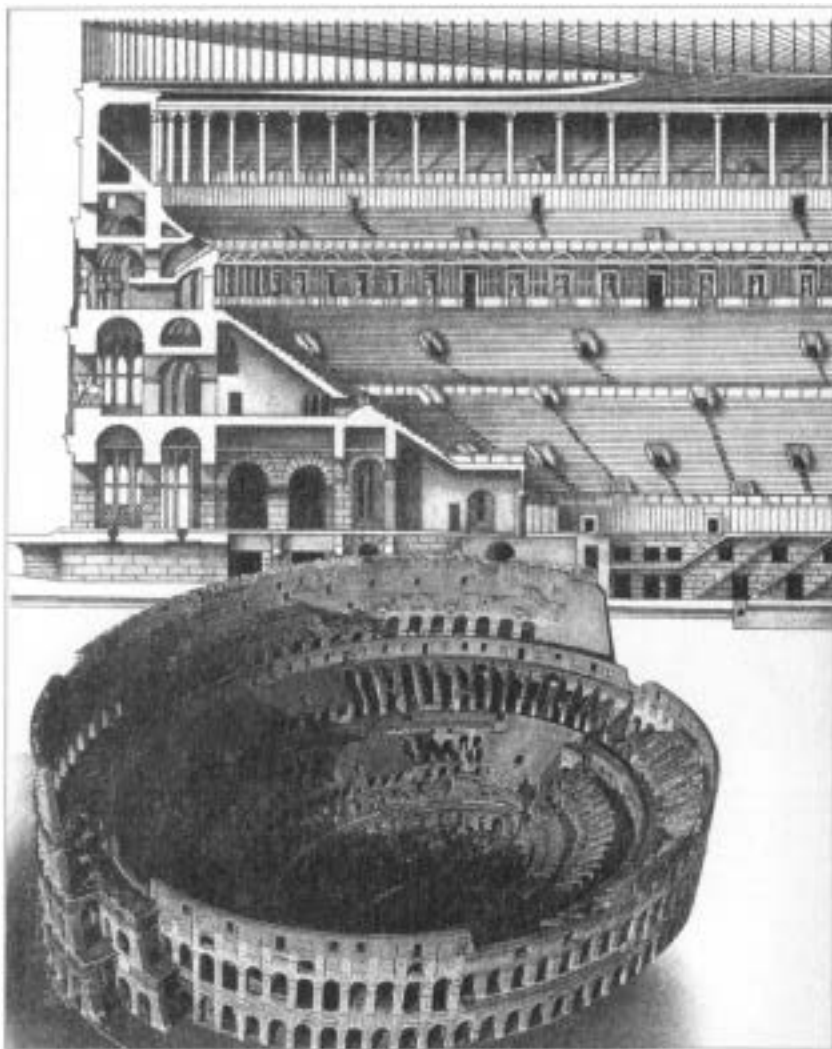

*Рисунок XIX в. с фрески на подиуме амфитеатра в Помпеях
(гладиаторы перед началом боя и звериная травля)*

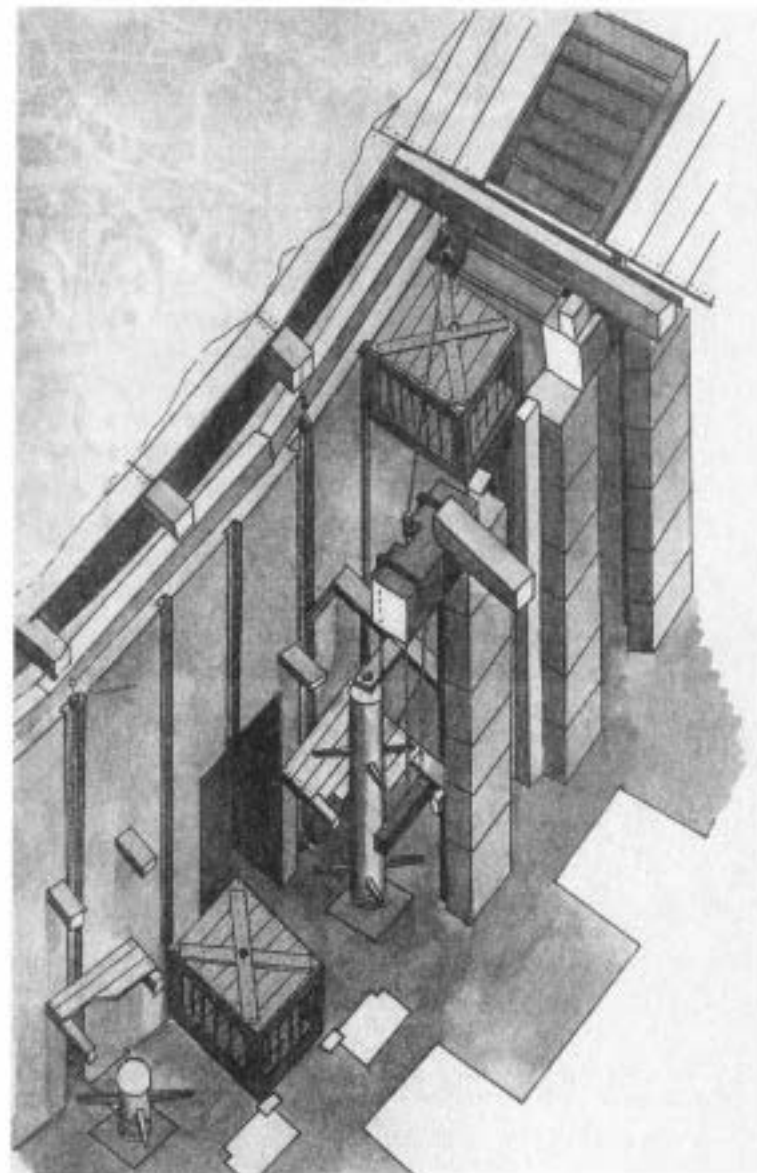

*Комплекс подземных помещений (гипогеум)
в амфитеатре Флавиев*

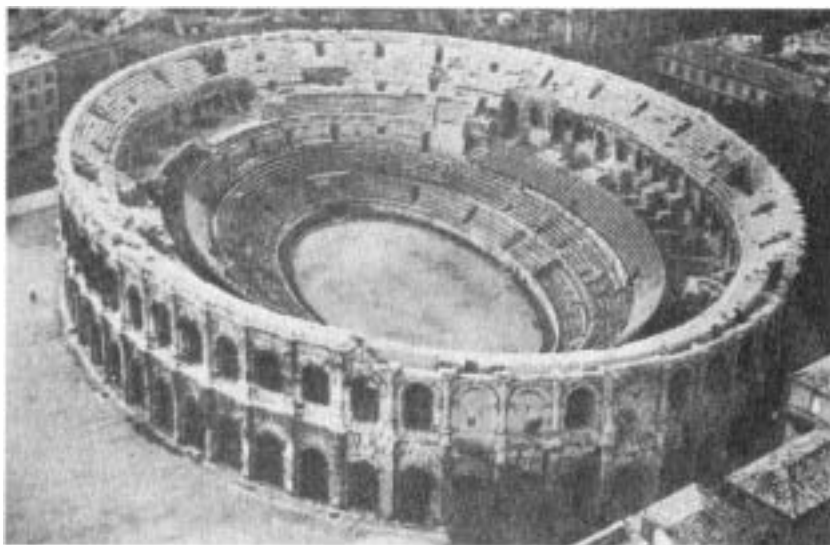
Амфитеатр Флавиев (Колизей). Общий вид и разрез

Устройство системы лифтов в гипогее амфитеатра

Краснолаковые
светильники
с изображением
гладиаторов-
фракийцев. I в.

Амфитеатр в Ниме (Франция)

В 69 г. н. э. император Веспасиан (69–79 гг.), вышедший из военной среды, положил начало правлению в Риме династии Флавиев, которая дала свое имя сооружению, вошедшему в историю архитектуры как амфитеатр Флавиев. Другое всем известное название его – *Колизей* (от итальянского *colosso* «огромный»), связанное с находившейся рядом гигантской статуей бога Солнца – Сола, не было *первоначальным* (штамп 9) и вошло в употребление только в средневековье, не ранее VII в. Строительство амфитеатра развернулось на месте искусственного озера, вырытого когда-то в садах так называемого «Золотого Дома», грандиозного дворца Нерона, занимавшего в центре города территорию площадью 120 га. Это место было выбрано не случайно: в Риме последовательно уничтожались памятники, связанные с именем ненавистного жителям столицы императора. Кроме того, новому владыке государства, чтобы укрепить династию, было необходимо добиться расположения народа. Самым простым решением вопроса стало возведение в столице нового постоянного сооружения для массовых развлечений, ведь оба римских амфитеатра – каменный Статилия Тавра и деревянный Нерона – сгорели во время великого пожара 64 г. И вот Веспасиан созвал лучших архитекторов и строителей, чтобы они создали по последнему слову техники величайшую в империи постройку, способную удовлетворить вкусы искушенной различного рода зрелищами толпы. Сначала озеро в ложбине между холмами Велием, Эсквилином и Целием осушили и заполнили раствором, напоминающим современный бетон. Глубина созданного таким образом фундамента составила 13 м, что изначально гарантировало необыкновенную прочность и долговечность всего сооружения в целом. Подверглась благоустройству и вся прилегающая территория. Об ее прошлом теперь напоминала только упомянутая громадная статуя из позолоченной бронзы, не уступавшая по своим размерам (около 35 м) знаменитому Колоссу

Родосскому, одному из семи чудес света. Когда-то она изображала Нерона (Suet. Ner. 31. 1), а потом, после дополнения головы бронзового гиганта лучистой диадемой (Mart. De spect. 2), ее посвятили богу солнца,¹ передвинув поближе к амфитеатру при Адриане с помощью платформы, в которую запрягли двадцать четыре слона (Ael. Spart. Hadr. 19). Сейчас об этом изваянии напоминает лишь небольшой огороженный цоколь на площади перед главным входом в Колизей.

Финансовые и людские ресурсы для грандиозной стройки, начатой в 72 г., обеспечило успешное завершение Иудейской войны. Недавно этому нашлось археологическое подтверждение: на одной из каменных плит, окружавших арену, удалось обнаружить следы прикрепления бронзовых букв, которые сложились в надпись – «Император Веспасиан повелел возвести этот амфитеатр за счет военной добычи». В данной связи интересно отметить помещенный над главным входом изнутри потемневший от времени рельефный план древнего Иерусалима. Военнопленные, обращенные в рабство после взятия этого города, добывали и основной строительный материал – местный белый известняк-травертин, прочный и достаточно декоративный. Каменоломни в Тибуре, где они работали, соединили со столицей империи специальной дорогой, которую проложили 30 тысяч рабов-иудеев. В общей сложности, за десять лет по ней было доставлено на место строительства около 100 тысяч м³ камня. Итогом этой стройки стал самый вместительный и красивый амфитеатр античного мира, восторженно воспетый в стихах поэта Марциала, сравнившего это сооружение с известными чудесами света (Mart. Spect. 1):

О чудесах пирамид пусть молчит Мемфис иноземный,
Ты, ассириец, оставь превозносить Вавилон;

¹ Берд М., Хопкинс К. Колизей. СПб., 2007. С. 36–38.

Тривии (т. е. Артемиды – В. Г.) храмом пускай иониец не хвалится нежный,

Пусть и алтарь из рогов Делос оставит теперь;
Пусть и карийцы свои мавзолеи в воздушном пространстве,
Меры не зная хвалам, не превозносят до звезд:
Сооружения все перед цезарским амфитеатром
Меркнут, и только его пусть превозносит молва.

Амфитеатр Флавиев открылся для проведения первых игр в 80 г. при сыне Веспасиана, императоре Тите, который показал народу много удивительных вещей. «Бились друг с другом... четыре слона, было убито около 9 тысяч животных, домашних и диких, и женщины, правда незнатные, принимали участие в их избииении. Много мужей вступало в единоборство, многие же сражались сомкнутыми рядами в пешем и морском боях. Наполнив неожиданно этот амфитеатр водой, Тит велел... людям выплывать на кораблях. И эти люди там сражались, одни в качестве керкирян, другие в качестве коринфян» (Cass. Dio. LXVI. 25), таким образом воспроизводя известное морское сражение 434 г. до н. э.

На примере Колизея можно рассмотреть основные элементы конструкции римских амфитеатров, несмотря на все потери, которые он понес, пока в течение столетий служил обыкновенной каменоломней: из его каменей построены 23 дома знатных римлян, 6 церквей, папская канцелярия и несколько мостов. Колизей имеет форму эллипса с размерами по диагоналям 188 и 156 м и внешним периметром 527 м. Внутри, как бы на дне огромной чаши, находится овальная арена 86×54 м. Каркас здания составляют восемьдесят радиальных и семь кольцевых стен, которые держат конструкцию зрительских мест. При его строительстве, наряду с травертином, использовались и другие материалы, например для сидений и облицовки – мрамор, для радиальных стен – туф и бетон, для некоторых арок – кирпич.

Внешняя стена сооружения, в полную высоту сохранившаяся только с северной стороны, делилась на три арочных яруса, в каждом из которых были использованы полуколонны разных архитектурных ордеров: в первом – сдержанного тосканского, во втором – изящного ионического, в третьем – нарядного коринфского. В проемах второго и третьего ярусов стояли мраморные статуи. Позднее, после надстройки внешней стены до четвертого яруса ее высота составила 52 м. Верхний ярус расчленен на ряд секций, выделенных легкими коринфскими пилястрами, между которыми через равные промежутки прорезаны окна и когда-то были набиты круглые бронзовые щиты. При таком расположении по вертикали различных архитектурных элементов здания его низ зрительно несет на себе основную нагрузку, облегчая, таким образом, верхнюю часть. В целом архитектурный образ усложняется за счет увеличения кверху размеров ярусов и уменьшения высоты арок. Конечно, за долгие годы своего существования амфитеатр Флавиев не раз подвергался различным переделкам. Особенно основательный ремонт здания потребовался после 217 г., когда в него попала молния, и на ликвидацию последствий ушло целых двенадцать лет.

Первый этаж включал 80 пронумерованных арок, через которые можно было попасть в определенный сектор амфитеатра. На каждой из них было написано, к каким местам открывается отсюда доступ. Таким образом, зрителям, имевшим специальную табличку, своего рода «билет», где указывались ярус, ряд и место, было легко сориентироваться. Поскольку римские императоры заботились об увеселении своего народа, чтобы легче держать его под контролем, вход в Колизей был бесплатным.¹ Наиболее привилегированными местами считались ложи с отдельными входами, распола-

¹ Берд М., Хопкинс К. Указ. соч. С. 105.

Костяная рукоятка ножа с фигурами секутора и ретиария. III в.

*Амфитеатр в Вероне
(Италия)*

*Амфитеатр в Фисдрусе
(Эдъ-Джем, Тунис)*

*Венацио на арене амфитеатра Флавиев.
Реконструкция*

*Жан-Леон Жером.
Последняя молитва христианских мучеников*

*Схватка венаторов со стаей леопардов
на мозаике начала IV в.*

*Судья между победившим секутором
и побежденным ретиарием.
Мраморный монумент II–III вв.
из Болгарии*

гавшиеся по одной из центральных осей амфитеатра. Сохранилась только северная из них, предназначенная для магистратов и устроителя игр. Напротив находилась императорская ложа, к которой был проложен подземный ход, начинавшийся где-то к востоку от Коллизея и прослеженный на протяжении около 40 м. При этом установлено, что он имел богатую внутреннюю отделку: покрытые мрамором стены и мозаичные полы. Таким образом, император мог попасть в свою ложу либо через парадный вход, либо воспользоваться подземным переходом. Его часто называют «проходом Коммода», поскольку однажды там на него пытались совершить покушение.

Шесть проходов (вомиториев) позволяли участникам представлений быстро пройти на арену, а благодаря остальным огромная масса зрителей всего за пять минут могла оказаться на пронумерованных местах, которые были рассчитаны примерно на 50–70 тысяч человек, а после представления покинуть их без давки, не теснясь и не толкаясь. В немалой степени этому способствовали четыре круговых коридора на первом этаже, которые вели не только к лестницам, но и к помещениям, приспособленным для отдыха, где били струи фонтанов. Надо сказать, что при отсутствии эффективной водопроводной системы скопление огромных масс людей в амфитеатре было бы немыслимо. Недавние исследования позволили восстановить тщательно продуманную схему водоканализационных коммуникаций, которая обеспечивала работу не только фонтанов, но и многочисленных общественных уборных. Все это говорит о высоком инженерном и архитектурном уровне конструкции сооружения в целом.

Зрительские места, расположенные по сторонам гигантской воронки амфитеатра, разделялись на несколько ярусов, разделенных невысокими стенками, представляя собой как бы срез древнеримского общества в миниатюре. Нижний ярус из четырех рядов мраморных

сидений предназначался для девственных весталок – жриц богини домашнего очага Весты, сенаторов и членов их семей, второй из восьми рядов – для состоятельных граждан из сословия всадников, а третий – для простого люда и женщин. Четвертый ярус представлял собой деревянную трибуну, отделенную от остальных большой галереей. Здесь, на самом верхнем уровне, помимо зрителей, располагались моряки императорского Мизенского флота (*Classis Miseniensis*), управлявшие огромным льняным тентом (велариум), покрывавшим Колизей сверху таким образом, чтобы арена оставалась всегда открытой. Этой цели служила сложная конструкция из 240 мачт, на которых для защиты трибун от непогоды или яркого света растягивались гигантские полосы материи, перемещавшиеся в зависимости от положения солнца. По сообщениям современников, они были окрашены в самые различные цвета – от желтого и голубого до красного и пурпурного – и представляли собой весьма красочное зрелище.

Впервые особая роль сенаторов в иерархии древнеримского общества была подчеркнута на играх 194 г. до н. э., когда по решению цензоров они получили отдельные от народа места (*Liv. XXXIV. 44. 4; 54. 4*). Столетие спустя, в 87 г. до н. э., подобное благодеяние распространилось и на сословие всадников, которым отдали места в следующих после первого четырнадцати рядах в театрах. Такое распределение мест с незначительными изменениями перешло и в практику амфитеатров, хотя простой народ особенно не утруждал себя соблюдением этих правил. Когда один сенатор приехал в Путеолы на игры и для него не нашлось места, свое не пожелал уступить никто из присутствовавшей там толпы. Порядок в этом отношении навел император Август, при котором законодательно утвержденные привилегии соблюдались достаточно строго. Известен эпизод, когда в его присутствии «воин, не имея собственного места, прошел на так называемые места всадников; народ обратил

на это внимание и Цезарь (Август – В. Г.) прогнал воина» (*App. Bell. Civ. V. 15*). Позднее потребовалось еще одно постановление на этот счет: как отмечает Тацит, в 63 г. император Нерон отвел римским всадникам «места... впереди простого народа, тогда как до этого... они не имели никаких преимуществ» (*Tac. Ann. XV. 32*). Конечно, с последних рядов при расстоянии до арены около 75 м обзор был затруднен, и вряд ли удавалось хорошо слышать крики глашатаев и звуки музыки. Когда после пятнадцативекового перерыва и восьмилетней реставрации, 19 июля 2000 года, Колизей был вновь открыт для публичных зрелищ, это позволило составить более четкое представление об акустических и визуальных возможностях амфитеатра. В частности, выяснилось, что приличная видимость и слышимость характерна только для мест сенаторов и всадников. Для всех прочих происходящее на арене превращалось в движение каких-то ярких пятен. Таким образом, красочные одежды и сверкающие роскошные доспехи гладиаторов были необходимы как средство опознавания участников игр.¹

Арена (лат. «песок») Колизея имела овальную форму размерами 76 44 м и представляла собой деревянный настил, покрытый песком для впитывания крови и мочи. Иногда песок могли окрашивать с помощью сурика или горной зелени в красный или зеленый цвет (*Suet. Calig. 18. 3; Pl. Nat. Hist. XXXIII. 27. 90*). Под ареной первоначально находились приспособления для заполнения внутреннего пространства амфитеатра водой из близлежащих водоемов. В таких случаях давались представления на мифологические сюжеты, устраивались при помощи моделей кораблей имитации морских сражений или охота на водных животных – крокодилов и гиппопотамов. Затем около середины II в. под ареной

¹ Сергеев М. С. Помпеи. М.–Л., 1949. С. 262.

соорудили целый комплекс подземных помещений (гипогеум) высотой от 5,5 до 6,08 м, разделенных специальными проходами, а также клетки для диких зверей. Два подвальных коридора делили все пространство под ареной на четыре части. Центральный коридор находился на главной оси здания. Отсюда начинался проход, который вел в так называемую «Большую школу» для подготовки императорских гладиаторов.

Обширный гипогеум был открыт археологами еще в начале XIX в., в годы оккупации Рима наполеоновскими войсками. По общей площади он намного превосходит саму арену, так как по краям подземелья располагались вместительные склады декораций и оружия, комнаты для переодевания и обслуживающего персонала. Судя по надгробным надписям, среди тех, кто обеспечивал проведение зрелищ, были врачи, оружейники, архивариусы, посыльные, привратники, смотрители за дикими животными. Специальные служители помогали гладиаторам надевать доспехи и готовить оружие перед выступлением, а массажисты постоянно поддерживали их спортивную форму. Большую роль в период проведения игр играл оркестр, который пронзительными звуками оповещал зрителей о различных моментах состязаний. Сначала ведущая роль в оркестре принадлежала горнисту и трубачу, а в период правления Нерона к ним добавился музыкант с гидравлическим органом.

Во время утренних представлений с помощью 60 лифтов, каждый из которых обслуживали восемь человек, животных или декорации с людьми, которые должны были их устанавливать, в считанные минуты доставляли наверх, почти до уровня арены. Подъем шел либо по вертикали (клетки с животными), либо по наклонным брусам под углом около 30° (платформы с декорациями). Еще один ряд подсобных помещений размещался в галерее, называвшейся «карцер», непосредственно вокруг арены. По ее главной оси располагались два специ-

альных выхода: Porta Триумфалис – для выхода гладиаторов-победителей и Porta Либитина, посвященный богине смерти и похорон, через который выносили мертвые тела. Для безопасности зрителей арену окружала стена высотой до 4 м, но, разумеется, этого было мало и, судя по найденному в Колизее граффито, ее дополняла металлическая решетка.

Отдельной мерой безопасности могло стать размещение по всему амфитеатру солдат, которые также препятствовали возникновению беспорядков из-за столкновений болельщиков. Один такой эпизод, относящийся к 59 г., даже удостоился упоминания в «Анналах» Тацита: «Начавшись с безделицы во время представления гладиаторов... вспыхнуло жестокое побоище между жителями Нуцерии и Помпей... Задирая сначала друг друга насмешками и поношениями, они схватились затем за камни и, наконец, за оружие, причем взяла верх помпейская чернь, в городе которой давались игры. В Рим были доставлены многие нуцерийцы с телесными увечьями, и еще большее их число оплакивали гибель детей или родителей» (Тас. Ann. XIV.17). Наверно, гладиаторские бои в Помпеях славились на всю округу и городские власти не упускали возможность облегчить кошельки жителей соседних городков за счет продажи билетов, а также сопутствующих товаров и услуг. Тем более, что мест в амфитеатре должно было хватать на всех: ведь их количество (20 тысяч) соответствовало общей численности населения Помпей, включая младенцев. Ну, а тогда разбушевавшиеся помпейские «фанаты» были наказаны запретом на организацию гладиаторских игр в течение долгих десяти лет. Правда, три года спустя это жесткое решение было отменено, возможно, в связи с поразившим город мощным землетрясением, ставшим предвестием уничтожившей его катастрофы. Один из помпейских гладиаторов, успевший обзавестись собственным домом, заказал художнику представить стычку между помпейцами и нуцерий-

цами в настенной росписи. Здание амфитеатра изображено на фреске с высоты птичьего полета. Мы можем видеть сцену боя на арене, натянутый над частью зрительских мест веларий, вокруг скопище различных лавок со всякой снедью и мелкими товарами для пришедших на представление людей, и буквально повсюду – дерущиеся горожане. Вероятно, такие кровавые побоища могли периодически происходить и в других городах.

Надо полагать, что даже сокращенный срок наказания был для жителей Помпей тяжелым испытанием, пережить которое, видимо, помогала только различного рода сувенирная продукция, связанная с тематикой игр. В то время любой мог приобрести и хранить в доме в качестве памятной вещицы зеркало, статуэтку, столовую посуду, светильник, стеклянный стакан или рукоять ножа и многое другое, где были запечатлены наиболее выдающиеся местные гладиаторы. Довольно часто образы героев арены сопровождались их именами. Некоторые из них, например гладиаторы Петраит и Прудент, не только воспроизведены на помпейской фреске, но и упоминаются в «Сатириконе» Петрония. Особой популярностью пользовался сюжет со сценой отказа от продолжения сражения, то есть тот момент, когда публика распоряжалась судьбой человека, вышедшего на арену. В терракотовых медальонах II в. из Южной Галлии указывалось не только имя гладиатора, но и его заслуги, число одержанных побед и каким образом он закончил свою жизнь. Определенным спросом пользовались даже вошедшие в повседневный обиход тарелки и светильники с изображением смертников, растерзанных львами и быками.

Об особой популярности гладиаторских игр на территории Италии говорит хотя бы тот факт, что здесь обнаружены остатки 99 амфитеатров, сооруженных за счет городской казны или частных лиц, иногда при финансовой поддержке самого императора. Роль част-

ных граждан – магистратов, женщин и даже вольноотпущенников, среди которых было достаточно богатых людей, – в данном случае была не так уж мала: на их средства построены пятнадцать италийских амфитеатров. В Тибуре (Тиволи) 20 тысяч сестерциев на строительство амфитеатра согласно завещанию своего отца пожертвовал Марк Туллий Руф. В Казине (Монтекассино) богатая дама Уммидия Квадратилла, которую упоминает в своей переписке Плиний Младший, сделала родному городу совсем роскошный подарок – амфитеатр и храм. Конечно, все это не было чистой благотворительностью. Наряду с проявлениями местного патриотизма, явно прослеживается желание прославить самих себя или получить поддержку на выборах должностных лиц. При Тиберии, как уже упоминалось, даже пришлось ограничить участие частных граждан в подобных начинаниях из-за несоблюдения в ряде случаев необходимых технических требований. При императоре Траяне дело дошло до того, что был принят закон, согласно которому человек, начавший строительство амфитеатра за собственный счет, брал на себя обязательство довести его до полного завершения. С III в., когда империя вступает в полосу кризиса, сооружение амфитеатров на частные средства почти прекратилось. От следующего столетия до нас дошла всего лишь одна надпись, связанная со строительными работами в амфитеатре. Она сообщает о том, что некий Лоллий Кирий, глава городской курии, вернул в прежнее состояние обветшавший старый амфитеатр, то есть речь идет просто о реставрации прежней постройки.

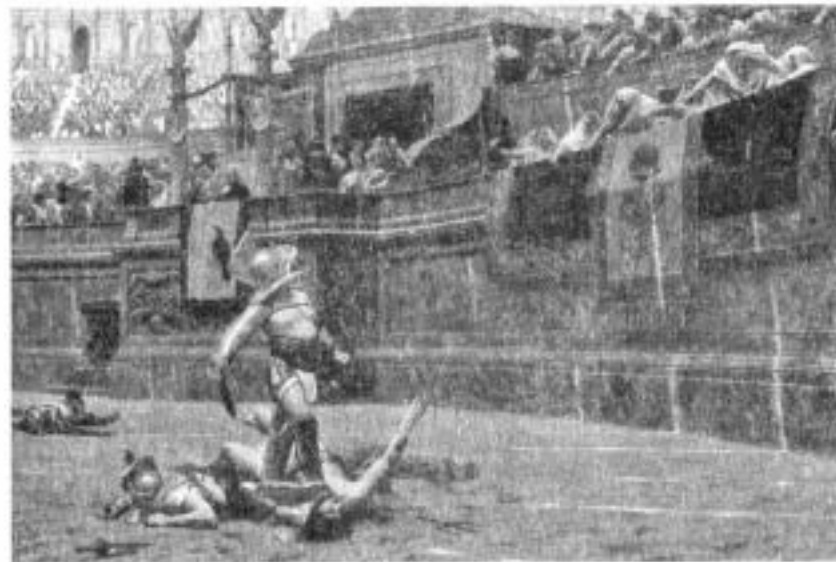
После завершения строительства Колизея многие амфитеатры в Италии и за ее пределами стали возводиться по его образцу – в Сполето, Путеолах, Пренесте, Немаузе (Ниме), Лютеции (Париже) и других городах. Они составляют большую часть известных в настоящее время античных сооружений подобного рода. В качестве наиболее характерного примера можно вспомнить пере-

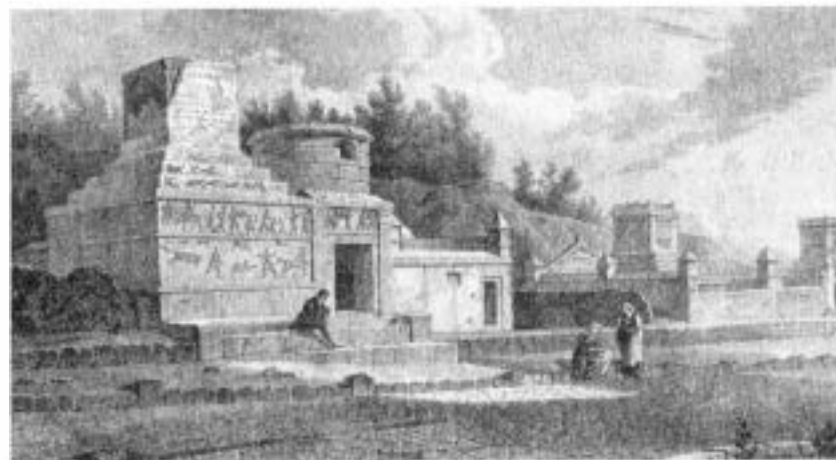

строенный в конце I – начале II вв. амфитеатр в Капуе, также украшенный арками и статуями и способный вместить до 60 тысяч зрителей. Впрочем, провинциальные италийские амфитеатры, дошедшие до наших дней, не всегда демонстрируют хорошую сохранность. В Вероне на знаменитой «Арене», где периодически ставятся оперы Дж. Верди, почти полностью уцелели места для зрителей, зато от внешней стены осталось всего несколько пролетов. За пределами Италии больше всего амфитеатров – тридцать шесть – обнаружено в провинциях Проконсульская Африка и Нумидия. Лучший из них, получивший прозвище «Сморщенный Колизей», находится в Фисдрус (Эль-Джем, Тунис). Действительно, он лишь немногим уступает по масштабам амфитеатру Флавиев – размеры по главным осям 148 × 122 м, высота наружных стен достигает 36 м. Возведение амфитеатра такого уровня могли позволить себе только преуспевающие горожане. И не случайно начало ему было положено после 238 г., когда восставший против непомерно высоких налогов Фисдрус выдвинул своего претендента на императорский трон – проконсула провинции Африка Марка Антония Гордиана. Поэтому, когда в Риме окончательно утвердился его внук, Гордиан III, город не был обойден вниманием юного императора, который обеспечивал ему свое высокое покровительство. Считается, что он посещал его не менее двух раз в год.

Для строительства амфитеатра, в котором принимали участие около двадцати четырех тысяч человек, использовался песчаник, доставлявшийся из каменоломни на берегу Средиземного моря. Места, располагающиеся тремя ярусами на шестидесяти довольно мощных аркадах, могли вместить сорок пять тысяч зрителей, то есть практически все взрослое население города. В центре напротив выхода, через который на арене появлялись гладиаторы, находится почетная ложа, вытянутая в высоту на два яруса. Под рядами сидений для зрите-

Жан-Леон Жером «Pollice Verso» («Повернутые пальцы»).
1872 г.

Гробница Авла Умбриция Скавра.
Рисунок XIX в.

Пегниарии на мозаике первой половины III в.

Сцены гладиаторских поединков на рельефах гробницы Авла Умбриция Скавра. Прорисовка XIX в.

лей сохранились высокие сводчатые галереи, игравшие роль своеобразных «фойе». Возможную давку исключала хорошо продуманная система лестниц. На случай дождливой погоды были предусмотрены специальные трубы, служившие для отвода воды. Ниже уровня арены по продольной оси амфитеатра проходит туннель, связанный боковыми проходами с секциями, где находились клетки для диких зверей и помещения для гладиаторов. Эти небольшие комнатки были обнаружены археологами еще в 1904 г. Тогда же установили, что на арену из помещений под ней поднимались по пологому пандусу, проходя через двери по обеим ее сторонам. Всего таких дверей было восемь: из них две парадные, шириной около 4,5 м, для торжественных процессий в начале и конце представления, и шесть более узких, обычных.

Совершенно особые сооружения – «навмахии» – предназначались для проведения дорогостоящих масштабных морских сражений, в которых участвовали десятки кораблей с тысячами гребцов и воинов. Среди них, видимо, преобладали либурны – наиболее типичные корабли римского военного флота. Это были гребные суда с двумя рядами весел по каждому борту и, соответственно, шестьюдесятью гребцами. Длина их составляла около 34 м при ширине 5 м. В носовой части, ниже уровня воды, у них находились остроконечные тараны, обшитые листами бронзы. При умелом маневрировании тараном можно было пробить дыру в обшивке вражеского корабля и потопить его. На платформах, расположенных в носовой и кормовой частях судна, обычно размещались сорок воинов, готовых, если возникнет возможность, ринуться на борт корабля противника и немедленно вступить в бой.

Большей частью навмахии проводились на искусственных озерах в самом Риме. Первое из них, как уже говорилось, было выкопано в 46 г. до н. э. на обширном поле, посвященном богу войны Марсу. Над большим ис-

кусственным водоемом там было выстроено диковинное для римлян здание со скамьями для зрителей. Впрочем, озеро было неглубоким, так как военные корабли того времени имели небольшую осадку. Потешный бой, закончившийся резней, пришелся по вкусу зрителям, но вскоре озеро пришлось засыпать, так как от него исходило зловоние, а в городе началась какая-то заразная болезнь. Следующая навмахия состоялась только 44 года спустя после освящения Августом храма Марса Мстителя, построенного в честь Юлия Цезаря, которого император в силу усыновления почитал как своего отца. На правом берегу Тибра, в районе, известном в наши дни как Трастевере, выкопали бассейн длиной более 500 м и шириной около 350 м и наполнили его свежей водой из ближайшего источника, подведенной по акведуку длиной 24 км. Посередине озера насыпали искусственный остров диаметром около ста метров в соответствии с запланированной инсценировкой исторического события: знаменитого сражения у острова Саламин, где в 480 г. до н. э. греческий флот одержал победу над персами. Историческая точность, конечно, не имела здесь никакого значения. Достаточно было ярко раскрасить «персидские» корабли в соответствии с римскими представлениями о восточной роскоши. Выбор сюжета навмахии из области истории Греции или Востока определялся в этом, да и в других случаях, нежеланием римлян видеть, хотя бы и ненастоящее, поражение своих военных сил. В проведении зрелища, организованного Августом с участием трех десятков судов разных размеров, были заняты более 3 тысяч навмахияриев, очевидно, набранных среди гладиаторов и приговоренных к смерти преступников. По мысли дальновидного императора, сооружение в целом было продумано таким образом, чтобы в будущем использовать его как городское водохранилище. Развлечения на воде устраивали и другие повелители Рима, каждый из которых стремился хоть в чем-то превзойти своих предше-

ственников. Так, в навмахии Нерона, устроенной в возведенном на Марсовом поле деревянном амфитеатре, оборудованном сложной водопроводной системой, перед «морским» сражением между «афинянами» и «персами» показали чудовищных рыб и морских животных, а после – быстро спустили воду и на сухом дне провели гладиаторские бои (Dio Cass. LXI. 9). Созданный в свое время по приказу Августа бассейн для навмахий иногда использовался и позднее. Еще одно грандиозное зрелище было организовано здесь по случаю открытия Колизея в 80 г. при императоре Тите. По завершении большой навмахии на озере возвели помост для проведения венацио и гладиаторских боев. Одновременно небольшие корабли сразились прямо на заполненной водой арене Колизея, имитируя сражение между керкирянами и коринфянами, произошедшее в 435 г. до н. э. На третий день состоялась новая «историческая» навмахия между «афинянами» и «сиракузянами», причем «афинянам», в реальности проигравшим битву 413 г. до н. э., не только удалось одержать победу на воде, но и, высадившись на небольшом островке, захватить возведенную на нем «крепость» (Dio Cass. LXVI. 25. 4).

В навмахиях Домициана, проводившихся в любую погоду на новом озере поблизости от Тибра, даже невзирая на ураган и сильный ливень, участвовали, порой, целые флотилии кораблей (Suet. Domit. 4. 2). Запомнившееся римскому плебсу зрелище, в том числе и потому что многие простудившиеся люди потом умерли от лихорадки, запечатлел в одной из своих эпиграмм поэт Марциал (Mart. Spect. 30 (28)):

Август устроил, чтоб здесь ходили в сражение флоты
И корабельной трубой гладь будоражилась вод...
Все, на что мы глядим и в цирке, и в амфитеатре,
Все это, Цезарь, тебе щедрой водою дано.
Пусть же умолкнут Фуцин и пруды злодея Нерона:
Будут в веках вспоминать лишь навмахию твою.

Последние упоминания о навмахиях относятся к III в. Одна из них стала верхом излишества, когда не знавший меры император Гелиогабал (218–222 гг.) приказал прорытые для нее в цирке каналы наполнить доверху вином (Ael. Lampr. Geliog. XXII. 1). Конечно, не обошлось без навмахии и на праздновании тысячелетия города Рима в 248 г. при императоре Филиппе Арабе (244–249 гг.) и, наконец, самой поздней из известных нам «морских» представлений стала навмахия, устроенная в 274 г. Аврелианом (270–275 гг.).

Организация гладиаторских игр на суше или на воде была сложной и дорогостоящей задачей. Порой, это ставило должностных лиц, вынужденных в силу своего положения устраивать роскошные представления, буквально на грань разорения. Впоследствии при Марке Аврелии и Коммоде это вызвало появление специальных постановлений о твердых ценах на различные расходы по зрелищам, в том числе на гладиаторов. На снижение цен относительно сдаваемых внаем гладиаторов существенно повлияла, исходя из принципа «императорские деньги должны быть чистыми», отмена налога, который обычно платили государству ланисты. Кроме того, были установлены верхние границы стоимости гладиаторов по каждому классу бойцов и в зависимости от стоимости самих игр, которые разделили на пять разрядов. При этом не менее половины бойцов должны были составлять так называемые грегари — малоквалифицированные участники массовых гладиаторских сражений. Для небольших городков максимум расходов определялся усреднением счетов за предшествовавшие десять лет. Чтобы превысить допустимое число гладиаторов, нужно было обращаться за специальным разрешением в сенат либо к самому императору.

В Риме сам император и являлся, как правило, официальным организатором (эдитором) игр. Фактически же, эта обязанность была возложена на городских чиновников — преторов или квесторов, которые не зависе-

Рисунок на стене помпейского дома с изображениями гладиаторских боев и записями их результатов

ли от рыночной стоимости игр, поскольку у императоров хватало собственных гладиаторов, поставлявшихся принадлежавшими им школами. В провинции организацией игр должны были заниматься магистраты, которые могли тратить на эти нужды часть поступавших к ним доходов. Такие эдиторы, прежде всего, заключали договор с ланистой, сразу оговаривая в деталях сколько и каких гладиаторов требуется представить для продажи или аренды. В последнем случае наниматель платил полную стоимость только за убитых и небольшую сумму за выступления оставшихся в живых. Один сохранившийся юридический документ сообщает среднюю цену на гладиаторов: за убитого или тяжело раненого ланисте платили четыре тысячи сестерциев, за каждого уцелевшего – 80 сестерциев. Поэтому никто из устроителей не был заинтересован в массовой резне среди профессионалов на арене, особенно ланиста, который в таком случае лишался ценного товара и гарантированного источника дохода в будущем. Впрочем, уровень провинциальных гладиаторских игр был, порой, довольно невысоким. Скептический взгляд на подобного рода представления отразил Петроний в своем романе «Сатирикон», где один из персонажей рассуждает следующим образом: «...что хорошего сделал нам Норбан? Дал гладиаторов дешевых, полудохлых, – дунешь на них, и повалятся; и бестиариев выдывал я получше; всадников, которых он дал убить, можно было счесть за человечков с щитка светильника – сущие цыплята: один – увалень, другой – кривоногий, а тертиарий-то (в данном случае своего рода секундант побежденного гладиатора – В. Г.) – мертвец за мертвеца, с подрезанными жилами. Пожалуй, еще фракиец был ничего себе: дрался по правилам. Словом, всех после секли; а вся публика кричала: “Надай! Настоящие зайцы!”» (Petr. 45).

Очень важно было привлечь внимание зрителей, которую оповещали о предстоящих играх объявлениями

(«эдикта мунерис»), писавшимися красной краской на стенах домов и общественных зданий или читавшимися глашатаями на городских площадях. Как правило, в них указывалось следующее: событие, по поводу которого проводятся игры, имя эдитора, количество пар гладиаторов и наименование их группы («фамилия гладиатория»), перечислялись прочие элементы программы (например, звериная травля, выступления атлетов, казни преступников), нередко включая бесплатное приложение в виде тента от солнца, раздачи подарков или разбрызгивания благовоний. Комфортные условия – благовония или своеобразный дождь из цветов, которые так освежали в душной атмосфере амфитеатра, конечно, были весьма привлекательным моментом. К тому же многих манила возможность получения всяческих подарков – «разных птиц по тысяче в день, снедь любого рода, тессеры (жетоны – В. Г.) на зерно, платье, золото, серебро, драгоценные камни, жемчужины, картины, рабов, скотину, даже на ручных зверей, а потом и на корабли, и на дома, и на поместья» (Suet. Ner. 11. 11). Все было делом случая – их просто бросали в народ.

Масса «афиш» с объявлениями об играх и «бонусах» для зрителей сохранилась на помпейских улицах, например, «20 пар гладиаторов Децима Лукреция Сатрия Валента, бессменного фламина Нерона Цезаря, сына Августа, и 10 пар гладиаторов Децима Лукреция, сына Валента, сразятся в Помпеях за 6,5,4,3 дня и накануне апрельских ид, а также будет охота по всем правилам и веларий. Написал Эмилий Целер, один при лунном свете». Другие надписи были менее многословными: «Гладиаторы Н. Попидия Руфа будут биться с 12-го дня до майских календ; будет звериная травля» (CIL. IV. 1186). Иногда такая реклама политиков местного масштаба делалась более долговечной. В тунисском городе Сусе сохранилась мозаика эдитора игр Магерия, жившего в III в., которая украшена надписью, до небес пре-

возносящей этого человека и игры, им устроенные. Очень подробно представлена там сцена травли леопардов, погибающих под ударами копий четырех венаторов. В центре мозаики слуга с длинными волосами держит поднос с четырьмя мешочками по тысяче сестерциев в каждом. По обе стороны от слуги длинная надпись следующего содержания: «Через глашатая заявляю о событии, господа мои, чтобы представители школы Телегении получили вознаграждение за вашу благосклонность, дайте им взамен за одного леопарда о пятьсот монет». Надо полагать, эта фраза прозвучала на арене, призывая к вознаграждению охотников за их выступление. Продолжение надписи напоминает стенограмму, передающую живую атмосферу переполненного толпой зрителей амфитеатра: «Приветственные крики: твой пример – образец для будущих устроителей гладиаторских игр. Столько, сколько ты заплатил за это зрелище, только устроители давно ушедших времен платили. С какими иными гладиаторскими играми могут сравниться эти?! Да и когда это было?! Устрой игры, как это делают квесторы, устрой: это будет твой день – Магерий плати! – [следуют возгласы]. Вот что значит – быть богатым! Быть богатым – значит быть всемогущим. Уже ночь: пусть твои венаторы из школы Телегении уйдут с твоих игр с вознаграждением».

Кроме надписей-извещений, были и своего рода программки – листки, в которых сообщались все подробности, касающиеся игр, в том числе количество выступлений и побед, одержанных каждым участником. Такие программки, продававшиеся перед представлением, Овидий рекомендовал молодому человеку приносить девушке, за которой он ухаживает (Ovid. *Ars amandi*. I. 163–176). В помпейском амфитеатре сохранились нацарапанные прямо на стене программы двух дней гладиаторских боев с перечислением имен сражавшихся гладиаторов, указанием типа вооружения и списком побед каждого бойца. Позднее были добавлены результаты

поединков с пометками, кому из побежденных сохранили жизнь, а кто был добит. Всех участников обычно заранее представляли зрителям, выводя их на форум, а вечером, накануне игр, устраивали для них угощение, при этом любой человек имел туда свободный доступ, мог вблизи рассмотреть всех героев арены и оценить их шансы на победу. Пары гладиаторов, судя по всему, подбирались посредством жеребьевки прямо на глазах зрителей, конечно, с учетом уровня подготовки бойцов, иначе поединок оказался бы слишком коротким и неинтересным.

Теперь попробуем представить себе, как протекал обычный день, связанный с классической программой гладиаторских игр, сложившейся в период правления Августа. Рано утром у входа в амфитеатр собиралась толпа, ожидавшая открытия. Люди бурно обсуждали достоинства и недостатки сегодняшних бойцов, ели, пили, заключали пари, брали напрокат подушки, чтобы высидеть целый день на каменных скамьях. Представление открывалось проходившей по арене торжественной процессией – помпой. Сначала появлялись ликторы, охрана должностного лица, которым на время игр считался их организатор. За ними шли трубачи и четыре человека, несущих на плечах носилки (феркулум) с культовыми статуями богов-покровителей города. Далее несли таблички с перечислением приговоров для преступников и состава пар гладиаторов. Наконец, перед глазами зрителей предстал в праздничной одежде сам эдитор игр и его помощники, демонстрировавшие шлемы и щиты гладиаторов, которые последними, в пурпурных, расшитых золотом туниках, обходили арену и могли показать публике свои неприкрытые лица и мускулы.

Утренняя часть программы, которая должна была разогреть публику, включала венацию и казни приговоренных к растерзанию зверями. Представление могло начинаться с демонстрации экзотических животных – жирафов, страусов, гиппопотамов и т. д. Далее, как в

современном цирке, могли показать какие-нибудь трюки, исполняемые дрессированными животными: дикие быки, стоя на задних ногах, толкающие повозки; обезьяны, разъезжающие на лошадях, собаках или маленьких колесницах, танцующие слоны и многое другое. До наших дней дошло следующее наставление дрессировщикам: «Берегись бить диких зверей, так как в них пробуждается чувство мести. Однако не ласкай хищников чересчур, а также не высказывай страха перед ними, ибо животные становятся надменными и непослушными. Чтобы быстрее приручить зверя, часто и слегка поглаживай его по шкуре рукой».

Наконец, наступало время схваток между крупными и опасными зверями, которых понуждали к этому хлопаньем бича, уколами или горящими головнями. Иногда, связывая или сковывая несчастных зверей цепью, их распяляли до такой степени, что они просто рвали друг друга на части к полному восторгу зрителей. Наибольшим успехом пользовались пары лев-тигр, медведь-бык, слон-носорог, тигр-кабан, а на некоторых мозаиках такие необычные сочетания, как медведь-питон или лев-крокодил. На одной из римских монет III в. изображено такое редкое зрелище, как схватка буйвола со слоном. Вероятно, некоторые животные, одержав неоднократные победы над своими собратьями по несчастью, приобретали широкую известность. Своего рода «звездой» арены был, например, воспетый Марциалом носорог, взявший верх над быком, медведем, буйволом, зубром и львом (Mart. Spect. 9, 22, 23):

Заполонивший собой целиком твою, Цезарь, арену,
На неожиданный бой ринулся вдруг носорог.
Голову низко нагнув, разгорелся он яростью страшной!
О, что за бык, коль ему бык только чучелом был!

Сами от страха дрожа, вожак носорога дразнили,
Но не спеша закипал зверя огромного гнев.

Стал сомневаться народ в обещанной Марсовой битве,
Как пробудилась вновь ярость привычная в нем.
Так же он рогом двойным медведя тяжелого вскинул,
Как бросает к звездам чучела встречные бык...
И отступили пред ним буйвол и страшный бизон;
Лев, побежав от него, стремглав на оружие наткнулся.
Вот и поди негодуй на промедленье, толпа!

Венаторы выступали в пешем или конном варианте, вооруженные охотничьими копьями, дротиками или луком со стрелами. Если они «охотились» на достаточно безобидных животных, например антилоп, оленей или ослов, то просто должны были продемонстрировать свое искусство в обращении с оружием, но такая охота мало будоражила воображение. Посетители амфитеатра, конечно, ждали другого – боя пеших венаторов с хищниками – львами, леопардами или тиграми. Более привычные медведи, кабаны и быки тоже принимались с энтузиазмом. Как и в гладиаторских поединках, «охотник», если он был не в состоянии продолжать выступление, мог обратиться к зрителям за помилованием, но, в случае отказа, его обязанностью было продолжить сражение. Милость могли оказать и животному после победы над человеком и сохранить ему жизнь. Одну удачливую медведицу, много раз выходившую победительницей с арены, зрители с оттенком черного юмора прозвали «Невинность». Другие прославившиеся животные носили имена Виктор («Победитель»), Круделис («Жестокий»), Омицида («Убийца»).

При серьезной опасности для себя легковооруженный венатор мог использовать различные приспособления для защиты. Чаще всего это была большая деревянная дверь, вращавшаяся вокруг своей оси. За ней можно было спрятаться и на некоторое время перевести

¹ Носов К. С. Указ. соч. С. 28.

дух. Той же цели служили деревянные бочки и плетеные ловушки. Иногда пресыщенным зрителям надоедало смотреть, как звери падают под меткими ударами копья или кинжала, и тогда от венаторов требовали акробатических трюков, чтобы придать «охоте» больше остроты и оттянуть время завершающего смертельного удара. В этом случае венатор выходил против зверя лишь с шестом в руках, и когда тот, припав к земле, готовился кинуться на человека, он с помощью шеста делал огромный прыжок, перелетал через него и убегал. Сохранилась греческая эпитафия, проникнутая трагическим напряжением этой страшной минуты:

Прочно шест утвердивши, взметнул свое тело он кверху,
Весь изогнулся вперед; схватить его – зверь наготове,
Только пронесся над ним человек, легконогий и ловкий,
Спасся от смерти охотник, и громко воскликнули люди.

Иногда венаторы вооружались более основательно: шлем, меч и щит, но и в этом случае возможности разных типов «охотников» уравнивались. Явное преимущество перед копейщиком в защите сочеталось с весьма ограниченным радиусом действия меча. Некоторые схватки с дикими зверями проводились один на один, другие приобретали массовый характер, когда против нескольких охотников выпускали сразу десятки животных, тем самым увеличивая для них риск получить травму или погибнуть. До предела уставший или серьезно раненый боец мог попросить разрешение покинуть арену и, соответственно, рассчитывать на «миссию», но, если следовал отказ, приходилось сражаться с другим зверем.

Венацио, как правило, происходило на фоне искусственных пейзажей из камней, деревьев и водоемов. При императоре Пробе (276–282 гг.) для устроенной им «великолепнейшей охоты» в Рим перевезли из Германии целый лес с мощными вековыми деревьями, которые

воины вырвали вместе с корнями. Их прикрепили «к соединенным между собой по длине и ширине бревнам, затем сверху была насыпана земля, и весь цирк, засаженный подобием леса, зеленел прелестной свежей листвой. Затем через все входы были впущены тысяча страусов, тысяча оленей, тысяча кабанов, далее – лани, горные козлы, дикие овцы и другие травоядные животные, сколько их можно было вскормить или найти. Затем были выпущены простые граждане, и каждый хватал себе то, что хотел. На следующий день он выпустил в амфитеатре сразу сто львов с гривами, которые своим рычанием создавали впечатление грома. Все они были убиты людьми, стоявшими в задних воротах. Зрелище это не представляло собой ничего интересного по причине способа, каким убивали животных. Не было того стремительного натиска этих зверей, какой обычно бывает, когда они устремляются из клеток. Кроме того, многие из них, которые не захотели выходить в амфитеатр, были убиты стрелами. Затем было выпущено сто ливийских леопардов, затем сто сирийских; было выпущено сто львиц и вместе с ними триста медведей. Все эти дикие животные представляли собой, разумеется, зрелище, скорее потрясающее, чем приятное» (Fl. Vor. Prob. XIX. 2–8).

Сотни проводившихся в империи игр требовали организации бесперебойной доставки различных зверей к местам их проведения. Во многом ее обеспечивали специальные воинские подразделения, действовавшие совместно с предоставлявшими морской и прочий транспорт императорскими службами по снабжению продовольствием. В Кельне была найдена надпись, сообщающая, что солдаты I легиона Минервы под руководством одного из центурионов за полгода поймали более пятидесяти медведей. Одному солдату XXX легиона, стоявшего в Германии и участвовавшего в отлове медведей, даже было присвоено звание легионер-медвежатник. Такие «охотники» освобождались от исполне-

ния повседневных солдатских обязанностей и учений. Мозаики из африканских провинций Римской империи дают полное представление о процессе поимки животных и применявшихся для этого приспособлениях: капканах, арканах, сетях, загонах, клетках с приманкой и ямах-ловушках.

За выступлениями венаторов обычно следовали казни преступников (ноксиев), приговоренных к растерзанию зверьми. Их также могли обставить как «охоту», выдав для защиты только копье или меч, или просто выставить потенциальную жертву совершенно беззащитной перед разъяренным хищником. Подобный момент образно запечатлел в своем стихотворении «Игры» поэт Николай Гумилев:

Консул добр: на арене кровавой
Третий день не кончаются игры,
И совсем обезумели тигры,
Дышут древнею злобой удавы
А слоны, а медведи! Такими
Опьянелыми кровью бойцами,
Туром, бьющим повсюду рогами
Любовались едва ли и в Риме.

И тогда лишь был отдан им пленный,
Весь израненный, вождь алеманнов,
Заклинатель ветров и туманов
И убийца с глазами гиены.

Как хотели мы этого часа!
Ждали битвы, мы знали – он смелый.
Бейте, звери, горячее тело,
Рвите, звери, кровавое мясо!

В период религиозных гонений именно таким образом закончили свою жизнь многие христианские мученики, например, св. Игнатий, епископ Антиохии, кото-

Надгробие гладиатора Марка Антония Эксоха.
Гравюра по рисунку XVII в.

рый слышал свой жестокий приговор в начале II в. Проникнутый идеей жертвенности, он писал перед казнью христианской общине Рима: «Да стану я пищей диких зверей и таким образом вознесусь к Богу. Я есмь пшеница Господня, и зубы зверей превратят ее в хлеб для Иисуса Христа... В какой трепет приведут меня звери, когда я увижу их... Надеюсь, они быстро покончат со мною... Пусть затрещат мои кости. Пусть все члены мои превратятся в кровавое месиво, пусть испытаю адовы муки, но зато я вознесусь к Иисусу Христу».

Даже учитывая возможное преувеличение христианскими авторами размаха гонений, отдельные эпизоды их, судя по всему, имели место. Это касается, например, мученической смерти христиан в Лугдуне (Лионе) в 177 г., в правление Марка Аврелия. О ней известно из письма, отправленного местными христианами своим собратьям по вере из Фригии и Вифинии. Текст его сохранился, поскольку впоследствии был включен в «Церковную историю» Евсевия. Письмо описывает гонения на христиан Галлии после доноса на них властям последователей культа Кибелы, когда язычники не пускали их в дома, бани, на рынок, им было запрещено показываться на людях, а чернь избивала их на улицах. По приказу трибуна и городских властей христиан вывели на площадь и допросили перед народом. Они исповедали свою веру и были заключены в тюрьму до приезда легата, который жестоко обошелся с ними. Видный римлянин и благочестивый христианин Веттий Эпагаф вступился было за несправедно осужденных и был заключен вместе с ними. Среди христиан обнаружилось различие: одни были готовы к мученичеству, другие боялись его. При этом каждый день хватали все новых христиан, забирая самых деятельных и ревностных. Среди испугавшихся пыток нашлись лжесвидетели, которые ещё больше разжигали гнев народа своими наветами. Многие христиане подверглись страшным пыткам, но их непоколебимая вера оставляла мучите-

лей бессильными, так как, истерзав тела мучеников и превратив их в «сплошную зияющую рану» они не могли вырвать у них отречения. Стойкость последователей Христа обрекла их на новые страдания: «заключение в мрачные, очень суровые тюрьмы, растягивание ног на деревянной доске до пятой дыры и прочие мучения». Многие не выносили тяжести заключения и умирали в тюрьме. Епископ Лугдунский Пофин, телесно слабый старец, которому было за девяносто лет, укрепился жаждой мученичества и сам явился к судье. Огромная толпа избивала и забрасывала его камнями, думая, что таким образом они мстят за своих богов. Пофина, едва дышавшего, бросили в тюрьму, и через два дня он испустил дух. Недавно обращенный Матур и диакон Санкт, как и другие представители лугдунской общины, прошли весь круг бичеваний, предания зверям в амфитеатре, поджаривания заживо на железном колесе и смерти. Среди арестованных и подвергнутых жестоким испытаниям была и молоденькая девушка Бландина. Вместе со всеми, по случаю проведения в честь императора гладиаторских игр, ее отдали на растерзание зверям. Но привязанную к столбу Бландину не тронул ни один, возможно, уже сытый зверь, и она снова была брошена в тюрьму. Потом ее еще несколько раз безуспешно выставляли на арене, пока не наступил последний день игр, 3 августа 177 г. Тогда будущую святую Бландину бичевали, бросали на раскаленную сковороду и, наконец, посадили в ивовую корзину, оставив на растерзание разъяренному быку. Тот убил мученицу, несколько раз подбросив рогами ее тело в воздух. Подобное наказание засвидетельствовано большим количеством дошедших до нас мозаик, рельефов и терракот. Так, на мозаике начала III в. из Сирина (Ливия), созданной по заказу эдителя игр Филосераписа для собственного дома, изображен бык, нападающий на трех приговоренных к смерти. При этом тела двоих преступников, разорванные в клочья, валяются на земле.

Безумная травля зверей и жуткие казни часто составляли напоказ самые низменные инстинкты толпы. Христианский богослов Григорий Низианзин так описывал в конце IV в. воздействие зрелищ на публику: «Если человек спасается от хищных животных, они жалуются, будто бы обмануты оказались они, а не животные, и что, значит, зря они пришли на зрелище. Но когда они видят, что зверь вцепился в человека, а тот кричит и пыль стоит столбом, сколько искорок жалости мы видим в глазах зрителей. А с какой великой радостью они аплодируют, если видят море крови».

Впрочем, порой, на арене случались чудеса, когда и хищник, и жертва покидали ее живыми. Впечатляющий рассказ об одном из них дошел до нас в сочинении Авла Геллия «Аттические ночи» (конец II в.) и даже, спустя столетия, послужил сюжетной основой для пьесы драматурга Бернарда Шоу «Андрокл и лев». Эта история началась с того, что раб Андрокл, пытаясь избежать наказания, сбежал от своего хозяина, жестокого проконсула, в африканскую пустыню. Там, в одной из пещер он наткнулся на льва с глубоко засевшей занозой в лапе, страдающего от сильных болей. Раб набрался мужества и помог зверю, а благодарный лев стал каждый день приносить ему пищу. Дружба человека и льва продолжалась, пока Андрокл, устав от одиночества, не покинул пещеру. Его схватили солдаты, за побег он был осужден и оказался в Риме, как приговоренный к растерзанию зверями. На венацио, организованном в Большом цирке, ему повезло: в качестве «партнера» ему попался тот самый лев, пойманный охотниками и тоже доставленный из Африки в столицу империи. Лев узнал своего благодетеля и, помня добро, лишил римлян кровавого зрелища. Вместо того, чтобы растерзать человека, он стал ласкаться и улегся у его ног. Более того, он стал защищать друга от нападений других животных. Удивленная публика потребовала объяснений, и император Август подозвал Андрокла к своей ложе. Тот рассказал

про прежнее знакомство со львом и, к всеобщей радости, император повелел избавить его от казни, даровал свободу и даже напоследок подарил льва. В дальнейшем Андрокл зарабатывал на жизнь тем, что водил льва по тавернам, рассказывал о своем невероятном приключении и собирал щедрые подаяния. Таким образом, лев снова сделался его кормильцем (Gell. V. 14).

После венацио, в середине дня, то есть около полудня, происходили выступления комических актеров и состязания атлетов, например кулачных бойцов из Африки и Кампании (Suet. Calig. 18. 1). Среди тех, кто выступал в это время под музыкальное сопровождение труб, цимбал и водяных органов, следует назвать и пегниариев (от греч. *paignton* – «игра»). Их облачение, судя по мозаике, обнаруженной близ Трира, было довольно своеобразным: это длинные штаны, перехваченные ниже колен обмотками, или нечто вроде комбинезона, перехваченного поясом. В левой руке у них был продолговатый посох, в другой – палка или кнут. Эти люди не сражались насмерть: они использовали в качестве оружия только палку или кнут. Поединок заканчивался для обоих противников синяками и ссадинами, но без тяжелых ран. Только благодаря такой «специализации» один пегниарий из Большой школы смог дожить до 90 лет, что для настоящих гладиаторов было просто невозможно (CIL. VI. 10168). Еще одним элементом полуденной программы были главные казни с помощью животных, которые часто обставлялись как пышное театральное действо, с утонченной жестокостью обыгрывающее какой-нибудь мифологический сюжет. Например, известный разбойник Лавреол стал главным действующим лицом инсценировки наказания Прометея, укравшего священный огонь с Олимпа. Правда, вместо того, чтобы приковать к скале, его привязали к кресту, а вместо орла напустили на несчастную жертву медведя, который терзал Лавреола так, что, как писал Марциал, «жить продолжали еще его члены, залитые

кровью, хоть и на теле нигде не было тела уже» (Mart. Spect. 7. 5–6). Еще один медведь появился в финале насыщенного декорациями представления, в котором осужденный на казнь изображал легендарного певца и музыканта Орфея, оплакивающего смерть своей возлюбленной Эвридики. Под звуки пения к нему сходились дикие и домашние животные, слетались птицы, начинали двигаться «скалы» и «деревья», но и здесь медведь, в итоге, сыграл роль палача. Другого преступника заставили сыграть роль персонажа из раннеримской истории, Муция Сцеволы (лат. «левша») и, соответственно, положить руку на пылающий очаг (Mart. X. 25. 1–2). Географ Страбон рассказывает, как был казнен у него на глазах во время гладиаторских игр в Риме предводитель вооруженной шайки, сицилийский пастух Селур, которого называли «Сыном Этны». Прямо на форуме соорудили высокий помост в форме горы Этны, на который возвели Селура. Внезапно помост рухнул и развалился, а несчастный упал прямо в поставленную под помостом клетку с дикими зверями, которая легко сломалась, так как была нарочно для этого приспособлена (Strab. VI. 2. 6). По свидетельству Тертуллиана, подобные наказания преступников происходили и позднее, когда их заставляли разыгрывать на арене муки привязанного к огненному колесу Иксиона, оскопившего себя бога Аттиса, или Геркулеса, заживо сгоревшего на костре. Сожжение вообще было достаточно распространенным способом казни и, превращая его в зрелище, осужденных облачали в роскошные одеяния, пропитанные невоспламеняющейся жидкостью, и они долго извивались в пламени, как будто исполняя какой-то странный танец.

Наконец, во второй половине дня, наступала кульминация программы в виде гладиаторских боев. Перед их началом на арену выходили рабы и заново готовили ее, посыпая оставшиеся кровавые пятна чистым песком. Гладиаторские бои начинались разминкой – пролюзио,

в ходе которой поединки по парам проходили посредством метания копий или на безопасном деревянном оружии, похожем на применявшееся в ходе тренировок. Иногда на арену спускались известные фехтовальщики из числа зрителей, чтобы показать подлинное мастерство. Император Тит на играх в своем родном городке Реате сразился в такой поединке с консулом Аллиеном. Коммод чрезвычайно любил показательные выступления, в которых побежденными, естественно, оказывались его противники. После нескольких таких поединков, только подогревавших зрительское нетерпение, сигналом трубы подавался знак к началу серьезной борьбы. После публичной проверки настоящего оружия его тут же пускали в ход. В надписях часто встречается упоминание о том, что гладиаторы бились «острым оружием»,¹ значит, мог быть и «тупой» вариант развития событий.

Первыми на арене всегда выступали конные бойцы – эквиты. Порядок дальнейших выступлений регламентировался не столь жестко. На крупных «мунера», обыгрывая исторический или мифологический сюжет, могли устроить групповую схватку между двумя отрядами гладиаторов «второго сорта», пригодных для массовой резни. В том, что происходило на арене, публика принимала самое непосредственное участие. Зрителей эта бойня захватывала, накал страстей не уступал тому, что творится на современных футбольных трибунах во время ответственного матча. Как писал один римский автор, крики толпы напоминали «завывания разъяренного моря». Многие зрители вскакивали, топтали ногами, делая угрожающие жесты. Особенно удачные выпады сопровождались бурными рукоплесканиями, просчеты – оглушительным свистом. Тех, кто стремился убить противника, сразу громко бранили,

¹ Сергеев М. С. Простые люди древней Италии. М.–Л., 1964. С. 106.

как и тех, кто пытался сберечь силы. На уклонявшихся от сражения бойцов обрушивалась буря негодования: «...народ в гневе, ибо считает для себя обидой, что человеку не хочется погибнуть» (Sen. De ira, I. 2. 4); робких гнали в бой факелами, раскаленными железными прутами или бичами. «Бей его! Жги! Почему так трусит он мечей? Почему не хочет храбро убивать? Почему не умирает с охотой?» (Sen. Epist. VII. 5). В романе Петрония, современника императора Нерона, один из гостей богача Тримальхиона с восторгом ожидает такого зрелища на играх, которые будут длиться три дня: «...наш Тит... оружие даст превосходное; убежать – это шалишь – бейся насмерть; пусть весь амфитеатр видит» (Petr. 45).

Первоклассные гладиаторы обычно сражались парно. Предварительно глашатай громко произносил их имена и перечень побед. Бой длился, пока один из гладиаторов не оказывался победителем. Обычно схватка продолжалась пятнадцать–двадцать минут, и в течение часа зрители могли видеть три–четыре сражения. В редких случаях, когда поединок затягивался, наблюдавший за ним главный судья («сумма рудис»), которому помогал ассистент («секунда рудис»), мог объявить перерыв. Обязательным атрибутом судей были палки, которые пускались в ход, когда бойцы вели себя не по правилам. А такие правила существовали. Если какая-то деталь экипировки ломалась, то объявляли «дилидиум» – временное приостановление схватки, чтобы участники поединка смогли привести себя в порядок. Кроме того, «сумма рудис» иногда выкрикивал советы, как атаковать или защищаться. Бой считался завершенным, если один из противников получил смертельную рану или не мог продолжать сражаться и сдавался. В последнем случае бросали щит или другое оружие и поднимали вверх руку с вытянутым указательным пальцем. Тогда судья становился между победителем и побежденным и прекращал схватку. Дальнейшая судьба побежденного зависела от реше-

ния эдителя, который учитывал мнение зрителей. Если он вызвал симпатию людей, его отпускали живым, если действовал вяло и неумело – добивали.

В свое время как это происходило многие представляли по известнейшей картине уже упоминавшегося художника Жана-Леона Жерома «Pollice Verso» («Повернутые пальцы», 1872 г.). В советский период она была растиражирована в переиздававшемся из года в год школьном учебнике Ф. П. Коровкина «История Древнего мира» для 5 класса. В данном случае живописец изобразил эпизод, связанный с играми, устроенными императором Титом по поводу открытия Колизея. Здесь представлен гладиатор в вооружении мирмиллона, одержавший победу над ретиарием, трезубец и сеть которого валяются на песке. Рядом и чуть дальше еще два тела, не вынесенных с арены. Гладиатор в шлеме с изображением рыбы и полуобнаженным торсом смотрит на императора в ложе и ожидает знака: добить или пощадить поверженного противника. На картине Жерома пальцы всех зрителей повернуты вниз, что значило, как полагал французский живописец, «Добей его!». Для режиссера Ридли Скотта этот момент, а также детали зрительного зала амфитеатра и вооружения гладиаторов послужили своего рода наглядным пособием при создании фильма «Гладиатор». Фактически картина Жерома вдохновила его на создание киноленты, так как она, как признался позднее сам Скотт, «рассказала мне о Римской империи во всей ее славе и слабости и тотчас завладела моим умом».

Действительно, в различных художественных фильмах и картинах на сюжеты из истории Древнего Рима мы часто видим императоров и людей из толпы, *поднимающих или опускающих большой палец во время гладиаторских боев как знак помилования или смерти* (штамп 10). Между тем, это одно из самых распространенных, благодаря искусству, заблуждений относительно гладиаторов, поскольку никаких подтвержде-

ний, ни письменных, ни изобразительных, да и единого мнения на этот счет до сих пор не существует. Если исходить из сообщений римских авторов, то, возможно жестом помилования была поднятая правая рука, сжатая в кулак с прижатым большим пальцем (Hor. I. 18. 66; Plin. Nat. Hist. XXVIII. 2), а отказ демонстрировался с помощью вытянутой руки (Juv. 3. 36). В любом случае, если смертельный приговор был вынесен, гладиатор, признавший свое поражение, был обязан встать на колени перед победителем и подставить горло, грудь или спину под оружие противника. Как и каждый точный удар во время схватки, последний фатальный удар зрители сопровождали криками «Habet!» («получил!»). Гладиатор должен был принять его достойно, и в этом многие античные авторы видели неприкрытый героизм, который породил выражение: «Умереть, как гладиатор». Цицерон со знанием дела писал в своих «Тускуланских беседах»: «Вот гладиаторы, они – преступники или варвары, но как переносят они удары! Насколько охотнее вышколенный гладиатор примет удар, чем постыдно от него ускользнет!... Был ли случай, чтобы даже посредственный гладиатор застонал или изменился в лице? Они не только стоят, они и падают с достоинством; а упав, никогда не прячут горла, если приказано принять смертельный удар! Вот что значит упражнение, учение, привычка...» (Cicer. Tusc. II. 17. 41). Наконец, был еще один, уже отмечавшийся, вариант завершения парного поединка: если оба участника поединка, мужественно сражаясь, оказывались равными по силе и мастерству, то публика рукоплесканиями могла показать, что хочет отпустить их с арены, и бой заканчивался ничьей. Такая ситуация описана в одной из эпиграмм «Книги зрелищ» Марциала (Mart. Spect. 27(29)):

Так как затягивал Приск, да и Вар затягивал битву,
И не давал никому долго успеха в ней Марс,
Требовать начал народ громогласно, чтоб их отпустили,

Цезарь, однако же, свой твердо закон соблюдал:
Ради награды борьбу продолжать до поднятия пальца;
Всюду закон у него – в частых пирах и дарах.
Все же нашелся исход, наконец, борьбе этой равной:
Вровень сражались они, вровень упали они.
Цезарь обоим послал деревянные шпаги и пальмы:
Эта награда была ловкому мужеству их.
Только под властью твоей совершилось, Цезарь, такое:
В схватке один на один тот и другой победил.

Своеобразная иллюстрированная программа гладиаторских игр была представлена на рельефах с гробницы молодого дуумвира Авла Умбриция Скавра в живописнейшем месте за Геркуланскими воротами в Помпеях.¹ К сожалению, они не сохранились и известны лишь по зарисовкам Дж. Дженовезе и других художников XIX в. Тем не менее, даже в копиях они производят сильное впечатление, поскольку проникнуты идеей борьбы, где перед ее участниками стоит только один выбор: победа или смерть. В частности, здесь имелось изображение звериной травли в разных вариантах, например антилопа, загнанная собаками, и преследуемый ими дикий кабан. Далее на памятнике Скавра присутствует бестиарий, дразнящий медведя лоскутом материи, и несколько венаторов: один вонзает в грудь упавшего медведя копьё, другой пронзил насквозь промчавшегося мимо огромного быка. Полуденный этап игр, связанный с казнями, очевидно, отражает фигура совершенно обнаженного человека, поразившего копьем волка и теперь беспомощно протягивающего руку к несущемуся на него дикому кабану. На рельефе повыше такой же обнаженный человек размещен между бегущими от него львом и тигром.

Большая часть изображений связана с поединками гладиаторов, относительно которых сообщаются их

¹ Сергеев М. С. Помпеи. М.–Л., 1949. С. 262.

имена, принадлежность к определенной школе (в данном случае все юлианцы), число побед и исход последней схватки. К сожалению, не все надписи можно разобрать, тем не менее, содержащуюся в рельефах информацию о вооружении и доспехах гладиаторов трудно переоценить. Серия соответствующих сцен открывается изображением двух всадников (эквитов) – Бебрикса (15 побед) и Нобилиора (11 побед), из которых первый нападает, а второй вяло защищается. В следующей паре, уже пеших бойцов, впереди стоит полный достоинства мирмиллон, раненный в грудь и опершийся на щит. Он поднял вверх руку с вытянутым пальцем, прося у публики помилования, и спокойно ожидает своей участи; за ним – столь же спокойный его победитель «фракиец». Третья пара выглядит гораздо оживленнее. Слева опытный гопломах (34 победы) готовится нанести смертельный удар побежденному сопернику – мирмиллону (15 побед). Тот ранен в грудь, бросил щит и поднял левую руку с просьбой о пощаде, с опаской оглядываясь назад. Далее обращает на себя внимание группа из четырех фигур, отличающихся размерами. Слева два крупно изображенных бойца, один из которых левша по имени Ипполит вонзает меч в горло побежденного гладиатора, обхватившего его колено. Справа – две небольшие фигуры ретиариев с трезубцами. Наконец, в последней паре этого ряда секутор-победитель театральным жестом скидывает щит, видимо, ожидая восхищенной реакции публики, а рядом проигравший схватку «фракиец» жестом просит, чтобы его «отпустили» с арены. На рельефе, расположенном выше, представлены еще две пары гладиаторов. Слева мирмиллон, которого судья удерживает от нападения на бросившего щит раненого «фракийца»; справа другой «фракиец» – судя по всему, нанесший удар краем щита своему падающему противнику-мирмиллону.

Тела убитых гладиаторов увозили на специальной тележке в мертвецкую (сполиарий), где на всякий случай

перерезали горло, а затем раздевали и готовили к погребению. Причем известных гладиаторов хоронили согласно римским традициям с соблюдением необходимых религиозных обрядов и ставили на их могилах надгробные памятники, порой, снабженные пространными эпитафиями. Существовали самые различные поверья, связанные со смертью гладиаторов. Их кровь давали пить больным эпилепсией, поскольку римляне верили в ее целебные качества (Plin. Nat. Hist. XXVIII. 2), а богатые невесты во время свадебной церемонии расчесывали смоченными такой кровью железными наконечниками свои волосы, так как считалось, что это содействует счастливой семейной жизни.

Удаление мертвых тел с арены было обставлено как некое театрализованное представление, поскольку служители сполиария обряжались в костюмы Меркурия, проводника душ умерших, и Харона, перевозчика их через реку Стикс в подземном царстве. Вероятнее всего, что связанные с этими служителями такие жестокие детали их работы, как вытаскивание мертвых крюками, проверка их раскаленным железом и добивание, в случае необходимости, ударом молота, относятся только к осужденным преступникам. В то же время раненым профессиональным гладиаторам, отпущенным с арены живыми, была гарантирована всесторонняя медицинская помощь.

Наградой победителя обычно была пальмовая ветвь, получение которой отмечали даже на надгробных стенах гладиаторов. Например, на памятнике «фракийца» Антония Эксоха изображено несколько таких ветвей (CIL. VI. 10194). Часто там излагалась вся «боевая биография», например, «сражался 34 раза; одержал 21 победу, 9 раз “был отпущен стоящим на ногах”, 4 раза помилован». Другими наградами могли быть лавровый венок, ожерелье (торквес) или почетное копье (гаста). Полагалась также и приличная денежная сумма, считавшаяся личной собственностью гладиатора, даже в

том случае, если он был рабом. Другое дело, что величина ее зависела от статуса участника игр: получит ли он деньги в размере не более $\frac{1}{5}$ (раб) или $\frac{1}{4}$ своей рыночной стоимости (волонтер). Иногда деньги подносили на дорогих подносах, которые тоже шли в дар победителю (Mart. Spect. 29. 5, 6). Особой щедрости можно было ждать только от императора. Так, однажды Нерон одарил мирмиллона Спикула домами и землями (Suet. Ner. 30. 2). Самой дорогой, в полном смысле этого слова, и редкой наградой являлся деревянный меч (рудис), дававшийся за неоднократные победы по требованию публики за великолепное зрелище и доставленное удовольствие. Такой меч означал свободу от обязанностей выступать на арене и в данном случае эдитор, пойдя на встречу пожеланиям толпы, должен был возместить ланисте полную стоимость гладиатора. Получивший свободу таким образом «рудиарий» посвящал свое прежнее оружие в храм Геркулеса (Hor. I. 1.2) и, чаще всего, оставался при гладиаторской школе как учитель фехтования или устраивался на такую же должность в какой-нибудь богатый дом. Бывало, эти профессионалы вновь нанимались для игр, но уже за большую плату и именовались тогда ауктораты (Suet. Tib. 7).

Раздача призов завершалась кругом почета, который каждый победитель совершал по арене, приветственно размахивая пальмовой ветвью. Результат каждого боя тщательно фиксировался в послужном списке гладиатора. Такие результаты, обозначенные сокращенно, можно встретить на многих рельефах, мозаиках и процарапанных на стенах помпейских домов рисунках: V (от vicit – «победил»), M (missus – «отпущен»), P (perit – «погиб»), иногда ST.M (stans missus) или M.P (missus, perit), что означало в первом случае ничью, а во втором – помилованного, но затем умершего от ран гладиатора.¹

¹ Берд М., Хопкинс К. Указ. соч. С. 69.

Шли века, и амфитеатры, где когда-то кипели страсти и лилась кровь людей и животных, страдали от землетрясений, приходили в запустение и зарастали травой, их бывшее назначение забывалось. Нередко они превращались в феодальные замки или производственные мастерские. Наиболее известна непростая судьба Колизея, который благочестивые христиане долгое время старались обходить стороной, поскольку многие верили, что здесь поселились злые духи и справляют свои шабаши ведьмы. Наиболее ярко подобные представления отразил в своей автобиографии знаменитый итальянский скульптор и ювелир Бенвенуто Челлини (1500–1571 гг.), несколько раз посетивший Колизей в ночное время в компании некоего некроманта. Из очерченного на земле круга ему мерещились, скажем, «четыре непомерных великана, каковые вооружены и показывают вид, что хотят войти...», а мальчик, которого он взял с собой, увидел, как весь Колизей горит и огонь идет на них. Свой рассказ он заключил следующими словами: «и каждому из нас всю эту ночь снились дьяволы».

В 1087 г. здание Колизея сильно пострадало во время набега норманнов, а через сто лет было перестроено местными баронами в несокрушимую крепость Франджипани. Уже с XIV в. отсюда стали брать даровой строительный материал на возведение известнейших архитектурных памятников Рима: палаццо Венеция, палаццо Канчеллерия, собора св. Петра, церкви Сан-Агостино и даже порта Рипетта на Тибре. Чтобы представить масштабы разрушения, достаточно привести такой факт: при просвещенном папе Николае V только за девять месяцев 1452 г. из Колизея было вывезено 2552 повозки с травертином. В XVII в. здесь брали камень для постройки своего дворца Барберини, родственники папы Урбана VIII, про которых говорили: «То, что не сделали варвары, сделали Барберини». Многочисленные дыры, которые в наши дни можно видеть в стенах Колизея, остались от выданных железных

скоб, которыми скреплялись каменные блоки. Иногда они выбирались так небрежно, что рушились верхние части всего здания. Периодически появлялись проекты, связанные с его практическим использованием. В свое время папа Сикст V хотел устроить в нем шерстяную мануфактуру, а потом одна предприимчивая артель – наладить производство селитры, но развалины, кишевшие нищими и бездомными, для этого не слишком подошли. Первые шаги по обеспечению сохранности здания были предприняты только после землетрясения 1703 г., когда папа Климент XI приказал закрыть арки амфитеатра деревянным забором. Правда, судя по «Письмам к близким, написанным из Италии» (1739–1740 гг.) Шарля де Бросса, ситуация от этого существенно не улучшилась: «Галереи внешней стены Колизея все еще служат прибежищем мелким торговцам, они сидят на табуретках, воткнутых в отверстия, из которых... вытащены бронзовые стержни, скреплявшие каменные блоки. От этой внешней стены из четырех огромных ярусов с аркадами и колоннами осталась только половина окружности, а нижний ярус частично ушел в землю. Стена держится за счет своей собственной тяжести, от грандиозных карнизов вот-вот отвалятся большие камни, ее нужно привести в порядок. Нижние внутренние галереи сохранились по всей окружности, но совсем обветшали и находятся в пре-скверном состоянии. Арена довольно большая площадка, а на ней с трудом можно различить, как выглядели в древности скамьи, вмещавшие, по сообщениям историков, девяносто тысяч зрителей. Я охотно этому верю, потому что амфитеатр в Вероне, представляющий едва лишь треть этого, вмещает около тридцати тысяч. При виде Веронского амфитеатра, который жители так хорошо починили, римляне должны стыдиться, что забыли в таком беспорядке свой, который гораздо просторнее и известнее и притом сохранил половину своей самой прекрасной части...» Вскоре папа Бенедикт XIV

приостановил разрушение древнего здания, объявив его святым местом, где пролили свою кровь многие христианские мученики. В память об этом на подиуме возле арены водружен большой черный крест. Каждый год, в Страстную пятницу, сам папа совершает тут богослужение, вспоминая вместе с верующими страдания Христа.

Первые планомерные исследования Колизея начал в 1790 г. римский архитектор Карло Луканджели, который хотел создать деревянную модель амфитеатра в $\frac{1}{60}$ его величины, а для этого необходимо было его тщательное изучение. Раскопки были продолжены французскими учеными, а позднее деньги на эти работы стали отпускать из папской казны. Непосредственное впечатление о них сохранил на страницах «Прогулок по Риму» Анри Стендаль: «Сколько счастливых часов я провел в Колизее, укрывшись в каком-нибудь уголке этих огромных развалин! С верхних этажей видишь, как внизу работают папские каторжане. Звон их цепей сливается с пением птиц, мирных обитателей Колизея... Мирное щебетание птиц, слабо звучащее в огромном здании, и глубокая тишина, время от времени его сменяющая, помогают воображению уноситься в далекие времена...» Такие же настроения владели Байроном, когда он воздал должное Колизею в своей драматической поэме «Манфред»:

Я был среди развалин Колизея,
Среди осколков царственного Рима...
Кровавый цирк стоит еще доньше,
Еще хранит в руинах величавых
Былую мощь...

Другое, ироничное отношение к Колизею отразил в своей книге «Простак за границей» американский писатель Марк Твен, в 60-е гг. XIX в. много путешествовавший по Европе. Конечно, он не удержался от

шуток по поводу этого «монарха европейских руин», приписав себе честь открытия в местном мусоре древней афиши:

**РИМСКИЙ КОЛИЗЕЙ
НЕСРАВНЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
С УЧАСТИЕМ ЗНАМЕНИТОГО МАРКА МАРЦЕЛ-
ЛА ВАЛЕРИАНА...**

Вечернее представление откроется
ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ БИТВОЙ НА МЕЧАХ
между двумя молодыми, многообещающими любите-
лями и прославленным парфянским гладиатором...
в заключение представления состоится высоконрав-
ственная и элегантная
ВСЕОБЩАЯ РЕЗНЯ

и затасканного номера «Римской ежедневной боевой
секиры»:

«Старший из юных джентльменов владел мечом с
изяществом, говорившим о незаурядном таланте. Его
ложный выпад, за которым последовал молниеносный
удар, сбивший с парфянца шлем, был встречен дружны-
ми аплодисментами. Его удары слева оставляли желать
лучшего, но многочисленным друзьям юного дебютанта
будет приятно узнать, что со временем он, несомненно,
преодолеет бы этот недостаток. Впрочем, он был убит...
Исполнение всеобщей резни отличалось большой вер-
ностью деталей, что служит доказательством высокого
мастерства ее покойных участников».

Только в 1871 г. Колизей был полностью очищен от
мусора и более четырехсот видов произраставших здесь
растений. Во всех деталях этот памятник архитектуры
стал изучаться лишь в 30-е гг. прошлого столетия, ког-
да при Муссолини на его раскопки выделялись большие
средства.

Стоит упомянуть также о судьбе менее известного ам-
фитеатра в Ниме, который справедливо считают одним

из наиболее хорошо сохранившихся сооружений подоб-
ного рода не только во Франции, но и в мире. Его вне-
шние размеры 132×101 м, а арены – 69×39 м. До сих пор
он находится в прекрасном состоянии, несмотря на
сложные моменты в его истории. На рубеже античности
и средневековья вестготы окружили этот амфитеатр
рвом, усилили двумя башнями, снесенными только в на-
чале XIX в., и, фактически, превратили его в крепость.
В VIII в. мощное укрепление заняли арабы, которых с
боем выбивал потом знаменитый франкский правитель
Карл Мартелл. Гораздо труднее оказалось убрать отсюда
лачуги многочисленных нищих, со временем прочно
обосновавшихся в древних руинах. Это приказал сде-
лать король Франциск I, настолько пришедший в вос-
торг от грандиозного античного сооружения, что, не
стесняясь своих подданных, ползал на четвереньках
по камням, стараясь разобрать сохранившиеся латин-
ские надписи. В наши дни, как и прежде, нимский ам-
фитеатр вмещает около 15000 зрителей и сохранил
практически полностью свои стены, внутренние гале-
реи и даже частично мраморное покрытие сидений и
рядов. Его арена часто используется как концертная
площадка, для чего зимой возводится крыша и дере-
вянные сидения для зрителей, а летом нимская арена
принимает бой быков – редкое зрелище для юга страны,
которое напоминает античное венацио тем, что в отли-
чие от испанской корриды, быков здесь не убивают.

Уже упоминавшийся амфитеатр в Эль-Джеме тоже пе-
режил «крепостной» период. В конце VII в. это место ста-
ло центром борьбы против завоевывавших Северную
Африку арабов, которую возглавила берберская прави-
тельница Каена. Здесь она и погибла, осажденная врага-
ми в 703 г. Свое значение как крепость амфитеатр сохра-
нял и в дальнейшем. В 1695 г. здесь укрылось местное
население, восставшее против турецких властей. В ито-
ге, здание подверглось интенсивному обстрелу. Исто-
рия повторилась сто пятьдесят лет спустя, когда во вре-

мя новых волнений амфитеатр еще раз пострадал от выстрелов пушек. Не способствовало его сохранности и использование античных каменных блоков для своих построек окрестными жителями, которые почему-то свято верили, что эти камни защищают от скорпионов.

Сейчас «младший брат Колизея» превратился в музей под открытым небом и одновременно в огромный концертный зал, посещаемый массой туристов. В течение последних двадцати лет здесь ежегодно проводятся фестивали симфонической музыки. При этом многие считают, что и визуально, и с точки зрения акустики внутреннее пространство амфитеатра производит совершенно неизгладимое впечатление на слушателей, наслаждающихся музыкой на фоне величественного сооружения древности.

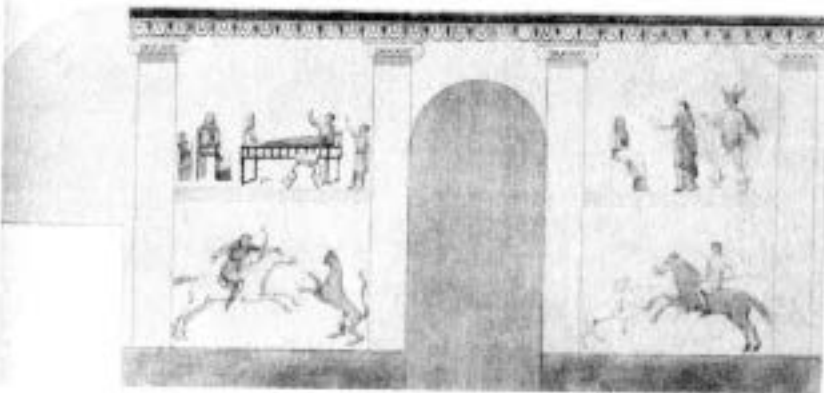
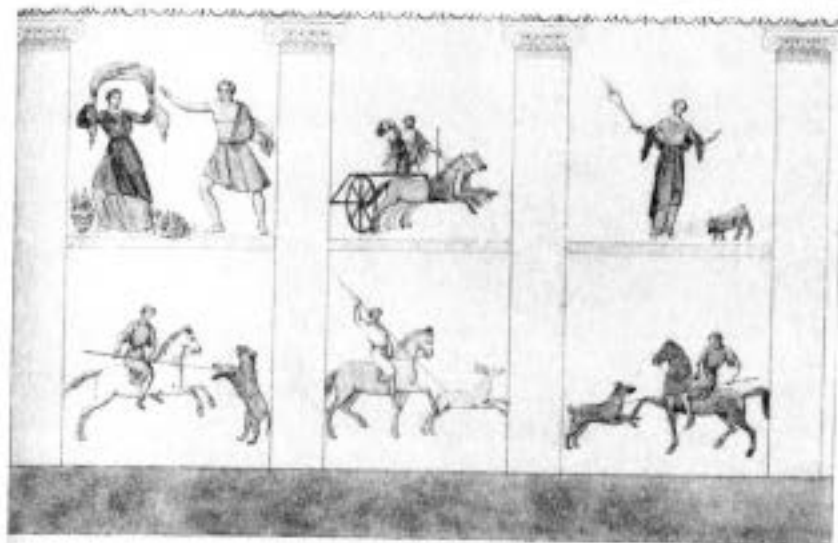

6. Гладиаторские игры на северо-восточной окраине античного мира

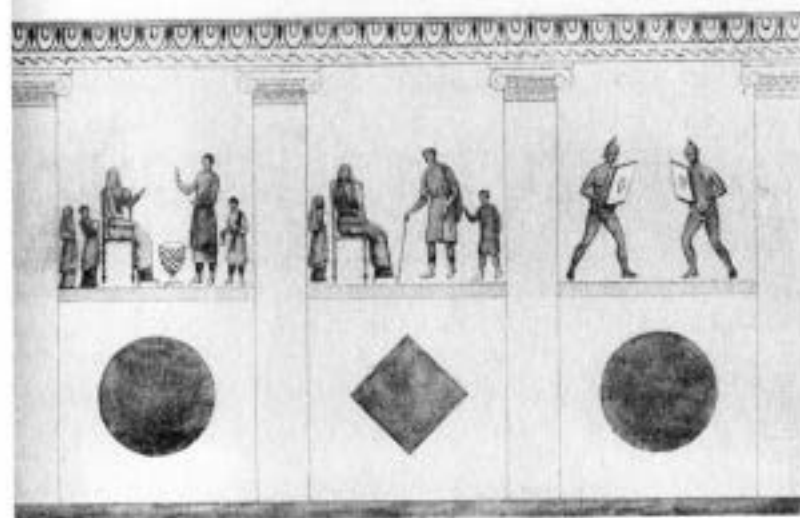
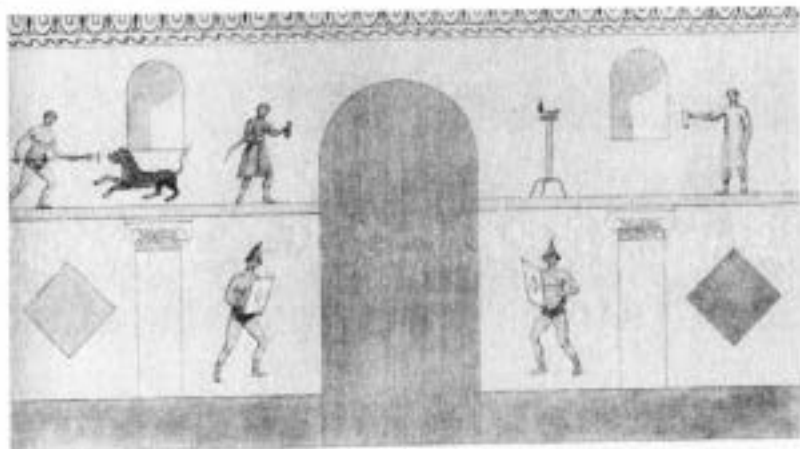
Обычно все, что относится к гладиаторам, представляется для нас достаточно далеким, связанным с территорией Италии или, по крайней мере, с землями, освоенными римлянами в процессе завоеваний, и, соответственно, *в тех районах черноморского побережья, где привыкли отдыхать летом российские граждане, никаких кровавых представлений в древности не было* (штамп 11). Между тем, во времена Римской империи гладиаторские игры появлялись везде, куда распространялась ее власть или хотя бы влияние. Проводились они и на берегах Северного Причерноморья, куда не раз ступала нога римского солдата. По крайней мере, мы точно знаем, что с развлечениями, популярными у римлян, довелось познакомиться жителям таких городов, как Пантикапей (на месте современной Керчи) и Херсонес – далекий предшественник Севастополя. Первый из них был столицей Боспорского царства, насчитывавшего к тому времени уже почти пятивековую историю, но после смерти таких противников Рима, как правившие здесь цари Митридат VI Евпатор

(111–63 гг. до н. э.) и его сын Фарнак (63–47 гг. до н. э.), ему пришлось постепенно склониться перед римским могуществом. Особенно явно дал его почувствовать Марк Випсаний Агриппа, знаменитый полководец, зять императора Августа, при котором части римской армии впервые высадились на берегах Боспора Киммерийского, как в древности называли Керченский пролив, и навязали местному населению своего ставленника – Полемона (14–8 гг. до н. э.). Укрепление контактов Боспора с Римом при царе Аспурге (10–38 гг.), который был послушным исполнителем воли императоров Августа и Тиберия, привело к появлению в титулатуре боспорских правителей такого элемента, как *φιλόκεισαρ* («друг цезаря»). По-видимому, это сопровождалось дарованием Аспургу и его потомкам звания и привилегий римского гражданина. С этого времени боспорские цари принимают имя Тиберий Юлий, которое становится династическим для местных правителей вплоть до конца V в. Римско-боспорские отношения строились теперь на основе договора о дружбе (*amicitia*), который при вступлении на престол нового царя подразумевал подтверждение его полномочий непосредственно в Риме. Последней попыткой избавиться от этой зависимости стала Боспорская война 45–49 гг., которую непокорный царь Митридат VIII (39–45 гг.), наследник великого имени, вел против Рима и своего младшего брата Котиса, выступившего в роли претендента на трон. Видимо, долгое пребывание на Боспоре воинского контингента под командованием Юлия Аквилы и подчеркнутое романофильство нового царя способствовали введению, по крайней мере, в столице, новых видов зрелищ. Сцены, связанные с ними, изображены на стенах большого пантикапейского склепа, раскопанного в 1841 г. директором керченского Музея древностей Антоном Ашиком. Эта двухкамерная гробница, стены которой были покрыты пышной и торжественной фресковой росписью, по-видимому, была местом царского захоронения, вполне

Фрески с изображениями конных венаторов на стенах первого помещения склепа Ашика. Iв.

Фрески с изображениями пешего венатора и двух пар грегариев на стенах второго помещения склепа Ашика. Гв.

возможно упомянутого Котиса I (45–68 гг.). Сюжеты для фресок были выбраны соответствующие: пышная погребальная процессия, сцена загробной трапезы, победоносное конное сражение и, видимо, данные в память о нем представления с участием венаторов и гладиаторов.¹ Вряд ли частные лица на Боспоре могли устраивать подобные зрелища по причине их дороговизны, скорее это входило в компетенцию царской администрации. Это тем более вероятно, что на востоке империи организация гладиаторских боев была тесно связана с отправлением императорского культа, а в Боспорском царстве первым «пожизненным первосвященником августов» стал именно Котис I.

Какой же рисуется картина проведения гладиаторских игр на Боспоре по данным склепа Ашика? Как и в Риме, представление здесь, очевидно, после торжественного прохождения всех его участников перед зрителями, начиналось выступлением венаторов. В данном случае в росписях стены первой камеры склепа мы видим, главным образом, конных «охотников», одежда которых мало чем отличается от той, что носили обыкновенные боспорцы: длинный, до колен, хитон с короткими рукавами, перетянутый поясом, обтягивающие штаны и небольшие кожаные сапожки на ногах. Всего представлено пять сцен схваток с дикими животными, тогда как поединков между людьми всего три. Предпочтение, отданное «охоте», видимо, объясняется ее большим соответствием условиям жизни людей того времени, связанным со степными районами Восточного Крыма и Прикубанья, где слишком часто приходилось демонстрировать свои навыки владения луком и копьем. Изображения травли диких животных помещены в нижний ярус росписи, отличающийся под-

¹ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913. С. 346–375. Табл. LVXXXIX–XCI.

черкнутым реалистическим характером. На боковой стене мы видим вооруженных копьями всадников, каждый из которых противостоит какому-нибудь зверю. Два крайних, сражающихся с медведем и кабаном, держат копья двумя руками и обращены к центру композиции, где находится фигура юноши, занесшего копье вверх правой рукой и поражающего оленя.

Еще две сцены «охоты» представлены в нижнем ярусе задней стены первой камеры, по обе стороны от арочного прохода, к которому обращены фигуры конных венаторов. Всадник слева изображен готовящимся сразиться стрелой из мощного лука так называемого «гуннского» типа поднявшегося на задние лапы хищника, судя по пятнам на шкуре, леопарда. Всадник справа, держа двумя руками копье, наносит смертельный удар в горло какому-то копытному животному.¹ Как бы продолжая эту сюжетную серию, на входной стене второй камеры склепа представлена схватка вооруженного трезубцем пешего венатора с нападающим на него леопардом или пантерой. Почти аналогичная сцена присутствует на ажурных рельефах двух деревянных саркофагов, обнаруженных в районе Пантикапея, где обнаженный венатор выступает в одном случае с копьем, в другом – с трезубцем против льва.²

В нижнем ярусе той же стены склепа 1841 г., по обе стороны от входа, изображена пара противостоящих друг другу гладиаторов, одинаково одетых и вооруженных. Из одежды на них только повязка-сублигакум синего цвета, на ногах, как правило, сандалии с ремешками, обвивающими голени. Голова в обоих случаях защищена высоким коническим шлемом синего цвета,

¹ М. И. Ростовцев почему-то полагал, что слева изображен «ставший на дыбы грифон», хотя у него отсутствуют крылья, а справа – «хищник, может быть пантера» (там же, с. 354), что, при наличии копыт у этого животного, совершенно невозможно.

² Брабич В., Плетнева Г. Зрелища древнего мира. Л., 1971. С. 35.

при этом тот, что справа, дополнен небольшим навершием. В данном случае эта деталь, быть может, является своего рода этнической эмблемой, поскольку такое же навершие можно видеть на шлемах противников боспорцев в сцене конного боя. Реальные прототипы таких шлемов имели характерную для этой области античного мира каркасную основу, на которой крепились вертикальные металлические полосы. У гладиатора, изображенного слева от входа, в правой руке короткий меч, в другой – небольшой, слегка выгнутый щит прямоугольной формы с ромбическим умбоном в центре и полосой розового цвета по краю. У его соперника справа все наоборот, что можно объяснить только стремлением древнего живописца добиться абсолютной симметрии в изображении двух человеческих фигур относительно входа. Такая же тенденция наблюдается и в росписях других боспорских склепов.

К какому же типу гладиаторов можно отнести двух изображенных бойцов? Прежде, чем перейти к этому вопросу, отметим худшую сохранность росписей второй камеры склепа в сравнении с первой и, порой, невниманье художника Стефанского, копировавшего эти фрески, к деталям, связанным с отдельными персонажами. Имеющийся в данном случае комплект легкого гладиаторского вооружения – шлем, щит, короткий меч без дополнительных средств защиты – не соответствует ни одному из типов гладиаторской экипировки. Понятно, что без маники, обычно защищавшей правую руку, широкого пояса и обмоток на ногах поединок становился слишком скоротечным. Но, может быть, так и было задумано? Скорее всего, мы видим здесь тот тип бойцов на арене, который ни разу не удостоился чести быть запечатленным в памятниках искусства Римской империи. Это грегарики, набравшиеся из числа обреченных на смерть военнопленных и преступников, жизнь которых не стоила ничего. Такая ситуация вполне понятна, так как на Боспоре отсутствовала местная гладиатор-

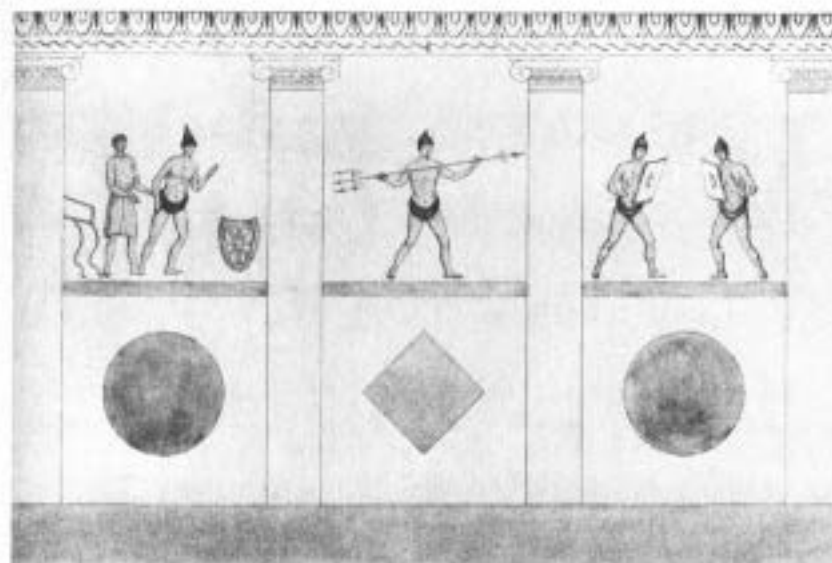

ская школа, а приглашать ветеранов амфитеатров изда-
дека было слишком дорогим удовольствием. Рассмотр-
енная сцена поединка практически полностью повто-
ряется в правом углу верхнего яруса продольных стен
второй камеры. Меняется только форма шлема, кото-
рый имеет гребень и назатыльник.

В центре правой боковой стены склепа, вероятно, для
того, чтобы разнообразить сцены поединков, представ-
лен боспорский грегариий с трезубцем, отличающийся
от устоявшегося к этому времени римского типа рети-
ария наличием шлема с гребнем и отсутствием маники,
галера и фасций. Левее размещена сцена с двумя персо-
нажами, одного из которых, в коническом шлеме и суб-
лигакуме (отдельно, в углу изображен щит с ажурным
орнаментом на внешней поверхности), вероятно, гото-
вят к выходу на арену.

Вряд ли в Пантикапее существовал специальный
амфитеатр для проведения гладиаторских боев. Оче-
видно, как и во многих провинциальных греческих го-
родах на территории империи, представления устраи-
вались в местном, слегка переоборудованном театре,
совмещавшем, таким образом, сразу несколько функ-
ций. К сожалению, несмотря на имеющиеся письмен-
ные и археологические свидетельства его существова-
ния, пантикапейский театр так до сих пор и не найден.

Херсонесу, ставшему одним из форпостов Римской
империи в Тавриде (как называли тогда Крым) повезло
больше: остатки античного театра, в первые века н. э. ис-
пользовавшегося не только для сценических представле-
ний, были обнаружены под фундаментами средневеко-
вых построек в 1954 г. Это подковообразное ступенчатое
сооружение в IV–III вв. до н. э. было вырублено в скале,
на склоне глубокой балки, которая к тому времени ока-
залась в пределах городской территории. Лучшего места
не надо было и искать. Здесь устроили восемь разделен-
ных лестницами секторов зрительских мест – театрон –
с двенадцатью рядами каменных сидений, но только не-

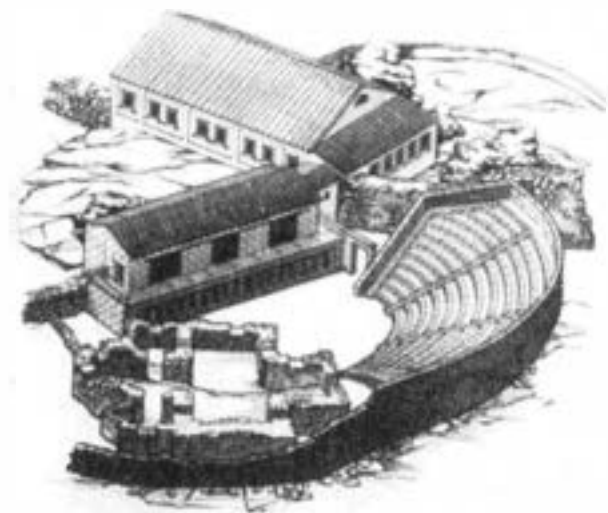

*Фреска с изображениями подготовки гладиатора к бою,
«ретиария» и поединка двух грегариев на стенах второго
помещения склепа Ашика. I в.*

*Вид античного театра,
открытого в Херсонесе*

Проект реконструкции херсонесского театра

*Обломок мраморного
рельефа из Херсонеса
с изображением поединка
двух гладиаторов. II в.*

сколько ступеней одной из лестниц центрального сектора театрона сохранились до настоящего времени.

На уровне основания первого ряда театрона находилась оркестра – полукруглая площадка диаметром 23 м, где размещался хор. К оркестре примыкал возвышавшийся над ней на 1,5–2 м каменный помост – проскений, где выступали актеры и устанавливались декорации. Там же отводилось место и для переодевания актеров (скене). Зрители и актеры попадали в театр через специальные входы – пароды; из них в Херсонесе сохранился частично только один – восточный.

Первоначально херсонесский театр вмещал примерно 1800–2000 человек, но когда город прочно попал в орбиту римской политики, а затем, во второй половине II в. н. э., здесь разместились подразделения войск из состава легионов провинции Нижняя Мезия, он подвергся значительной перестройке. Она была вызвана стремлением римских солдат и командиров получить в Херсонесе привычный набор развлечений, а также изменившимися вкусами части состоятельных горожан, многие из которых получили статус римского гражданина и хотели продемонстрировать свою лояльность по отношению к представителям новой власти. Организация в театре гладиаторских боев потребовала увеличения пространства для выступлений, количества мест и соответствующей защиты зрителей. Теперь на каменных сиденьях театрона могли разместиться около трех с половиной тысяч человек. Пароды подверглись перестройке, и скене была отодвинута вглубь. Таким образом, площадка оркестры, периодически превращавшаяся в арену, расширилась, а вместо первого зрительского ряда был сооружен высокий барьер, по-видимому, с металлической решеткой. Теперь обновленное архитектурное сооружение могло быть пригодно не только для театрально-музыкальных представлений, но и стать местом проведения гладиаторских игр. Аналогичные перестройки во II в. происходят и в театрах многих греческих городов на

территории империи, например в малоазийском Афродисии или в театре Диониса в Афинах.¹ В восточной части империи, как и в Херсонесе, местные власти предпочитали приспособливать для игр уже существующие постройки, а не возводить новые. Всего примеров таких «театров-амфитеатров» насчитывается около девяти с аренами самой различной формы – от полукруглой до эллиптической.

Небольшие размеры херсонесской арены позволяли вступать в бой одновременно лишь ограниченному числу сражающихся пар. В ходе раскопок на этом участке были найдены, с одной стороны, фрагменты надписей в честь организаторов и победителей музыкально-литературных состязаний, с другой – алтари, посвященные Немезиде – богине справедливости, покровительнице гладиаторов и атлетов. Надпись II в. на одном из таких алтарей гласила: «С добрым счастьем. Богине Немесиде (посвятил) Басилид, сын Калуса».²

В этой связи заслуживает упоминания происходящий из Херсонеса обломок мраморного рельефа с полностью сохранившимся изображением поединка двух гладиаторов, выполненным в невысоком рельефе.³ Сам рельеф относится к кругу произведений римской провинциальной скульптуры Подунавья и Малой Азии,⁴ для которых характерна суммарная трактовка и непропорциональность фигур, а также определенная скованность передаваемых движений. Тем не менее, участники поединка изображены здесь достаточно детально, что в полной мере позволяет определить тип каждого гладиатора.

¹ Grant M. *Gladiators*. New York, 1995. P. 88; Рум: эхо имперской славы. М., 1997. С. 102.

² Новые эпиграфические памятники Херсонеса. № 126.

³ Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. С. 159.

⁴ Ср.: Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.–Л., 1956. С. 435. Рис. 49; Златковская Т. Д. Мезия в I–II вв. нашей эры. М., 1951. С. 88. Рис. 11.

Слева представлен нападающий боец с обнаженным торсом, опрокинувший наземь своего противника резким движением полуцилиндрического щита с круглым умбонном. Прямым коротким мечом он уже готов нанести последний, завершающий схватку удар. Лицо победителя закрыто округлым глухим шлемом с широким козырьком и гребнем, основание которого едва прослеживается. На его правой руке маника, набедренная повязка-септигакул перетянута широким поясом. Судя по вооружению и деталям экипировки, это секутор. Поверженный гладиатор с пышной шапкой волос, спускающихся на плечи, не имеет ни шлема, ни щита. На нем такие же повязка и пояс-балтей, как и у первого. В левой руке, защищенной маникой, зажат кинжал, а правая поднята вверх с раскрытой ладонью и отодвинутым большим пальцем. Это жест, обращенный к публике, – безмолвная мольба о помиловании. По всем признакам здесь изображен традиционный противник секутора – ретиарий.

Судя по ряду деталей, описанный барельеф является частью надгробного памятника с невысоким узким фризом высотой 0,28 м, на котором были изображены несколько пар гладиаторов. Под ним шла надпись, датируемая по шрифту и стилистическим особенностям второй половиной II в., но от нее сохранилось только одно, довольно распространенное в Херсонесе имя – Ксанф. Был ли гладиатором этот человек, удостоившийся погребения под роскошным мраморным надгробием? Вряд ли, гораздо больше оснований полагать, что он принадлежал к представителям городской верхушки и выступал в роли мунерария-устроителя игр или был должностным лицом, после смерти удостоившимся проведения гладиаторских игр, запечатленных затем на украсивших его могилу рельефах.¹ В этом отношении можно

¹ Щеглов А. Н. К вопросу о гладиаторских боях в Херсонесе Таврическом // *Eirene*. Vol. V. Praha, 1966. С. 99–105.

усмотреть некоторую параллель с помпейским надгробным памятником Умбриция Скавра.

О популярности происходивших в Херсонесе кровавых боев свидетельствуют найденные здесь привозные глиняные светильники первых веков н. э. с изображениями сражающихся пар гладиаторов, например мирмиллона и фракийца. Впрочем, иногда на них представлена одинокая фигура гладиатора-победителя с пальмовой ветвью или Эрот в виде венатора. Известна и подобная продукция местного производства – светлоглиняные светильники III–IV вв. с надписями на доньшках, нанесенными до обжига по сырой глине, например имя в родительном падеже ΔΙΟΝΣΟΥ (Диониса). В последнем случае на щитке светильника имелось изображение ретиария с кинжалом и трезубцем и противостоящего ему секутора. Такие сцены встречаются чаще всего. Вероятно, схватки между этими типами гладиаторов были наиболее популярны у херсонесской публики. На одном из светильников над головой секутора сохранилось начало его имени ΣΚΥΛΑ (Скилак?). Рядом было обозначено имя другого гладиатора, от которого сохранились лишь обрывки невосстановимых букв. Вероятно, таким образом местный мастер увековечил самых известных на тот момент гладиаторов или пытался запечатлеть один из наиболее ярких поединков.

В целом, практика проведения гладиаторских боев в Северном Причерноморье, как и во многих греческих центрах на территории Римской империи, не получила широкого распространения. Кровавые зрелища остались чуждыми основной массе представителей греческой цивилизации и существовали только в тех городах, где были стоянки подразделений римской армии или храмы, связанные с культом римских императоров.

7. Гладиаторы на службе у римских политиков

На излете существования Римской республики и в императорский период гладиаторы нередко превращались в существенный фактор внутренней политики не только как средство воздействия на массы через зрелищные представления, но и просто как вооруженная сила, которую в сложной ситуации можно было использовать на городских улицах в качестве охраны или для устранения соперников в борьбе за власть. Во времена гражданских войн, начиная с 60-х гг. I в. до н. э., многие богатые и знатные люди стали формировать гладиаторские отряды, чтобы иметь в своем распоряжении надежную вооруженную силу, как это сделал, например, Публий Корнелий Сулла, родственник покойного диктатора Луция Корнелия Суллы (Cic. pro Sull. 19. 54). Появились патриции, ставшие владельцами собственных гладиаторских школ, питомцы которых, если это было нужно их хозяевам, незаметно перерезали горло какому-нибудь политическому оппоненту прямо на городской улице. При случае эти люди могли пригодиться, чтобы проложить дорогу через разъяренную толпу или разоружить нападающего. В 63 г. до н. э. такие «гладиаторы» чуть было не решили судьбу Рима, когда безнравственный моло-

дой аристократ по имени Луций Сергий Катилина решил действовать против своего политического соперника, знаменитого оратора Марка Туллия Цицерона, с помощью военной силы.¹ Когда столкновения и потасовки на улицах Вечного города стали привычным явлением, Катилина планировал разместить своих людей у здания сената, чтобы убить Цицерона и его сторонников. Однако просочившиеся сведения о готовящемся мятеже заставили последних обеспечить себя охраной. После этого сенат принял специальное решение о размещении отрядов гладиаторов из Рима в Капуе и других городах (Sallust. De Catil. 30. 7). В итоге, Катилина со своими людьми был вынужден бежать и погиб.

Ликвидация заговора Катилины не снизила накал политической борьбы в Риме. Народный трибун 58 г. до н. э. Клодий, красивый и развращенный до мозга костей аристократ и, в то же время, совершенно беспринципный авантюрист, пошел на создание преданных ему вооруженных отрядов, опираясь на которые он мог проводить нужные решения и угрожать своим противникам. В составе этих отрядов были самые различные элементы из числа той категории населения, которую Цицерон называл «подонками» римского общества: ремесленники, люди без определенных занятий, вольноотпущенники и, наконец, рабы, среди которых сражались иногда и гладиаторы (Cic. pro Sest. 39, 85). За деньги они были готовы на все, и в определенных случаях, не задумываясь, пускали в ход мечи, кинжалы и камни. Цицерон, личный враг Клодия, и в частных письмах, и в речах особенно нападает на него за то, что, привлекая к себе рабов, Клодий обещал им свободу и возбуждал их и против своих господ, и против государства, которому, по его словам, угрожала опасность оказаться в руках преступных кинжальщиков. В речи за

¹ Хефлинг Г. Римляне, рабы, гладиаторы. М., 1992. С. 49.

Милона, появившейся уже после смерти Клодия, Цицерон таким образом рисует ту опасность, которая ожидала бы Рим в случае его избрания претором: он составил бы войско из рабов, при помощи которого завладел бы и государством, и частным имуществом (Cic. pro Mil. 28, 76). Клодий открыто враждовал с Гнеем Помпеем, и никто не удивился, когда был пойман его вооруженный мечом раб, пробиравшийся через Форум, чтобы убить великого римского полководца. После этого случая Помпей заперся у себя в доме, который был осажден клодианским отрядом во главе с вольноотпущенником Клодия Дамионом (Cic. De har. resp. 24. 49; pro Sest. 32. 69; pro Mil. 8. 18 и 16. 37). Народный трибун 57 г. Тит Анний Милон, стоявший на стороне сената, последовал примеру Клодия и организовал отряды, по своему составу, видимо, мало отличавшиеся от тех, что были под началом у Клодия. В их числе было немало и гладиаторов (Cass. Dio. XXXIX. 9; Cic. pro Sest. 41. 88).

На этом использование гладиаторов во внутренней политике не закончилось. В 56 г. до н. э. Марк Скавр выдвинул против своих соперников в борьбе за избрание на должность консула обвинение в том, что они содержат вооруженный отряд из трехсот человек. Собственно, выборы пришлось уже на 55 г. Под давлением таких влиятельных политиков, как Помпей и Красс, все претенденты сняли свои кандидатуры, кроме Домиция Агенобарба, которого поддерживал Катон, вернувшийся к тому времени с Кипра. Тогда Помпей счел возможным прибегнуть к насилию. Он послал против Домиция вооруженных людей и не пустил его на Форум. Раб, шедший впереди Домиция с факелом, был убит, а защищавший его Катон – ранен. На народное собрание – комиции, которое избирало консулов, Помпей и Красс снова привели вооруженных людей и только таким путем им удалось добиться консулата. Спустя два года политическая обстановка снова раскалилась до предела. Между отрядами Клодия и Милона на улицах Рима стали происхо-

дить настоящие сражения. 18 января 52 г. до н. э. на Аппиевой дороге произошла случайная встреча Милона с Клодием. И тот, и другой были окружены рабами, между которыми началась перебранка, перешедшая потом в рукопашную схватку, во время которой Клодий был ранен. Рабы отнесли его в находящуюся поблизости таверну, где его нашли и убили люди Милона, а труп затем просто бросили на дороге. Когда Милон вернулся в город, сторонники Клодия с вооруженной толпой явились на Форум, и начались массовые убийства. «Убивали, говорит Аппиан, – тех, кто находился случайно, граждан и иностранцев, особенно тех, кто выделялся одеждой или золотыми перстнями... Как бывает, – продолжает Аппиан, – во время государственных беспорядков, с ожесточением и под предлогом происходящего смятения рабы, которые были многочисленны и вооружены, нападали на безоружных с целью грабежа. Ничем они не пренебрегали, но бросались в дома и на словах разыскивали друзей Милона, на деле же – что легко было взять. В течение многих дней Милон был предлогом для поджогов, избиений камнями и других дел» (App. Bell. Civ. II. 22). Надо полагать, что самое непосредственное участие в этих событиях принимали и гладиаторы.

Мы знаем, что у Юлия Цезаря еще до начала очередного витка гражданских войн была своя гладиаторская школа в Капуе (App. Bell. Civ. I. 14. 4), а всего за несколько часов до перехода через Рубикон он рассматривал план другой школы, которую собирался построить в Равенне (Suet. Caes. 31. 1). Тогда же Помпей, опасаясь совместного выступления гладиаторов Цезаря в Риме, распределил их между римскими семьями в качестве телохранителей. Сами гладиаторы в этот смутный период, видимо, были не прочь выступить на стороне той политической группировки, которая предложила бы им более крупную цену за услуги. В марте 44 г. до н. э. участники хорошо разработанного заговора против Цезаря рассматривали их как вполне реальную силу для

*Марк Брут.
Портретное изображение
на медной монете*

*Марк Антоний.
Портретное изображение
на серебряной монете*

*Домициан.
Мраморный бюст I в.*

*Отон.
Мраморный бюст II в.*

*Вителлий.
Мраморный бюст II в.*

*Голова конной статуи
Марка Аврелия. II в.*

своей защиты в случае провала. Николай Дамасский сообщает, что по настоянию Децима Брута множество гладиаторов были спрятаны в портике между курией Помпея и театром его же имени. Самое присутствие их там не должно было вызвать подозрения, так как в это время в городе происходили игры, а Децим Брут тоже собирался давать игры и, делая вид, что соперничает с тогдашним организатором состязаний, говорил, что хочет похитить одного из выступающих в театре гладиаторов, которого он уже раньше нанял для себя за плату (Nic. Dam. Vita Aug. XXVI. 98). У Аппиана говорится, что гладиаторы уже с утра были вооружены якобы для участия в играх, а затем, когда стало известно об убийстве Цезаря, прибежали к ограде сената. О том, что в курии Помпея что-то произошло, узнали прежде всего в театре. Возбужденный народ выбежал из здания. Всех охватил страх, отовсюду слышались испуганные голоса: одни кричали, что сенаторы перебиты гладиаторами, другие – что убит Цезарь и солдаты намереваются грабить город. Только когда заговорщики, окруженные рабами и гладиаторами, вышли к людям с криками, что они убили царя и тирана направились через Форум к Капитолию, населению Рима стало известно о происшедшем. Заговор удался, и убийцам Цезаря не пришлось искать защиты у гладиаторов, но сенаторы, в большинстве своем испуганные тем, что произошло в курии Помпея, разбежались. Открывать сенатское заседание было невозможно, и заговорщики решили захватить и укрепить Капитолий (App. Bell. Civ. II. 118, 120), а сопровождала их «многочисленная толпа гладиаторов и рабов, приготовленная для этого случая». В тот же день Марк Брут и Кассий, сопровождаемые другими сенаторами и вооруженными гладиаторами, появились на площади, где была произнесена речь, в которой оправдывалось убийство Цезаря и говорилось о восстановлении свободы (App. Bell. Civ. II. 122. 137). «Стало также известно, что убийцы, сообщники Брута и

Кассия, захватив Капитолий, охраняют его и призывают к союзу с ними рабов, обещая им свободу. В первые два дня, когда друзья Цезаря были еще очень напуганы, к сторонникам Брута и Кассия присоединилось много народа, но потом, когда из соседних городов пришли многие колонисты, которым Цезарь роздал там наделы, расселив по городам, и обещали начальнику конницы Лепиду и товарищу Цезаря по консульству Антонию отомстить за убийство Цезаря, многие из лагеря заговорщиков рассеялись. Тогда они, оставшись без людей, стали набирать гладиаторов и других, у кого была непримиримая вражда к Цезарю и которые принимали участие в заговоре» (Nic. Dam. Vita Aug. XVII. 49). Все эти люди спустились с Капитолия только получив обещание безопасности от Антония, который успел собрать к этому времени большую военную силу. Позднее гладиаторы, наверняка, присутствовали в составе личной гвардии Марка Антония, состоявшей из шести тысяч человек.¹

Та же традиция была в полной мере унаследована императорским Римом. Калигула, о котором Светоний писал: «гладиатор и возница... он сражался боевым оружием, выступал возницей в повсюду выстроенных цирках...», – гладиаторов-«фракийцев» поставил во главе своих германских телохранителей (Suet. Cal. 55. 2). Нерон для усиления личной охраны во время своих хулиганских вылазок на ночные улицы Рима «окружил себя воинами и большим числом гладиаторов, которые оставались в стороне от завязавшейся драки, пока она не отличалась особой ожесточенностью, но, если подвергавшиеся нападению начинали одолевать, брались за оружие (Тас. XIII. 25). После смерти Нерона, Флавии, по-видимому, запретили держать кому бы то ни было гладиаторов в Риме, но на самих императоров и остальную Италию этот запрет не распространялся,

¹ Носов К. С. Гладиаторы. СПб., 2005. С. 168.

и их иногда использовали для совершения убийств. Вот что рассказывает Светоний о смерти Домициана: Стефан, управляющий его племянницы Домициллы, тайно пронес во дворец кинжал, подал императору записку об якобы раскрытом заговоре, и, пока тот читал, «нанес ему удар в пах. Раненый пытался сопротивляться, но... декурион спальников Сатур и кто-то из гладиаторов набросились на него и добились семью ударами» (Suet. Dom. 17. 1, 2).

Последний эпизод с использованием гладиаторов как военной силы на улицах Рима связан с историей церкви. В 366 г. здесь развернулась жестокая борьба между двумя претендентами на престол св. Петра – Дамасом и Урсиним, бывшим секретарем покойного папы Либерия. Им было за что биться. Один автор того времени делился с читателями такими размышлениями: «Когда я вижу блеск Рима, то понимаю людей, стремящихся получить сан епископа в этом городе. Ибо он дает им почет, богатейшие дары, благосклонность женщин, великолепную одежду и стол, превосходящий по своей изысканности стол царей» (Amm. Marc. XXVII. 3. 14). Тогда по итогам голосования победителем оказался Дамас. Однако Урсин первым провозгласил себя папой и забаррикадировался со своими вооруженными сторонниками в базилике Сицинина (позднее перестроена в церковь Санта-Мария Маджоре). Дамас не растерялся, направился в местную гладиаторскую школу рядом с Колизеем и нанял достаточное количество бойцов, чтобы они помогли ему. Те справились с делом на славу: убили находившихся в базилике 137 человек, в том числе всех женщин, детей и стариков. Урсин бежал, а верующие добросовестно усвоили урок и покорились.¹

Если говорить о включении гладиаторов в состав римской армии, то впервые такая ситуация возникла

¹ Мэттьюз Р. Гладиаторы. М., 2006. С. 162.

на завершающем этапе гражданских войн, когда страх перед возможным выступлением вооруженных рабов был забыт ради сиюминутных интересов римских политиков. Впервые «множество гладиаторов» появляется в 43 г. до н. э. среди наскоро набранных солдат сторонника сената Децима Брута, противостоявшего одному из преемников Цезаря, Марку Антонию, в богатом городе Мутине в Северной Италии (App. Bell. Civ. III. 49). Три года спустя именно гладиаторы, по-видимому, составили наиболее надежную часть войска Луция, брата Марка Антония, осажденного на севере Италии в г. Перузии войсками еще одного претендента на власть – Октавиана (App. Bell. Civ. V. 30).

В дальнейшем гладиаторов продолжали использовать в качестве резерва военной силы во внутренних и внешних конфликтах. В качестве исключительной меры их зачисляли на службу для усиления армий противоборствующих сторон после смерти Нерона в период гражданской войны за императорский трон. В итоге, только у признанного сенатом императора Отона в период его борьбы с получившим поддержку легионов в Германии Вителлием таких воинов набралось до двух тысяч, что соответствовало примерно $\frac{1}{8}$ от общего числа гладиаторов на территории империи.¹ Как писал Тацит, это была «постыдная разновидность вспомогательного войска, которой, однако, в пору гражданских войн не брезговали и более взыскательные полководцы» (Tac. Hist. II. 11). Столь резкий отзыв обусловлен тем, что лишь в отдельных случаях гладиаторы добивались успеха, например под командованием Марция Макра, консула 69 г. в войске Отона: «Человек храбрый и решительный, он на лодках перевез через Пад отряды гладиаторов и внезапно появился с ними на том берегу реки. Вспомогательные отряды вителлианцев были смяты, те, кто оказал сопро-

¹ Берд М., Хопкинс К. Колизей. М.–СПб., 2007. С. 88.

тивление, вырезаны, остальные бежали по направлению к Кремоне» (Tac. Hist. II. 23). Дальнейшие действия отоновских гладиаторов были менее удачны. Отборные бойцы из числа тех, кто сражался под началом Марция Макра, попытались на быстроходных судах отбить остров посреди р. Пад, занятый германскими воинами Вителлия, но «по своему боевому опыту не смогли сравниться с солдатами, да и стрелять с качающихся кораблей им было гораздо труднее, чем германцам, стоявшим на твердой земле. Они перебежали от одного борта к другому, суда от этого раскачивались все сильнее, пока, наконец, бойцы, назначенные первыми выскочить на берег, не смешались в одну беспорядочную толпу с гребцами. Тут-то германцы по мелководью бросились к кораблям, хватились за корму, вскакивали на борт, тащили суда за собой и топили их» (Tac. Hist. II. 35). В конечном итоге, сражение закончилось тем, что гладиаторы Отона были разбиты и «немалое число их положили на месте» (Plut. Oton. 10). Позднее, когда гладиаторы, «которые считались и искушенными, и отважными в рукопашных схватках», еще раз предприняли попытку переправиться через реку, отряд батавов, служивших Вителлию, атаковал непосредственно их корабли (Tac. Hist. II. 43). Лишь немногие из гладиаторов выдержали их удар, остальные бежали к реке, натолкнулись на выстроенные там вражеские когорты и все до последнего погибли в бою» (Plut. Oton. 12). После смерти Отона остатки его гладиаторов перебежали к еще одному претенденту на власть – Веспасиану, которого поддерживали легионы, размещенные в Сирии и Иудее, но и ему от них было мало толку: при штурме войсками Вителлия Таррацины, одного из городов в Средней Италии к югу от Рима, всего «несколько гладиаторов оказали отпор врагу и дорого продали свою жизнь, остальные устремились к кораблям, где их ждала та же гибель» (Tac. Hist. III. 77). Продолжение борьбы сторонников Веспасиана против утвердившегося в Риме императора Вителлия привело к

обострению ситуации в государстве. Военных сил катастрофически не хватало и опять пришлось прибегнуть к помощи гладиаторов. Чтобы переломить ход событий в лучшую для себя сторону, Вителлий «не жалел уже никаких, ни своих, ни государственных средств. Объявляя в Риме воинский набор, он обещал добровольцам после победы не только отставку, но даже награды, какие лишь ветераны получали за полный выслуженный срок. Враг наступал по суше и по морю, он отправил против него с моря (то есть в Кампанию, где мизенский флот и прибрежные города перешли на сторону Веспасиана – В. Г.) своего брата с флотом, новобранцами и отрядом гладиаторов, а с суши – полководцев и войска, победившие при Бедриаке (его предшественника противника, Отона – В. Г.). Но повсюду он был или разбит, или предан» (Suet. Vit. 15. 1, 2). Таким образом, на нескольких примерах можно видеть, что обученные единоборству гладиаторы, как правило, плохо взаимодействовали в строю и, во всяком случае, не принесли особого успеха своим военачальникам.

Позднее Марк Аврелий пополнил свои изрядно поредевшие войска в период затяжной войны 167–174 гг. на дунайской границе с германскими племенами квадов и маркоманнов специальным подразделением из гладиаторов, присвоив ему многообещающее название «Услужливые» (Iul. Capit. M. Anton. XXI. 7). Правда, это не прибавило ему популярности в народе: люди говорили, что, «отняв развлечение, он хочет заставить народ заниматься философией» (Iul. Capit. M. Anton. XXIII. 5). В последний раз римская армия была усилена гладиаторами из знаменитых капуанских школ во время гражданской войны 193 г. по личному почину любившего поупражняться с гладиаторским оружием императора Дидия Юлиана, ожидавшего подхода к Риму войск своего политического противника Септимия Севера (Ael. Spart. Did. Iul. VIII. 3; IX. 1).

8. Восстания гладиаторов

Среди известных нам примеров участия гладиаторов в войнах на первом месте не только по хронологии, но и по своему масштабу, безусловно, стоит грандиозное движение рабов под предводительством Спартака (73–71 гг. до н. э.), которое считается одним из самых значительных событий периода кризиса Римской республики в I в. до н. э. Сто пятьдесят лет спустя, начиная свое повествование об этом событии, римский историк Луций Анней Флор писал: «Можно даже перенести позор войны с рабами. Ведь обделенные судьбою вовсе, они все же могут считаться людьми, хотя и второго сорта, но усыновленными благами нашей свободы. Но я не знаю, каким именем назвать войну, которая велась под предводительством Спартака, потому что рабы были воинами, гладиаторы – начальниками. Одни – люди низкого положения, другие – самого подлого, они приумножили своими издевательствами наши бедствия» (Flor. III. 20. 1, 2).

Это величайшее в античном мире рабское восстание имело под собой самую благоприятную почву. Многочисленные войны наводнили Италию поработоченными представителями различных этнических групп: галлы, германцы, фракийцы, жители Малой Азии, Сирии и

Африки. Основная масса рабов была занята в сельском хозяйстве и находилась в крайне тяжелых условиях, из-за чего жизнь их была крайне непродолжительной. Однако это не особенно тревожило рабовладельцев, поскольку победоносные походы римской армии поставляли на невольничьи рынки все новые и новые массы разноплеменных рабов.

К сожалению, до нас не дошел специальный исторический труд Цецилия Калактинского о рабских войнах, где, в том числе, подробно описывалось восстание Спартак (Athen. VI. 104). Имеющиеся же источники по его истории крайне скудны, а порой, и противоречивы, поэтому о ходе событий мы можем судить лишь в самых общих чертах. Как известно, начало восстанию было положено группой рабов-гладиаторов из частной школы Лентула Батиата в Капуе. Среди двухсот обитателей здешних казарм нашлись люди, которые не желали стать предметом развлечения для римской публики и были готовы рискнуть жизнью ради свободы. Никто из них не был запятнан какими-либо преступлениями и попали они в эту школу «исключительно из-за жестокости хозяина, насильно заставившего их учиться ремеслу гладиатора» (Plut. Crass. 8). Судя по краткому замечанию Флора, Спартак выступал на арене в качестве мирмиллона (Flor. III. 20. 12). При этом, судя по тому, что с ним была жена, он находился в несравненно лучшем положении, чем все остальные, ведь избранным профессионалам в таком случае полагалась отдельная комната или комнаты. Тем не менее, он принял участие в заговоре, который был раскрыт, но несколько десятков человек (античные авторы называют разные цифры – от 30 до 78), вооружившись кухонными ножами и вполне способными заменить копья длинными железными вертелами, напали на стражу и вырвались на свободу. В числе их предводителей, наряду с фракийцем Спартаком, были еще два человека – Крикс и Эномай, как считается, галльского или германского происхождения.

Кто такой был Спартак и как он попал в Италию? К сожалению, его жизнь до того, как он стал гладиатором, во многом окутана тайной. Одно мы знаем вполне определенно: его родиной была Фракия – страна, находившаяся на севере Балканского полуострова, к югу от реки Дунай. Фракийские племена всегда отличались своей храбростью и отвагой, неудержимым стремлением к независимости. Они были разбиты и подчинены Риму только благодаря численному превосходству и высокой военной организации римлян, да и то далеко не сразу. Среди тех, кто воевал за утраченную свободу, по-видимому, был и Спартак из фракийского племени медов, упоминаемому Страбоном в числе «народностей, чрезвычайно склонных к разбойничеству» (Strab. VII. 5. 12). Если попытаться нанести территорию обитания медов близ р. Стримон на современную политическую карту, то она сопоставима с современной юго-западной Болгарией, где, собственно, и установлен единственный в мире памятник Спартаку. Он представлен в виде безбородого человека атлетического сложения на пороге зрелости, который устремляет гордый взор в даль. Левая рука его опирается на щит, а правая готова взяться за меч, чтобы сражаться за освобождение всех угнетенных.

Историк Аппиан в своих «Гражданских войнах» писал, что Спартак «раньше воевал с римлянами, попал в плен и был продан в гладиаторы» (App. Bell. Civ. I. 116). По словам Флора, он из пленника стал дезертиром (Flor. III. 20. 8), то есть какое-то время провел в римской армии, видимо во вспомогательных войсках, которые набирались из жителей провинций, а потом уже попал в гладиаторы. Впрочем, одно не исключает другого. Для нас важен тот факт, что еще до пребывания в гладиаторской школе в Капуе он уже обладал определенными военными навыками, которые помогли ему стать выдающимся организатором и полководцем. Авторы памятника Спартаку, изобразив его в возрасте

около тридцати лет, наверно, были не так уж далеки от истины. Во-первых, гладиаторы обычно погибали молодыми. Сорок пять лет, до которых дожил мирмиллон Ульпий Феликс, – это самый высокий известный возраст для действующих гладиаторов, упомянутый в дошедших до нас надписях. Во-вторых, римляне начали покорение той области Фракии, которую занимали меды, после 79 г. до н. э., и соответственно, будущий герой восстания рабов, скорее всего, попал в плен именно в это время. В гладиаторы отдавали, как правило, молодых людей 17–24 лет, поэтому на момент своей гибели Спартак вряд ли был старше тридцатитрехлетнего возраста. Из общей массы рабов он выделялся «выдающейся отвагой и физической силой», а по уму и мягкости характера вообще больше походил на эллина и человека более высокого положения, чем то, в котором он оказался (Plut. Crass. 8). Как знать, может быть в этом и есть какая-то доля истины, поскольку имя, которое носил вождь рабов, принадлежит к числу тех, что бытовали в среде фракийской знати. Вполне возможно, что Спартак действительно получил в молодости неплохое образование и был знаком со многими литературными и философскими трудами, в частности с учением стоиков о природном равенстве людей и рабстве как явлении, не связанном с природой человека. Суеверные люди рассказывали о своем предводителе, что он отмечен богами: как-то ночью его лицо обвила змея, а это означало обретение в будущем великой и грозной власти.

Но вернемся к выступлению гладиаторов из школы Лентула Батиата, которое стало сигналом для великого восстания рабов. Волей случая беглецы наткнулись на повозки с гладиаторской экипировкой, которую должны были доставить в другой город. Мгновенно расхватав мечи (Vell. Pat. II. 5), они, видимо, легко справились с охраной городских ворот и бежали из Капуи, по пути отбирая кинжалы и дубины у случайных путников. Римские власти сначала не придали большого зна-

чения этому инциденту. Конечно, из Капуи послали несколько отрядов в погоню за беглецами, но они не только отбили нападение, но и захватили большое количество воинского снаряжения. Свое же гладиаторское вооружение они бросили как позорное и недостойное (Plut. Crass. 9). Преодолев расстояние, примерно равное одному дневному переходу (около 35 км), восставшие укрылись на вулкане Везувий, считавшемся давно потухшим. Флор утверждал, что скоро здесь собралось более десяти тысяч рабов (Flor. III. 20. 3), видимо, бежавших с многочисленных вилл Кампании. Никто из писавших о восстании Спартака, как правило, не задавался вопросом, а что собственно представляла из себя эта гора в те далекие времена и где там можно было успешно обороняться? Обычно *в качестве укрытия фигурирует вершина Везувия* (штамп 12), хотя, судя по описанию географа Страбона (64 г. до н. э. – 24 г. н. э.), современного вулканического конуса высотой 1279 м тогда еще не существовало. Вершина Везувия «в значительной части плоская, совершенно бесплодная, на вид пепельного цвета... в горах скал черного как сажа цвета на поверхности» (Strab. IV. 8) была тогда гораздо ниже. Она выглядела как один обширный кратер, часть стенки которого сохранилась до наших дней в виде полукольцеобразного вала Монте-Соммы. Но где на полого поднимающихся склонах горы диаметром в основании 16 км можно было найти место для стоянки, да еще защищенное самой природой? Этим условиям соответствует только примыкающая с юга и юго-востока к скалам древнего кратера плоская терраса Ле-Пиане. Место казалось идеальным для обороны и устройства укрепленного лагеря, ведь туда вела только одна узкая и чрезвычайно крутая тропинка, которую было удобно охранять, но оно же превратилось в ловушку, когда доступ наверх преградил посланный против мятежных рабов военный отряд численностью в три тысячи человек под командованием претора Гая Клавдия

Пульхра.¹ К этому времени, приняв участие в ряде военных кампаний под началом известного полководца Луция Корнелия Суллы, он успел приобрести репутацию опытного и способного офицера. По иронии судьбы, Гай Клавдий оказался братом Аппия Клавдия Пульхра, того самого человека, который в 78 г. до н. э. в ранге проконсула Македонии вел военные действия в Южной Фракии и, возможно, стал виновником превращения Спартака из свободного человека в раба (Flor. III. 4. 6).

Римский военачальник, казалось, правильно рассчитал, что голод и жажда, в конце концов, вынудят восставших сдаться. Однако, как вскоре выяснилось, он глубоко заблуждался. Люди Спартака сплели прочные лестницы «из лесных прутьев» и «лозы дикого винограда» и благополучно спустились все, кроме одного человека, оставшегося наверху с оружием. Только когда осажденные оказались внизу, он передал им оружие, а затем присоединился и сам. Где же произошел этот альпинистский маневр, и с какой высоты пришлось спускаться лестницы? У некоторых авторов это описывается как некий фантастический трюк, для исполнения которого были пущены в дело лестницы длиной около 300 м.² Позволим себе в этом усомниться, вряд ли неподготовленные люди могли спокойно преодолеть спуск с высоты, сравнимой с современным восьмидесятиэтажным небоскребом. Здесь следует обратить внимание на сообщение Флора о том, что осажденные «опустились через жерло полый горы и сошли к самой ее подошве» (Flor. III. 20. 4). Очевидно, они воспользовались тем, что не столь высокий отвесный склон внутренней стороны кратера, естественно, не охранялся. Среди

¹ У некоторых античных авторов этот военачальник именуется Гай Клодий Глабр.

² См., например: Лесков В. Спартак. М. 1983. С. 112.

Памятник Спартаку в Болгарии

Везувий во времена Спартака

Современный вид части кольца древнего кратера Везувия

воинов Спартака должны были быть рабы, хорошо знавшие эту местность, и они могли показать незаметный выход из кратера к подножию горы. Обойдя римлян с тыла, мятежники неожиданно, очевидно на рассвете, напали на их лагерь и навели «такой страх, что несколько когорт потерпели поражение от семидесяти четырех гладиаторов» (Front. Strat. V. 21). Конечно, судя по всему, римляне были разбиты наголову и в страшной панике бежали, и все же утверждение Юлия Фронтина в его «Стратегемах» относительно численности нападавших, безусловно, является преувеличением и отражает только роль гладиаторов как командиров в повстанческом войске. Кстати, указание на «виноградную лозу» говорит о том, что место, где сначала разместились восставшие, действительно находилось на уровне, соответствующем террасе Ле-Пиане, то есть не выше 800 м, так как это верхняя граница произрастания винограда в этих местах.

После первой победы восставшие, по-видимому, оставили прежние позиции и разместились на территории бывшего римского лагеря у подножия вулкана. Вскоре сюда с новой силой стали стекаться беглые сельские и городские рабы из ближайшей округи, пастухи – «народ все крепкий и проворный» – и даже кое-кто из «свободных с полей», видимо, привлеченных тем, что Спартак, делая набеги на ближайшие окрестности, «делился добычей поровну со всеми» (App. Bell. Civ. I. 116). К этим людям, вступавшим в войско мятежных рабов, полностью применимы слова Вегеция о новобранцах римской армии, происходивших из сельской местности: «Они вырастали в труде под открытым небом, стойко выносили зной, не искали тени, не были знакомы с банями. Они были простодушны и довольствовались малым. Их руки были приспособлены к работе с любым инструментом. Еще в деревне они привыкли работать с железом, копать траншеи и переносить тяжести» (Veg. I. 3). Под началом Спартака одни из них «стали тяжело-

вооруженными воинами, из других гладиаторы составили отряды лазутчиков и легковооруженных» (Plut. Crass. 9). Легковооруженные воины со щитами и копьями могли использоваться в начале боя или послужить подкреплением для кавалерии.

Скорее всего, командиры всех рангов первоначально избирались из числа наиболее опытных и надежных гладиаторов, а затем стали назначаться самим Спартак. Управление военными силами восставших, судя по всему, строилось на демократической основе и состояло из совета военачальников и собрания воинов. Действовал твердый распорядок лагерной и походной жизни. Вождь рабов проявил прекрасные организаторские способности, стремясь путем постоянных тренировок в кратчайшие сроки создать из примкнувших к нему людей хорошо организованную армию по образцу римской, лучшей для того времени.

На каких же принципах, которым следовал и Спартак, строилась римская армия? Основным подразделением ее был легион, состоявший из десяти когорт, имевших самостоятельное тактическое значение. Каждая когорта делилась на три манипулы, а манипула, в свою очередь, на две центурии. Общая численность включенных в состав легиона пехотинцев была не менее 4800 человек. Им придавался также отряд кавалерии из 120 всадников, именовавшийся ала и подразделявшийся на четыре турмы.

Основой военно-административной структуры легиона были центурии во главе с центурионами. В подчинении у каждого из них находились сигнифер (знаменосец), буцинатор (трубач) и тессерарий (ответственный за караульную службу). Центурии, действовавшие попарно в рамках манипулы, назывались, соответственно, «приор» (передняя) и «постериор» (задняя). Старшим по званию считался центурион передней когорты, а самым старшим офицером легиона – так называемый «примипилус», командир первой центурии первой ма-

нипулы. Легионом обычно командовал легат, которому помогали шесть трибунов, игравших роль временных командиров на поле боя. Особое положение занимал префект лагеря, бывший «примус пилус», который отвечал за организацию лагерной жизни, снабжение и медицинское обслуживание. В его ведении находилась также подготовка солдат и метательных машин, приданных легиону. В случае необходимости он мог взять на себя и командование легионом в целом.

Помимо пехоты в армии рабов, как и в римской, имелась кавалерия, вероятно достаточно многочисленная за счет использования бывших пастухов, посыльные и небольшой обоз, который не обременял войско в походной жизни. Период временной передышки Спартак должен был использовать для усиленной подготовки своих воинов к военному противостоянию с Римом. Он прекрасно знал, что все успехи римлян объяснялись их военной подготовкой, лагерной дисциплиной и военной практикой. И здесь в качестве основы должна была использоваться римская система обучения. Интенсивный курс ее, согласно Вегецию, выглядел следующим образом: молодые солдаты «должны постоянно делать военные упражнения на поле – “кампикурсионы” (бега на поле), как они сами их называют, [у них постоянно проверяют, в порядке ли оружие]; они не должны иметь никаких отпусков, обязаны непрерывно наблюдать за приказами и сигналами, стрелять из лука, бросать копья, кидать камни из пращи или рукою, делать движения при полном вооружении, при помощи коротких палок вместо мечей учиться колоть и рубить; в этих занятиях их должно задерживать большую часть дня до пота. В той же степени их нужно заставлять учиться бегать и прыгать, чтобы преодолевать рвы. Если есть по соседству с их стоянкой море или река, то в летнее время нужно заставлять всех плавать, кроме того, рубить леса, прокладывать пути по зарослям и отвесным скалам, обтесывать деревья, рыть рвы, уметь занимать то

или другое место и, выставив щиты, не дать товарищам столкнуть их с позиции» (Veget. III. 4).

Изнурительные ежедневные тренировки начинались с отработки военного шага, «поскольку ничто не должно было соблюдаться на марше или в сражении так тщательно, как сохранение строя всеми солдатами» (Veget. I. 9). В итоге, добивались того, что новобранцы с грузом около 20 кг за пять часов проходили обычным шагом 29 км, а ускоренным – 35 км. Далее надо было учиться различать команды, подаваемые с помощью горнов и других музыкальных инструментов, отрабатывать тактические построения, например «черепаху», в которой группа воинов была полностью закрыта со всех сторон щитами. Могли пригодиться также навыки преодоления препятствий при наступлении и отступлении или перестроения в ходе боя. Помимо владения мечом, молодых солдат старались научить обращению с любыми видами оружия, в том числе стрельбе из лука и использованию пращи.

Повстанцы учились быстро возводить окруженный рвом и валом укрепленный лагерь, без чего римляне никогда не вступали в битву. Такого рода работы проводились быстро и организованно. На выбранном участке местности разравнивали поверхность земли и каждое подразделение занимало при строительстве заранее отведенное ему место. При этом часть солдат выдвигалась в охранение на случай неожиданного нападения противника. Обычно прямоугольный по форме лагерь имел две связанные с воротами и пересекающиеся под прямым углом улицы. В центре лагеря находилась ставка полководца, а перед ней – военный плац. Солдаты размещались в выстроенных рядами кожаных палатках по когортам и центуриям.

Проем ворот делали с таким расчетом, чтобы через него могли пройти вьючные животные. На пространстве перед рвом размещали массивные деревянные ежи – «трибулы». Стена ограды лагеря была расчленена баш-

нями с оборудованными позициями для метательных машин. Регулярно выставлялись посты и караулы, остальные занимались доставкой продовольствия и воды, уходом за животными, починкой снаряжения и многими другими воинскими обязанностями. Распределялись они каждое утро на построении в строго установленное время. Временный лагерь разбирался ранним утром так же быстро и упорядоченно, как и возводился накануне. По первому сигналу горна складывались палатки, по второму – навьючивались животные, разбирался сам лагерь, по третьему – солдаты строились для выступления в поход.

Можно предполагать и использование восставшими принятых у римлян воинских знаков, удобных для управления войсками в бою. В первой центурии первой когорты находился «аквилифер» – старший знаменосец, носивший штандарт с орлом, который считался воплощением «гения» легиона и имел огромное значение для поддержания боевого духа солдат. Орел легиона представлял собой серебряное изображение этой птицы с молниями Юпитера в лапах, закрепленное на деревянном древке. Знак центурии назывался «сигнум» и представлял собой копьё или посеребренное древко с перекладиной сверху, на которой помещалось изображение какого-либо символа (волчицы, кабана и т. д.), раскрытой ладони или венка. Дополнительным элементом служили заслуженные данным подразделением отличия: например, серебряный полумесяц или чеканные круглые пластины – фалеры. Вексиллум – войсковой штандарт в виде копья с прикрепленным к перекладине прямоугольным куском материи с кистями, чисто внешне довольно близко напоминающий православную хоругвь, – как правило, был знаменем кавалерийских отрядов – турм. Единственный сохранившийся образец такого знака датируется III в. н. э. и происходит из Египта, где уникальные климатические условия обеспечивают прекрасную сохранность многих

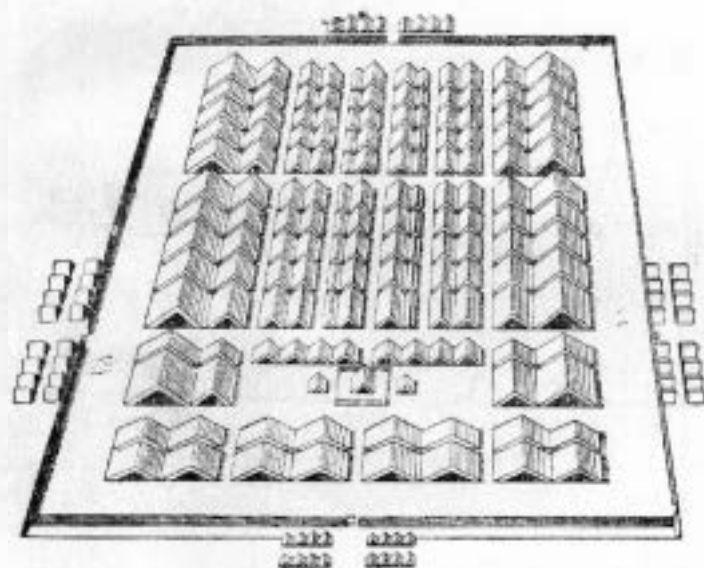
древних изделий из органических материалов. Это льняное полотнище алого цвета размерами 50 × 47 см, на котором изображена богиня победы – Виктория, стоящая на земном шаре. Правой рукой она протягивает лавровый венок, а в левой держит пальмовую ветвь. Большой вексиллум красного цвета выставлялся над палаткой полководца перед вступлением в сражение.

Благодаря усиленной подготовке и постоянно приобретаемому боевому опыту, воины Спартака скоро уже прекрасно знали, как им реагировать на те или иные действия врага и были вполне способны действовать самостоятельно. Роль инструкторов по многим вопросам, в том числе и относительно обращения с оружием, в данном случае продолжали играть первоначальные сподвижники Спартака – гладиаторы (Flor. III. 20. 2). Правда, оружия катастрофически не хватало. Очевидно, к этому периоду восстания относится сообщение Секста Юлия Фронтинна о том, что «у Спартака и его войска были щиты из прутьев, покрытых корой» (Front. Strat. VII. 6), и Саллюстия о беглых рабах, обжигавших «на огне копья, которыми, хотя они не походили на оружие, пригодное для военных действий, можно было разить врага точно так же, как железными» (Sallust. Hist. III. 96).

Конечно, со временем ситуация должна была измениться, и после ряда победных сражений воины Спартака вряд ли особенно отличались от римлян по составу наступательного и защитного вооружения. В частности, большое распространение в этот период имели бронзовые или железные шлемы типа «Монтефортино», состоявшие из чашеобразного верха с небольшим задним козырьком и нащечниками, полностью защищавшими уши и отчасти лицо. Широко использовалась «лорика хамата» – кольчужная рубашка с короткими рукавами или без рукавов и разрезами у рук и бедер, необходимыми для большей свободы движений воина. В зависимости от длины и количества железных или

Обучение новобранцев в римской армии

План римского военного лагеря

бронзовых колец, кольчуги весили до 15 кг. Другой распространенный вид панциря – более простой в изготовлении чешуйчатый доспех («лорика сквамата»), прочностью превосходивший кольчугу, но уступавший ей в эластичности. Часто его дополняли птериги – кожаные полосы, закрывавшие верхние части рук и ног. Такой панцирь обеспечивал хорошую защиту, особенно для плеч и верхней части спины. Под ним, вероятно, носилась стеганая рубаха, смягчавшая удары и предохранявшая тело от потертостей.

Хотя в Риме по-прежнему продолжали рассматривать действия Спартака как обыкновенные разбойничьи нападения, скоро была предпринята еще одна попытка изолировать восставших в районе Везувия: к горе подошли значительные военные силы под командованием претора Публия Вариния Глабра численностью не менее двух легионов. Спартак, как показали и дальнейшие события, никогда не упускал случая уничтожить силы противника поодиночке. Вступив в бой с передовым отрядом из трех тысяч человек во главе с Фурием, легатом Вариния, гладиаторы обратили его в бегство. Затем настал черед большего по численности и расположившегося отдельным лагерем войска Коссиния, советника Вариния и его товарища по должности. Спартак подстерег его и едва не взял в плен, когда тот купался близ Салин, селения между Геркуланумом и Помпеями. Преследуя по пятам бежавшего римского военачальника, он после кровопролитного боя захватил его лагерь. Сам Коссиний при этом погиб (Plut. Crass. 9).

От известия о поражении Коссиния армия Вариния пришла в полное смятение и началось бегство солдат. Это обстоятельство, а также заболевшие от суровой непогоды люди, заставили римского полководца разбить «неподалеку от врага лагерь» и укрепить его «валом, рвом, огромными насыпями» (Sallust. Hist. III. 96). Помощи он запрашивать не стал, полагаясь на собственные силы, и отказался от первоначального намерения

отправить в Рим своего квестора Гая Торания, чтобы сенат не узнал об истинном положении дел. Организованная Варинием блокада лагеря повстанцев, где, несмотря на перебои с продовольствием, поддерживалась строгая дисциплина, оказалась достаточно жесткой, но и на этот раз Спартак удачно использовал очередную военную хитрость. Римляне были обмануты тем, что он оставил в лагере трубача для подачи обычных сигналов и приказал воткнуть «в землю перед воротами столбы с небольшими интервалами, и привязал к ним стоймя трупы в одежде и с оружием, так что на расстоянии они казались заставой, и развел по всему лагерю костры» (Front. Strat. V. 22). Только тогда во вторую ночную стражу, то есть около полуночи, мятежникам удалось скрытно в полном молчании вывести свое войско. «Вариний же, когда совсем рассвело, тщетно ожидал, что беглецы начнут обычную перебранку и станут швырять камни в лагерь, а кроме того, возникнет шум, беспорядок и слышны будут громкие возгласы со всех сторон» (Sallust. Hist. III. 96). Скоро стало ясно, что следы противника потеряны, и римский полководец, опасаясь засады, отступил в надежде скоро пополнить свое войско. Уже тогда среди вождей восстания вспыхнули первые раздоры из-за плана дальнейших действий. Как писал Саллюстий, «Крикс и его соплеменники – галлы и германцы – рвались вперед, чтобы самим начать бой, а Спартак отговаривал их от нападения» (Sallust. Hist. III. 96). Многие требовали идти навстречу врагу, «полагаясь безрассудно на прибывающие к ним огромные силы и на свою храбрость... большинство же – из-за того, что, будучи рабами по натуре, хотели лишь пограбить и проявить свою жестокость...» (Sallust. Hist. III. 98). В конце концов, Спартак сумел доказать преимущества своего плана и, не вступая в соприкосновение с врагом, двинул армию в соседнюю область – Луканию, где надеялся пополнить ее отборными воинами из числа рабов-пастухов. Взятый из пленных проводник подо-

шел к городу Нары, а оттуда также скрытно – к Форуму Анния. И вот здесь до тех пор сдерживаемые страсти, обуревавшие многих повстанцев, вырвались наружу. Примкнувшие к восстанию случайные люди, пренебрегая приказом Спартака о тайном и быстром передвижении, хватали и насиловали девушек и матрон, «поджигали дома, а многие местные рабы, естественные союзники беглых, тащили добро, спрятанное их господами, и самих их вытаскивали из потаенных мест; гнев и произвол варваров не знал ничего святого и запретного» (Sallust. Hist. III. 98). Спартак был бессилен бороться с этим, хотя много раз просил их быстротой действий предупреждать известия о происшедшем. Снова и снова по пути движения войска восставших вспыхивала жестокая резня. Наконец, когда росшее, как снежный ком, войско увеличилось вдвое, Спартак отдал приказ разбить лагерь на обширной равнине среди еще стоявших на полях созревших осенних хлебов.

Ускоренное обучение воинов Спартака не прошло даром: когда Вариний отважился напасть на их новый лагерь, то был разбит наголову. Конечно, его сопровождали не испытанные ветераны, а наспех собранные случайные люди, совсем не рвавшиеся в бой, но, когда разнеслась весть о том, что сам претор, одно из высших должностных лиц, не только потерпел поражение, но и в столкновении с самим Спартаксом потерял коня, ликторов – свою почетную стражу и чуть было не попал в плен, – на многих в Италии это, конечно, произвело впечатление (Plut. Crass. 9). Вождь восставших рабов еще раз показал себя великолепным тактиком, умело сочетающим оборону и нападение, военные хитрости и сокрушительные атаки. Флор писал, что отнятые у преторов фасцы мятежники отдали своему предводителю (Flor. III. 20. 7). Отсюда можно сделать вывод о том, что трофейные фасцы, в итоге, дали то количество знаков власти, которое положено консулу, то есть двенадцать связанных ремнями красного цвета пучков березовых

или вязовых прутьев, в которые на период ведения военных действий втыкали по двустороннему топору. Вряд ли приходится сомневаться в том, что с этого времени Спартак носил консульское облачение, набрал своих ликторов и пользовался этими символами достоинства высшего должностного лица в Римской республике, чтобы еще больше возвыситься в глазах своих воинов и тех италийцев, кто встал на его сторону.

В следующем сражении потерпел неудачу еще один римский военачальник, уже упоминавшийся Гай Тораний. После этого Южная Италия почти полностью оказалась в руках восставших: они прошли через всю Кампанию и дотла разорили Луканию. На этом пути горели усадьбы и поселения, страшному опустошению, грабёжам и кровопролитию подверглись такие города, как Нела, Нуцерия, Фурии, Консенция и Метапонт. Спартак пытался пресекать бесчинства и даже велел с почестями похоронить захваченную его людьми знатную римскую матрону, «которая, не перенеся позора бесчестья, сама лишила себя жизни». Как сообщает Павел Орозий, на ее погребении «устроили гладиаторские бои с участием четырехсот пленников – разумеется, что те, кто должны были бы быть предметом зрелища, стали зрителями – действуя, скорее, как мастера гладиаторов, нежели как руководители войска» (Oros. V. 24. 3).

Так или иначе, римлянам был нанесен серьезный урон, а численность войска Спартака за счет продолжавших приходить к нему беглых рабов, крестьян, пастухов и перебежчиков достигла 70 тысяч человек. Тогда же, видимо, при наличии захваченных табунов коней, в армии рабов началось новое усиленное формирование отрядов кавалерии из числа все тех же пастухов со скотоводческих пастбищ Лукании и Апулии. Мятежники ковали оружие и собирали припасы, готовясь к продолжению войны. Весной следующего года Спартак, по словам Плутарха, «стал уже великой и грозной силой, но как здравомыслящий человек ясно понимал,

Деталь рельефа с изображением вексиллярия, аквилефера и сигнифера

Вексиллум с изображением Виктории, найденный в Египте

что ему все же не сломить могущество римлян, и повел свое войско к Альпам, рассчитывая перейти через горы и таким образом дать каждому возможность вернуться домой – иным во Фракию, другим в Галлию» (Plut. Crass. 9).

Общая политическая ситуация в этот момент складывалась для Рима крайне сложно, и не один только Спартак занимал умы римских граждан.¹ Незадолго до бегства гладиаторов из Капуи на востоке началась уже третья по счету война с понтийским царем Митридатом VI Евпатором (111–63 гг. до н. э.), отвлекшая на себя лучшие военные силы государства во главе с наиболее одаренным римским полководцем Луцием Лицинием Лукуллом. В Испании еще с 80 г. до н. э. велась безуспешная война с мятежным военачальником Квинтом Серторием, который, подчинив своему влиянию испанские племена, сумел создать там своего рода «государство в государстве» с «сенатом» из 300 римских эмигрантов. Посланные в Испанию во главе римских войск, состоявших из испытанных в боях ветеранов, полководцы Цецилий Метелл и Гней Помпей практически ничего не могли поделать с Серторием и терпели поражения. В 72 г. могущество Сертория достигло своего апогея, он стоял во главе боеспособной армии, и в Риме ходили слухи о скором нападении на Италию «второго Ганнибала». Если бы это произошло, вывести восставших за пределы Апеннинского полуострова, конечно, было бы несравненно легче.

Только теперь римский сенат в полной мере осознал всю серьезность положения, которое усугублялось целым рядом причин, сформулированных три года спустя Цицероном следующим образом: «Военное дело перестало быть приманкой для молодежи; храбрые воины и выдающиеся полководцы перевелись, отчасти умерли

¹ Мишулин А. В. Спартак. М., 1947. С. 61.

естественной смертью, отчасти пав жертвою гражданских междоусобиц и прочих несчастий, обрушившихся на наше отечество, — а между тем столько войн необходимо требует нашего участия, столько их возникает внезапно и непредвиденно!». В той ситуации среди возможных кандидатов не оказалось ни одного, кто в силу своих достоинств и заслуг устраивал бы всех. В итоге выставили против армии рабов обоих консулов 72 г. до н. э. — Гнея Лентула Клодиана (114 — около 45 гг. до н. э.) и Луция Геллия Публикола (120 — ок. 60 гг. до н. э.), каждый из которых после произведенного набора солдат вел за собой два легиона. Относительно первого из упомянутых полководцев можно сказать, что это был не самый лучший выбор, поскольку на его счету числились только неудачные действия против серторийцев в Испании под началом Гнея Помпея. Он был известен в Риме более своим красноречием, чем военными талантами. Позднее Цицерон писал о нем: «Умелыми паузами, восклицаниями, голосом приятным и звучным он снискал себе такое восхищение, что никто не жалел о тех качествах, которых ему недоставало». Луций Геллий был более опытным человеком. Кстати, тогда под его командованием служил ставший позднее известным политическим деятелем Катон Младший (Утический) (95–46 гг. до н. э.). Он отправился в поход добровольно из-за своего брата, назначенного на должность военного трибуна. В биографии Катона Плутарх приводит некоторые детали этой кампании, которые отчасти объясняют причины постигших римлян неудач, и на контрасте с его поведением демонстрируют состояние римской армии на тот момент: «начальники вели войну плохо, все же среди изнеженности и страсти к роскоши, которые владели тогда солдатами, он обнаружил такое умение повиноваться, столько выдержки, столько отваги, неизменно соединявшейся с трезвым расчетом... Геллий отметил его наградами и славными почестями, но Катон не принял ни одной из них, сказав, что не совершил

ничего заслуживающего награды и уже с той поры прослыл чудаком» (Plut. Cat. 8). Между тем, в ходе продвижения на север многочисленное и решительно настроенное войско Спартака разделилось на две части. Почему это случилось, мы можем только гадать. По крайней мере, главной причиной разногласий стало не то, что это были люди из разных стран, говорившие на разных языках. Римский автор V в. Синесий в своей речи «О царстве» писал: «Те, которые соединились с Криксом и Спартаком, были не из той же страны, из которой происходили эти предводители, и не принадлежали все к одной и той же нации, но общность судьбы и благоприятный случай соединили их воедино в общем предприятии». Возможно, сыграли свою роль прежние разногласия относительно плана продолжения борьбы. С другой стороны, известно, что Спартак запрещал употреблять в своей армии золото и серебро, стремился укрепить в ней организованность и порядок. Не это ли, наряду с племенной рознью и разнородностью социального состава и послужило причиной отделения от Спартака других полководцев, более свободно относившихся к нарушениям дисциплины вне поля сражения? В любом случае, римлянам, также разделившим консульские военные силы на две части, все это было только на руку. Сначала, при неизвестных нам обстоятельствах, от их рук пал Эномай, под началом у которого было несколько тысяч человек. Возможно, именно его имел в виду Плутарх, когда писал, как консул Геллий, «неожиданно напав на отряд германцев, из высокомерия и заносчивости отделившихся от Спартака, уничтожил его целиком» (Plut. Crass. 9). Затем победители двинулись вслед за действовавшим самостоятельно с двадцатитысячным отрядом Крикса к горе Гаргана (совр. Монте Гаргано). Эта гора находилась на поросшем дубовым лесом полуострове между устьем реки Френто и городом Сипонтом, где размещалась процветающая колония сулланских ветеранов, которая,

собственно, и привлекла внимание повстанцев. Здесь Крикс был настигнут и разбит консулом Луцием Геллием и претором Квинтом Аррием в ожесточенной битве, завершившейся гибелью его самого и двух третей его войска. В результате, Спартак оказался меж двух огней: один из консулов опередил его и перекрыл путь движения на север, другой догонял сзади. Тем не менее, бывший гладиатор вновь проявил себя как блестящий полководец и смог успешно разгромить их одного за другим. Первым пришлось спастись бегством Гнею Лентулу, а затем, после очередной упорной битвы, уже и виновникам смерти Крикса – Луцию Геллию и Квинту Аррию (Liv. Ep. XCVI). Римляне отошли с поля боя в полном беспорядке, многие из них попали в плен, был потерян весь обоз. Тремстам из них пришлось на деле познать, какие чувства испытывали выходившие на арену люди. Опыт организации погребальных боев с участием пленников был повторен и, наверно, не один раз. В данном случае все они были вынуждены сражаться между собой как гладиаторы, чтобы стать своеобразной жертвой у погребального костра погибшего Крикса, тело которого доставили в лагерь Спартака. Флор, достаточно злобно относившийся к рабскому предводителю, по этому поводу писал: «Он совершал погребения своих павших вожаков – с почетом, подобающим полководцам, и приказывал пленным сражаться вокруг погребального костра, как будто хотел искупить позор гладиаторской службы, став устроителем игр» (Flor. III. 20. 9). Возможно, это было не столько проявлением мести по отношению к римлянам, сколько данью традиционным представлениям соплеменников Крикса и Эномая о проходах героя в загробный мир. Если поединки на пирах были у галлов самым обычным делом (Athen. IV. 154), то можно предполагать и включение их в программу погребального пира.

Двигаясь к Альпам вдоль восточного побережья Апеннинского полуострова через города Фирм, Анкону,

Аримин, Мутину на Плаценцию, Спартак одерживал все новые и новые победы. Очень важной для осуществления его дальнейших планов была битва при Мутине, сильной крепости на пути к реке Пад (совр. р. По). Там он встретился с десяти тысячным войском наместника Цизальпинской Галлии, проконсула Гая Кассия Лонгина, который «был разбит наголову, понес огромные потери в людях и сам едва спасся бегством» (Plut. Crass. 9), а по некоторым данным был даже убит (Oros. V. 24). Не успешнее пытался остановить армию Спартака и отряд претора Гнея Манлия (Liv. Ep. XCVI), который до того был известен только тем, что во времена диктатуры Суллы нажил себе большое состояние за счет конфискации имущества осужденных на казнь. Провинция, захваченная Спартаком, была исключительно богатой: она изобиловала хлебом и виноградниками, славилась небывалыми урожаями гречихи и проса, в широко раскинувшихся дубовых лесах кормилось желудями огромное количество диких и домашних свиней. Здесь армия Спартака отдохнула после боев и пополнила свои ряды, доведя численность воинов до 120 тысяч человек, вероятно, за счет рабов и перешедших на его сторону галльских крестьян. Конечно, при этом пришлось потратить много времени на вооружение и обучение новобранцев.

Наконец, когда армия была подготовлена, а путь к горным альпийским перевалам совершенно свободен, вождь восстания неожиданно отказался от прежнего плана и повернул обратно. Удовлетворительного объяснения такой перемене замыслов нет. Многие пытались объяснить ее, предполагая, что либо рабов испугали неблагоприятные условия местности и тяжесть перехода через горные перевалы, либо неизвестность ситуации за Альпами, либо на настроения восставших повлияли их италийские победы. Высказывалось даже мнение, что Спартак мог поддерживать контакты с Серторием и двигался на соединение с ним для дальнейших

совместных действий в Испании, но, с его смертью от руки убийцы, такая необходимость отпала. В любом случае, это известие означало, что теперь некому скрывать две действовавшие против Сертория сильные армии, которые в скором времени могут появиться в Италии. Видимо, именно тогда в окружении Спартака возобладало мнение о нанесении удара по самому охваченному страхом Риму или отходе на юг Италии с тем, чтобы переправиться на остров Сицилию и превратить его в новую базу восстания. Так или иначе, армия восставших двинулась в обратную сторону. Не Серторий, а Спартак стал «новым Ганнибалом». И действительно город «оказался охвачен не меньшим страхом, чем когда он дрожал, крича, что Ганнибал у ворот» (Oros. V. 24. 5). Правда, от нападения на Рим Спартак, будучи вполне разумным человеком, все-таки отказался и снова повел свою армию по Эмилиевой дороге к слабо укрепленным городам Кампании и Лукании. Для быстроты передвижения был отдан суровый приказ: «сжечь весь лишний обоз, убить всех пленных и перерезать вьючный скот, чтобы идти налегке» (App. Bell. Civ. I. 117). Перебежчики, во множестве приходившие со всех сторон, не принимались. В области Пицен войско мятежных рабов снова попытались остановить объединенные силы двух консулов, и опять они были разбиты. Глубочайшее впечатление, произведенное на современников постоянными поражениями консульских армий в войне с какими-то ничтожными рабами, нашло свое отражение в римской литературе вплоть до V в., когда Аполлинарий Сидоний написал такие строки:

Или ты, о Спартак, привычный консулов разгонять отряды.
Нож твой был посильнее меча их...

Ему вторил его современник, поэт Клавдиан:

...Буду ль я говорить о Спартаке?

Римские легионеры в кольчугах на рельефе алтаря Домиция Агенобарба. Первая половина I в. до н. э.

Ликторы.
Деталь рельефа конца I в. до н. э.

Огнем и мечом бушевал он вдоль всей Италии,
Битвой открытой не раз он сходил
С консульским войском, у слабых владык отнимая их лагерь
Доблесть свою – орлов – потерявших в позорных разгромах
Часто оружием восставших рабов разбивал он...

Узнав о действиях консулов, возмущенный сенат приказал им не трогаться с места. Теперь Спартак окончательно доказал, что его победы не были случайностью. Римские военачальники вынужденно признали: этот бывший раб действительно обладает огромным военным талантом. Из необученных военной дисциплине людей, без денег, не имея базы для изготовления в нужных количествах вооружения, создать боеспособную армию и наносить в течение долгого времени тяжелые поражения знаменитым римским легионам мог только выдающийся полководец и организатор. Следует отметить те усовершенствования, которые он внес в созданную им военную организацию, – это усиление роли кавалерии и легковооруженных подразделений, стремление сделать армию более маневренной за счет избавления от громоздких обозов и хорошо поставленная разведка.

Теперь никто из влиятельных римлян не решался рисковать своей военной репутацией и взять на себя столь неблагоприятное дело, как командование в «рабской войне». В конце концов, произведя новый набор войск, во главе военных сил в Италии с чрезвычайными полномочиями поставили самого богатого и влиятельного на тот момент человека в Риме, пропретора Марка Лициния Красса (114–53 гг. до н. э.), известного своими сомнительными денежными операциями. Впрочем, выбор сената был неслучайным: в молодости он служил под началом диктатора Суллы и приобрел достаточные познания в области военного искусства в период гражданских войн, особенно проявив себя в кровавой битве у ворот Рима 1 ноября 82 г. до н. э. Красс сразу энергично взялся за дело, спешно набрав шесть легио-

нов, к которым он, прибыв на место, присоединил еще два консульских, то есть под началом этого полководца оказалось не менее сорока тысяч солдат. Это было признанием крайней опасности положения. Обычно считали, что для участия в военных действиях достаточно максимум четырех легионов, которые дополняли вспомогательные и союзные войска. Только после ужасного поражения понесенного от Ганнибала при Каннах в 216 г. до н. э., на войну отправили восемь легионов, чего, как отмечал историк Полибий, «раньше никогда не бывало у римлян». Учитывая серьезность положения, за Крассом последовали многие представители знати, кто по дружбе с ним, а кто в силу имеющихся долговых обязательств. Таким образом, среди его офицеров появились тщательно подобранные люди. Среди них можно упомянуть Марка Муммия, потомка видной плебейской фамилии; квестора Гнея Тремеллия Скрофу (99–44 гг. до н. э.), друга Цицерона, который отзывался о нем, как о «человеке старых правил», «личности в высшей степени совестливой и добросовестной»; Луция Квинкция (125–49 гг. до н. э.), народного трибуна 74 г. до н. э., занявшего должность начальника конницы. Поначалу Крассу сопутствовал небольшой успех в битве с одним из отрядов беглых рабов: шесть тысяч из них были убиты и девятьсот взяты в плен (Oros. V. 6). И все же Спартак, не переоценивавший свои силы и считавший, что его войско находится в недостаточной боевой готовности, был серьезным противником, использовавшим любую возможность для развития успеха. На границе области Пицен он столкнулся с двумя легионами под командованием легата Марка Муммия, судя по всему из числа полностью деморализованных бывших консульских. Они были посланы Крассом в обход, со строгим приказом не вступать в сражение и избегать даже мелких стычек. Тем не менее, этот уже достаточно опытный военачальник, видимо, пренебрежительно относившийся к недостойному про-

тивнику, горел желанием отличиться и воспользовался первым же случаем завязать битву. Эта самонадеянность была жестоко наказана: «многие из его людей были убиты, другие спаслись бегством, побросав оружие» (Plut. Crass. 10). Судя по всему, это поражение растерявших боевой дух римских солдат было связано с потерей воинских знаков – прототипов современных знамен. Таких знаков в римской армии было несколько: орел (аквила) – эмблема легиона (около 5 тысяч солдат), серебряное изображение этой птицы, закрепленное на деревянном древке; сигнум – знак центурии или манипулы (подразделений численностью около 80 и 160 человек), копьё с перекладиной, на котором помещалось изображение животного, раскрытой ладони или венка; вексиллум – знак кавалерийского отряда (турмы) в виде прямоугольного куска материи, закрепленного на перекладине древка. Только позорной утратой «знамен» можно объяснить применение Крассом в качестве наказания редко применявшейся, но обычно как раз в таких случаях крайней и жестокой меры – децимации, когда казнили каждого десятого из проявивших трусость воинов. О масштабах бегства солдат Муммия с поля боя дает представление следующая цифра: одних зачинщиков оказалось пятьсот человек. Их разделили на пятьдесят десятков и из каждого взяли одного смертника, выбирая его по жребию (Plut. Crass. 10). По другим данным, казненных оказалось четыре тысячи, и, таким образом, «Красс оказался для своих солдат страшнее побеждавших их врагов» (App. Bell. Civ. I. 118). Казнь осужденных сопровождалась жуткими и мрачными обрядами посвящения их подземным богам, совершавшимися у всех на глазах, а производилась она следующим образом: их просто забивали палками (вспомним в качестве параллели шпицрутены, долгое время употреблявшиеся в русской армии). Один из младших командиров касался провинившегося, и остальные солдаты били его палками, а иногда и камнями, пока тот не уми-

рал. Иногда казнь совершалась через обезглавливание после порки розгами. В течение назначенного наказанием срока остальные струсившие легионеры не могли находиться внутри лагерных укреплений и жили перед внешним рвом. На этот период вместо пайка пшеницы их переводили на ячменный хлеб. После этих показательных мер, чтобы избежать новых потерь, командующий римской армией решил не вступать со своим противником в открытый бой, а постараться измотать его постоянным преследованием и истреблением фуражиров. Война непозволительным образом затягивалась, и он просил сенат вызвать в Италию и направить против восставших еще двух полководцев – Гнея Помпея, воевавшего в Испании против Сертория, и Марка Лукулла, наместника провинции Македония, который вел военные действия во Фракии.

Словно зверь в клетке, армия рабов металась по Италии. К лету 71 г. до н. э. она на некоторое время обосновалась в крупном торгово-ремесленном городе Фурии и его окрестностях, которые стали мощной оружейной и продовольственной базой восстания.¹ Приобретая по дорогой цене железо и медь за счет общей армейской казны, мятежники хорошо вооружились и стали делать успешные вылазки против римлян, неизменно возвращаясь назад с добычей. Чтобы обуздать растущую алчность людей, Спартак прибег к крайним мерам и запретил в пределах военного лагеря употребление золота и серебра. Впоследствии Плиний Старший писал по этому поводу: «мы хорошо знаем, что в своем лагере Спартак запретил кому-либо иметь золото и серебро. Настолько выше было у наших беглых рабов благородство души». Так продолжалось, пока, согласно Аппиану, поднявшему свой боевой дух войску Красса не удалось разбить самого Спартака. Армия рабов отступила на са-

¹ Лесков В. Указ. соч. С. 257.

мый юг Апеннинского полуострова, в область Бруттий. Добравшись до Мессанского пролива шириной в самом узком месте всего 3,5 км, Спартак, видимо, рассчитывал быстро переправиться на остров Сицилия, где еще недавно бушевали рабские восстания, и можно было занять целый ряд крупных опорных пунктов. Неширокий, на первый взгляд, пролив, тем не менее, представлял собой серьезную преграду. Он отличается сильным течением (около 9 км в час), устремляющимся между разбросанными по берегам острыми скалами. Согласно древним преданиям именно здесь, по разные стороны пролива, обитали сказочные чудовища – Скилла и Харибда. Скилла, с шестью собачьими головами на тонких шеях, зубами в три ряда и двенадцатью ногами, подстерегала мореходов в пещере, на крутой скале со стороны Италии. У Мессаны же, по словам Страбона, показывали называемую Харибдой страшную пучину, «в которую обратные течения пролива легко увлекают опрокинутые корабли в мощном вихре водоворота» (Strab. VI. 2. 3).

По имеющимся сведениям, помощь в осуществлении переправы, для начала хотя бы двух тысяч человек, Спартаку пообещали киликийские пираты, но этот план осуществить не удалось. После получения оговоренной заранее суммы денег ни один пиратский корабль не явился в назначенное место. Измена пиратов, тем не менее, не заставила Спартака отказаться от самой идеи переправиться на Сицилию. Попытка, несмотря на непогоду, переправиться через узкий и бурный пролив на плотках из бревен и пустых бочек, связанных виноградными лозами тоже оказалась неудачной (Flor. III. 20. 13). Между тем сезон, благоприятный для действий на море, закончился, дальше идти было некуда, а обратный путь с Регийского полуострова преградили военные силы Красса.

Осмотрев местность, римский полководец решил, что ввязываться в сражение с армией Спартака не имеет никакого смысла. Сама природа подсказала ему наи-

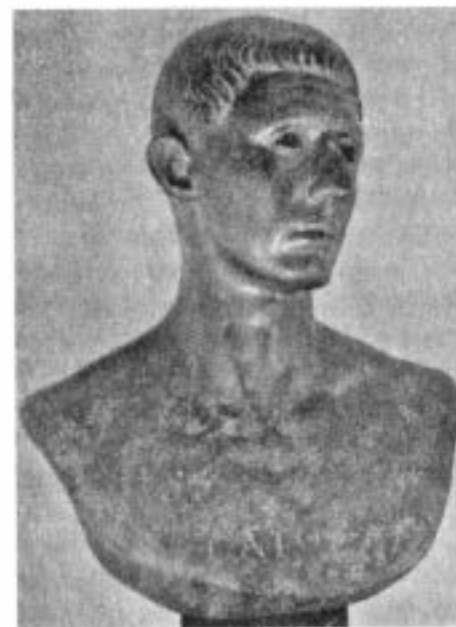

более подходящий план, нацеленный на то, чтобы отрезать мятежных рабов от внешнего мира и заставить их капитулировать. Отдав приказ возвести здесь линию укреплений, Красс убивал сразу двух зайцев: «уберечь солдат от безделья и лишить врагов подвоза продовольствия» (Plut. Crass. 10). Тысячи легионеров взялись за кирки и лопаты, и скоро от моря до моря протянулся ров шириной и глубиной около 4,5 м, укрепленный земляным валом и стеной, поражавшей своей высотой и прочностью. Плутарх писал, вероятно с целью поразить воображение читателя, что *длина этих укреплений составляла триста стадиев (=55,5 км), и эта цифра фигурирует во всех исследованиях, затрагивающих тему восстания Спартака* (штамп 13). На самом деле, ширина перешейка в этой части Апеннинского полуострова составляет всего 30 км, что полностью соответствует расстоянию в 160 стадиев, указанному в описании Южной Италии из текста «Географии» Страбона (Strab. VI. 1. 4), и это, даже с учетом особенностей рельефа местности, по крайней мере, в полтора раза сокращает объем работ. В любом случае, при наличии опытных военных инженеров и организованной рабочей силы такие работы действительно можно было провести в достаточно сжатые сроки. Наиболее близким по времени примером, связанным с подобной практикой римской армии, является возведение всего за 18–20 дней легионерами Цезаря (около 10 тысяч человек) рва и вала высотой 4,8 м и протяженностью 28 км, чтобы воспрепятствовать продвижению гелльветов в пределы Нарбонской Галлии в 58 г. до н. э. (Caes. De bello Gall. I. 8).¹ Столь же бурный строи-

¹ Для сравнения можно привести эпизод из истории средневековой Пизы, когда в 1155 г., опасаясь нападения германского императора Фридриха Барбароссы, жители города (трудоспособное мужское население около 4 тыс. чел.), располагавшие не большими техническими возможностями, чем солдаты Цезаря, за два месяца выкопали ров длиной 6 км и построили стену на самом уязвимом участке обороны.

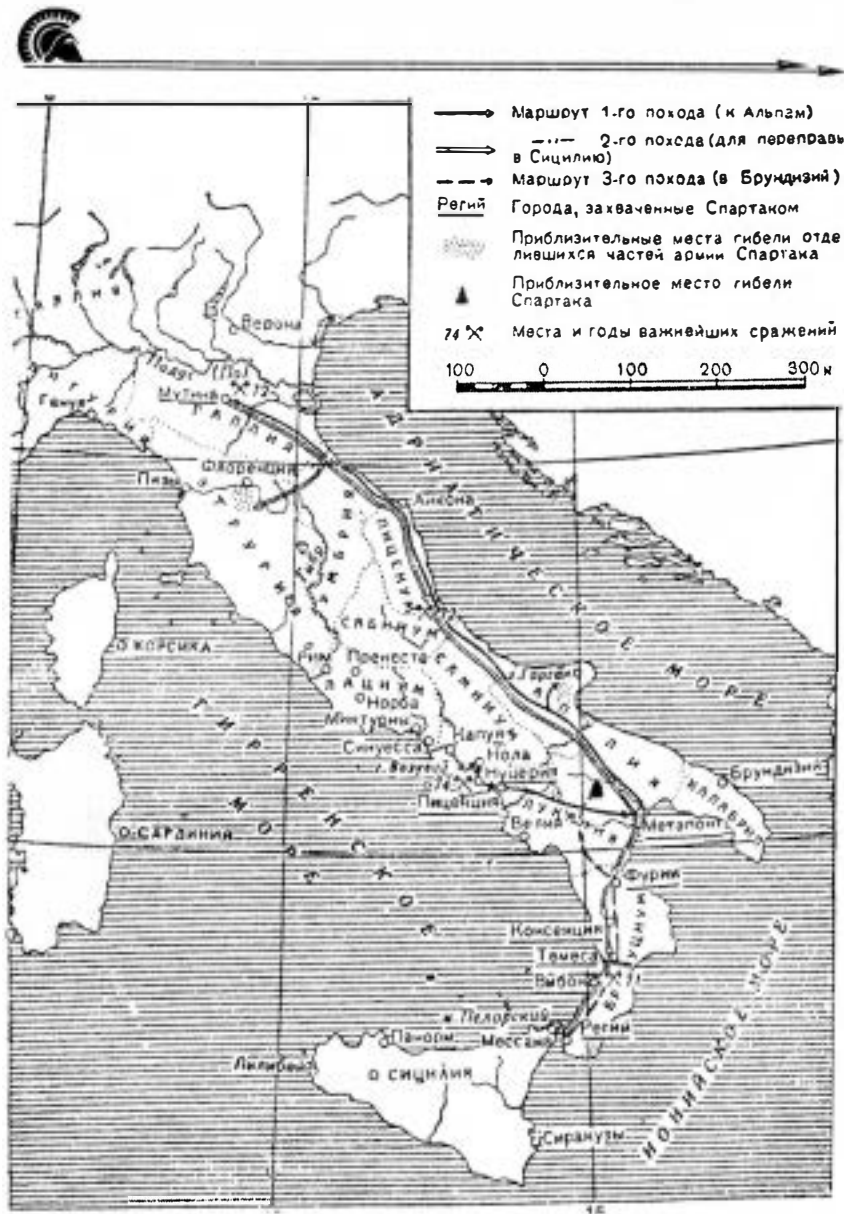

*Бронзовый шлем типа
Монтефортино.
Конец II–первая половина
I в. до н. э.*

*Катон Младший
(Утический).
Бронзовый бюст
I в. до н. э.*

Карта походов Спартака

тельный энтузиазм продемонстрировали позднее, в 70 г. н. э., римские солдаты (не менее 20 тысяч человек) под командованием Тита в период осады Иерусалима, когда за три дня они возвели вокруг города стену длиной почти 7 км и тринадцать сторожевых башен (Jos. Fl. Bell. Jud. V. 12. 2). С учетом производительности труда римских легионеров в указанных примерах и их числа под началом у Красса, можно утверждать, что создание фортификационной линии на Регийском полуострове должно было занять около двух недель.

Сначала эти сооружения мало заботили Спартака, относившегося к ним с полным пренебрежением, ведь он не собирался задерживаться в Италии. Но скоро стало ясно, что переправиться на Сицилию уже не удастся и армия рабов заперта на полуострове, где запасы продовольствия весьма ограничены. Итак, в очередной раз римляне попытались загнать Спартака и его людей в угол и уморить голодной смертью. Поражение их представлялось теперь неизбежным. Первая же попытка прорыва блокады, предпринятая на заре, закончилась неудачей. Как гордо утверждал Аппиан, погибли около шести тысяч восставших, а вечером еще столько же, тогда как потери римлян вследствие укрепления дисциплины составили всего трое убитых и семь раненых (App. Bell. Civ. I. 119). Цифры, отражающие урон, понесенный армией Спартака, конечно, абсолютно нереальные. В этой связи вспоминается исторический анекдот из времен русско-турецкой войны 1768–1774 гг.: когда войсковой писарь, составлявший донесение в Петербург и точно указавший потери русской армии («убито всех чинов и без вести пропало 921, раненых 550»), спросил у фельдмаршала П. А. Румянцева: «Ваше превосходительство, а турок сколько писать?», тот ответил: «Пиши тысяч двадцать, чего их, басурманов, жалеть!»

Несмотря на смерть и лишения, никто в армии рабов не собирался сдаваться. Они уже не атаковали укрепле-

ния Красса всеми силами, а беспокоили осаждавших мелкими стычками и неожиданными нападениями, забрасывая ров связками хвороста и поджигая их. Делалось все, чтобы спровоцировать противника на атаку, например, однажды Спартак приказал повесить пленного римлянина на нейтральной полосе между позициями обеих армий. Все же Красс, убедившись, что «рабская» война – дело тягостное и серьезное, не принял этот вызов. Он предпочитал выжидать и с презрением отверг предложение вступить в переговоры. Наконец, дождавшись снежной и бурной зимней ночи, Спартак приказал засыпать часть рва землей, ветками, телами убитых пленников и трупами павших лошадей, а затем успел перевести через него третью часть своего войска. Создается впечатление, что таким образом была реализована еще одна его военная хитрость, которая должна была побудить Красса действовать более решительно. В любом случае он оказывался в невыгодном положении. Если римская армия оставалась на прежних позициях, скованная большей частью войска восставших, то Спартак со своим отрядом получал полную свободу действий в отношении других римских полководцев, которые собирались прибыть в Италию морем. Если же нет, то для римлян возникала угроза нанесения удара с двух сторон. Скорее всего, Красс бросил бесполезные теперь укрепления и двинулся вслед за Спартаком, так для него важно было обеспечить себе численное превосходство в предстоящей битве. Он уже жалел, что ранее писал сенату о необходимости вызвать в Италию Лукулла и Помпея, про которого в Риме теперь говорили, что победа над рабами должна быть его делом, «стоит ему явиться – и с войной будет покончено одним ударом». Слава победителя медленно ускользала из рук Красса, поэтому он должен был спешить окончить войну с мятежниками до появления своих возможных конкурентов. Пока еще главнокомандующий, он предвидел, что в противном случае успех будет

приписан не ему, а тому из них, кто явится к нему на помощь.

Между тем, путь воинов Спартака лежал к Брундизию, большому порту на Адриатическом море с несколькими прекрасными гаванями, вмещавшими до двухсот кораблей. Захват Брундизия позволял воспрепятствовать высадке легионов Лукулла или спокойно дожждаться похода подкреплений, посадить воинов на корабли и переправить их в порт Диррахий на расстоянии около 260 км от Италии. Оттуда открывался путь в Грецию или на север Балканского полуострова. Возможно, конечной целью в данном случае представлялся восточный театр военных действий, где у восставших рабов еще оставался потенциальный союзник, непримиримый враг Рима Митридат VI Евпатор. Однако добратся до заветного порта им так и не удалось. Внезапно намерения Спартака изменились: он вновь сделал своей главной целью разгром Красса. Далее, судя по всему, последовала еще одна его военная хитрость.

Плутарх сообщает о раздорах, возможно мнимых, среди восставших, в результате которых от основных сил армии Спартака откололся отряд под командованием Гая Канниция¹ и Каста, расположившийся в самостоятельном лагере у Луканского озера (Plut. Crass. 11; Liv. Ep. 97). Тит Ливий определяет его численность минимум в тридцать пять тысяч человек, дополнительно указывая, что это были галлы и германцы. Такие силы несопоставимы с третьей войска, которое увел Спартак с Регийского полуострова. Возможно, это действительно был самостоятельный отряд, но из числа тех, что вырвались из бруттийской ловушки позднее и шли на соединение со Спартаком согласно заранее разработанному плану. Вскоре он подвергся нападению со стороны

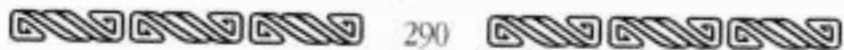
¹ У некоторых античных авторов этот предводитель восставших именуется Ганником.

Красса, который стал успешно теснить повстанцев, но внезапное появление воинов Спартака остановило бегство охваченных паникой людей. Красс был вынужден отступить, но ненадолго. Выждав некоторое время, он снова решил напасть на отряд Канниция и Каста, но, чтобы на этот раз предотвратить возможную помощь, расположил свои силы в двух укрепленных лагерях, расположенных вплотную к полевым укреплениям своих противников с одной стороны, и Спартака – с другой.

Под покровом ночи Красс вывел все войско из двух лагерей и разместил его в засаде у подножия ближайшей небольшой горы. Далее он отдал приказ начальнику конницы Луцию Квинкцию, служившему когда-то вместе с ним под началом Суллы, разделить вверенную ему кавалерию на две части. В задачу одной из них входило завязать бой с войском Спартака и отвлечь его на себя, другая же должна была вступить в сражение с отделившимися галлами и германцами и притворным бегством заманить подальше, поставив их под удар основных сил Красса. Чтобы усилить свои позиции и произвести нападение сразу с нескольких сторон, он отправил шеститысячный отряд на один из окрестных холмов «с приказанием сделать все возможное, чтобы пробраться туда незаметно. Стараясь ничем себя не обнаружить, люди эти прикрыли свои шлемы. Тем не менее, их увидели две женщины, приносившие жертвы перед неприятельским лагерем, и отряд оказался... в опасном положении». Но было уже поздно. Развернулось, как писал Плутарх, «самое кровопролитное сражение за всю войну» (Plut. Crass. 11). В решающий момент масса отступающих в беспорядке всадников разделилась, и перед воинами Канниция и Каста неожиданно появилась римская армия, с криком ринувшая вперед. Несмотря на стойкое сопротивление – из 12 300 погибших повстанцев только двое были ранены в спину – разгром был ужасным. Теперь Крассу было чем

отчитаться перед сенатом: он сумел вернуть захваченные у римлян в прошлых битвах пять легионных орлов, двадцать шесть воинских значков более мелких подразделений и много других трофеев (Front. V. 34). О масштабах поражений, в которых они были утрачены, в глазах самих римлян, в сравнительном плане можно сделать вывод на основании письма, направленного Цицерону Сульпицием Гальбой после победы над Марком Антонием в 43 г. до н. э.: «два орла и шестьдесят знамен были захвачены – все Антония! Это было выдающееся достижение» (Cic. Epist. 10. 30). Позднее император Август, узнав об уничтожении германцами трех легионов под командованием Квинтилия Вара, на несколько месяцев перестал стричь волосы и бриться, не раз бился головой о стену, восклицая: «Var! Верни мои легионы!», а потом каждый год отмечал день поражения трауром и скорбью.

После неудачи у Луканского озера Спартак, чтобы собраться с силами, временно отступил к Петелийским горам, лежавшим на восток от поля сражения. Командование римской армии было единодушно в том, что, с одной стороны, ему нельзя дать уйти, с другой – надо всячески избегать встречи с Помпеем, которому сенат уже вручил высшие полномочия в ведении этой войны. Преследовать рабов отправились один из легатов Красса Квинт Аррий и квестор Гней Скрофа, видимо, совершенно утратившие чувство опасности. Свою задачу сковать силы восставших мелкими стычками и дожидаться подхода основной части армии Красса они не выполнили. Когда Спартак прекратил отступление и сам атаковал римлян, те «бежали без оглядки и едва спаслись, с большим трудом вынеся из битвы раненого квестора» (Plut. Crass. 11). Судя по тому, что позднее, после разгрома Спартака, Красс обнаружил в его лагере три тысячи пленных римских граждан (Oros. V. 24. 7), захвачены они были именно в том злополучном для римлян сражении. По словам Плутарха, этот временный успех и погу-

бил беглых рабов, совершенно вскружив им головы. «Они теперь и слышать не хотели об отступлении и не только отказывались повиноваться своим начальникам, но, окружив их на пути, с оружием в руках принудили вести войско назад через Луканию на римлян» (Plut. Crass. 11). Последнее противостояние развернулось в 71 г. до н. э. в верховьях реки Силар (совр. р. Силаро), находившейся на границе Кампании и Лукании и впадающей на западе в Тирренское море. Красс не решился сразу сразиться со своим противником, разбил рядом лагерь и стал обносить его рвом. Отложив в сторону оружие, легионеры бодро взялись за лопаты и кирки. Земляные работы еще продолжались, когда начались военные действия, поначалу ограничивавшиеся незначительными взаимными нападениями. Обе стороны постепенно копили силы за счет подходивших подкреплений.

Спартак, собравший к тому времени достаточное количество всадников, решил пойти на риск и, оставив свою пехоту как заслон против Красса, предпринять стремительный конный рейд на Брундизий, захватить его, но там уже высадился со своей армией Марк Лукулл. Такая весть могла бы смутить даже самых сильных духом людей. Ситуация сразу стала отчаянно трудной: надежда на флот, позволявший покинуть Италию, растаяла, и одновременно в борьбу вступали новые римские военные силы, уже испытанные в боях. Медлить было нельзя, и Спартак отдал приказ повернуть назад. Вскоре его войско выстроилось для последней, отчаянной битвы с Крассом. С самого начала боя римляне добились преимущества в столкновении с ослабленными и истощенными длительным переходом противниками. Финал этой битвы, фактически, был предрешен. Безуспешно Спартак со своими телохранителями пытался добраться до Красса и его смертью переломить ход сражения. «Ни вражеское оружие, ни раны не могли его остановить, и все же к Крассу он не пробился и лишь убил двух столкнувшихся с ним центурионов. Наконец, покинутый сво-

ими соратниками, бежавшими с поля битвы, окруженный врагами, он пал под их ударами, не отступая ни на шаг и сражаясь до конца» (Plut. Crass. 11). Другие детали этого сражения донес до нас текст Аппиана: «Спартак был ранен в бедро дротиком: опустившись на колени и выставив вперед щит, он отбивался от нападавших, пока не пал вместе с большим числом окружавших его. Остальное войско, находясь в полном беспорядке, было изрублено. Говорят, что число убитых и установить было нельзя. Римлян пало около тысячи человек. Тело Спартака не было найдено» (App. Bell. Civ. I. 120). Возможно, с этим эпизодом последнего боя Спартака, а именно с тем моментом, когда после ранения он еще мог оставить поле битвы, связан рассказ Плутарха, отнесенный им, чтобы подчеркнуть обреченность рабского вождя, к началу сражения: «ему подвели коня, но он выхватил меч и убил его, говоря, что в случае победы получит много хороших коней от врагов, а в случае поражения не будет нуждаться и в своем». Даже не испытывавший никаких симпатий к Спартаку римский историк Флор был вынужден отдать должное исключительному героизму Спартака и его воинов: «они решили пробиться и пали смертью, достойной воинов. Сражались не на жизнь, а на смерть, — чего и следовало ожидать, когда командует гладиатор. Сам Спартак, храбро бившийся в первом ряду, пал как полководец» (Flor. III. 20. 13).

Вполне вероятно, дополнительный свет на вопрос об обстоятельствах гибели Спартака проливает фрагмент древней фрески, обнаруженной в Помпеях в 1927 г. Она происходит из небольшого домика, принадлежавшего жрецу Аманду и построенного лет за полтора до гибели города в результате извержения Везувия. Фреска, украшавшая дом на заре его существования, обнажилась случайно, когда в коридоре обвалилась поздняя штукатурка. Частично поврежденное изображение включало две сцены, которые, если следовать направлению сопровождающих его надписей, надо рассматри-

вать справа налево. Тогда в первой сцене оказываются два всадника, один из которых настигает обернувшегося противника и вонзает копье ему в бедро. Над последним надпись оскскими буквами «Спартакс», над головой преследователя частично сохранившиеся буквы, которые итальянский археолог А. Майюри расшифровал как «Феликс из Помпей».¹ Далее слева, во второй сцене – два бьющихся пеших воина. Обращает на себя внимание следующее: защищающийся воин представлен без шлема и поза его довольно неестественна, что заставляет предполагать, что он ранен в ногу и продолжает отбиваться от врага, находясь в тяжелом состоянии. Если это так, а фреска датируется временем не ранее начала I в. до н. э., то некий Феликс из Помпей решил таким образом увековечить свой подвиг сразу после победы над Спартаком. У некоторых исследователей, отдающих предпочтение версии изображения здесь сражения гладиаторов, основные сомнения вызывает расположенная справа фигура трубача в маске, но разве не может она служить символом победного рева труб, возвестивших о ранении, а затем и гибели великого противника Рима.

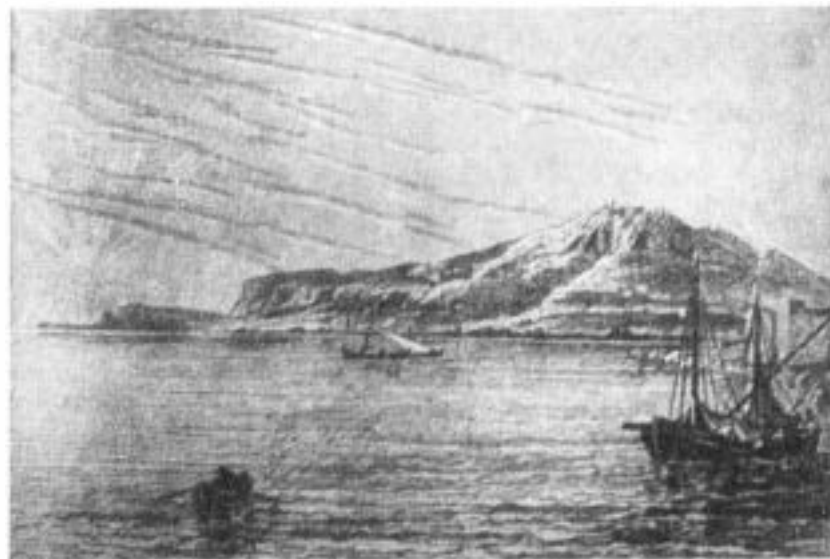
Но вернемся к событиям 71 г. до н. э. Итак, после смерти Спартака его войско еще продолжало сражаться, но, лишенное полководца, потеряло всякое организационное начало. Легионеры Красса без пощады истребляли всех своих противников, да никто и не просил о милости со стороны римлян. Согласно римским авторам, точность данных которых, конечно, не следует преувеличивать, на поле боя осталось шестьдесят тысяч убитых врагов.² В назидание всем, кто решится противиться воле Рима, шесть тысяч пленных рабов были распяты по приказу Красса вдоль дороги от Капуи, где

¹ Мишулин А. В. Указ. соч. С. 96–98; Носов К. С. Указ. соч. С. 77.

² Только Веллей Патеркул приводит меньшую цифру – сорок девять тысяч павших воинов Спартака (Vell. Pat. II. 30. 5).

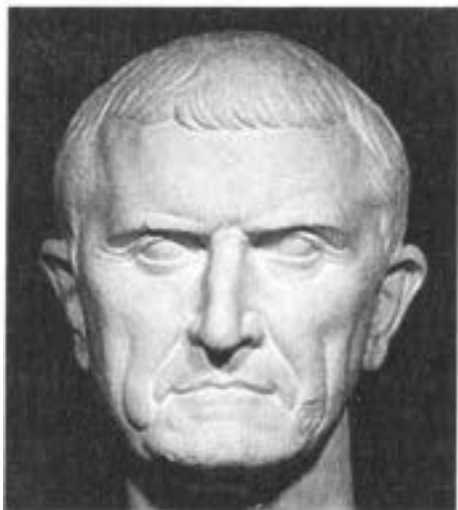

Вид на альпийские перевалы с юга

Вид побережья Южной Италии

*Марк Лициний Красс.
Мраморный бюст I в. до н. э.*

Обращение римского полководца к воинам

Фреска из Помпей со сценой ранения Спартака

*Реконструкция центральной части фрески
с изображением Спартака*

*Бронзовая статуэтка крупеллария (?)
из Вертиньи. I в. н. э.*

началось восстание, до ворот столицы. Несколько дней эти люди умирали в страшных мучениях, а затем их тела надолго оставили гнить на крестах. Двигавшийся от Рима Помпей довершил разгром восставших, истребив пробившийся в Этрурию пятитысячный отряд тех, кто уцелел после поражения Спартака. Превознося свои заслуги, он написал в сенат: «в открытом бою беглых рабов победил Красс, я же уничтожил самый корень войны» (Plut. Crass. 11). Сторонники и противники обоих полководцев в сенате долго и бурно обсуждали вопрос о том, кого можно считать победителем в этой войне. В конце концов, почести достались Крассу, но его надежды на желанный большой триумф не оправдались. Теперь, когда угроза миновала, возобладало мнение, что война велась с ненастоящим противником, и к легкости такой победы больше подходит «зелень Венеры», то есть миртовый, а не лавровый венок. В итоге Крассу был назначен малый пеший триумф, или так называемая овация с увенчанием именно миртовым венком. Такое отличие предполагало вступление в город пешком с венком на голове и принесение в жертву богам овцы. Единственное, чего он сумел для себя добиться, – вынесение специального сенатского постановления об увенчании его лавром, а не миртом.

Впрочем, говорить об уничтожении самого корня рабской войны было еще рано. Еще долго по всей Южной Италии тлели искры великого пожара – там, где в лесах и горах скрывались разрозненные группы бывших воинов Спартака. О размахе этого движения свидетельствует отправление против них в 63 г. до н. э. из Рима специальной карательной экспедиции Квинта Метелла Критского. Видимо, он не добился какого-либо серьезного успеха, поскольку уже на следующий год мятежники даже объединили свои усилия, захватили область города Фурии и долго удерживали ее под контролем. Узнав о заговоре и выступлении в столице рвавшегося к власти известного политического авантюриста Сергия Катили-

ны, многие считали даже, что в этой ситуации можно снова двинуться на Рим. Но все эти надежды вскоре рассеялись как дым. Последних сподвижников Спартака по чрезвычайному поручению сената уничтожил посланный из столицы отряд пропретора Гая Октавия, отца будущего императора Гая Октавиана Августа.

И все-таки выступления людей, сражавшихся на арене амфитеатров, против римских властей не стали лишь достоянием прошлого. В правление императора Тиберия гладиаторы приняли самое деятельное участие в галльском восстании 21 г. Единственный античный автор, запечатлевший эти события, Тацит, писал, что к военным силам, собранным тогда племенем эдуев, «были добавлены предназначенные для гладиаторских игр рабы, по обычаю племени облаченные в сплошные железные латы, так называемые крупелларии, мало пригодные для нападения, но зато неуязвимые для наносимых врагом ударов. Вождь эдуев Юлий Сакровир поставил этих латников впереди своего войска, на направлении главного удара римлян. В результате именно они несколько задержали разгром эдуев, «так как их доспехи не поддавались ни копьям, ни мечам; впрочем, воины, схватившись за секиры и кирки, как если бы они рушили стену, стали поражать ими броню и тела; другие при помощи кольев валили эти тяжелые глыбы, и они, словно мертвые, продолжали лежать на земле, не делая ни малейших усилий подняться» (Тас. Ann. III. 43, 45, 46). Последнее обстоятельство, отмеченное Тацитом, невольно заставляет вспомнить тяжелые доспехи европейских рыцарей позднего средневековья. Что конкретно входило в состав вооружения крупеллариев, сказать трудно, но, если прав М. Юнкельманн, предполагая, что именно крупеллария изображает бронзовая статуэтка из Вертиньи,¹ то такое со-

¹ *Junkelmann M. Das Spiel mit dem Tod. Mainz am Rhein, 2000. S. 83.*

поставление имеет под собой некоторые основания. На голове воина горшковидный шлем с выступом в форме носа и множеством отверстий. Горизонтальная полоска в верхней части шлема, скорее всего, является смотровой щелью. Полосы на груди, руках, поясе и бедрах, очевидно, демонстрируют использование в доспехе какой-то ламинарной конструкции. Еще одно восстание гладиаторов произошло при Нероне в 64 г. н. э., когда бойцы из Пренестинской школы, выстроенной местным уроженцем (CIL. XIV. 3014) в маленьком городке недалеко от Рима, предприняли неудачную попытку обрести свободу, но были усмирены приставленной к ним бдительной воинской стражей (Тас. Ann. XV. 46). В последний раз повод вспомнить Спартака появился двести с лишним лет спустя, в правление императора Проба (276–282 гг.): в самом Риме восемьдесят гладиаторов перебили надсмотрщиков и прорвались за городские стены. Впрочем, далеко им уйти не удалось, и все они погибли, изрубленные императорской гвардией.¹

Заключение

Образ гладиатора давно стал одним из символов древнеримской цивилизации, а самое грандиозное сооружение, где проводились гладиаторские бои, – напоминанием об играх древности. Именно поэтому фрагмент его внешней стены с рядами арок почти восемьдесят лет, с 1928 по 2000 гг., помещали на лицевой стороне олимпийских медалей. Правда, после дискуссии по поводу того, что Колизей «не имеет ничего общего с олимпийскими идеалами – идеалами мира и дружбы между народами» они приняли другой вид: теперь там изображена богиня победы, летящая над Панатенаиконом – афинским стадионом, построенным к первым возрожденным Олимпийским играм 1896 г.

Конечно, негативное отношение к Колизею имеет под собой определенные основания. Действительно, как развитая цивилизация могла мириться с существованием кровавых зрелищ и пристрастием к ним всего народа? Людвиг Фридендер (1824–1909), большой знаток жизни древнеримского общества, считал, что гладиаторские бои характеризуют его как «упадническое, с гнусным народом». Другой крупный специалист в области античной истории французский ученый Жером Каркопино (1881–1970) по этому поводу написал: «Из

¹ Тарновский В. Гладиаторы. М., 1998. С. 19.

*Медаль Олимпийских игр 2000 г. в Сиднее
с характерными очертаниями Колизея*

*Современные гладиаторы на «дежурстве»
близ Колизея*

уважения к римскому народу мы хотели бы исключить эту страницу из их истории». Можно осуждать римлян за растянувшееся на несколько столетий влечение к гладиаторским играм и не понимать того, какое удовольствие могли доставлять эти представления, но не следует забывать о разнице в менталитете современного человека и людей далекого прошлого, для которых смертельные схватки были совершенно нормальным явлением. Чтобы лучше понять римский народ – не более жестокий, чем другие, – необходимо отрешиться от современной морали и понять феномен созданной им цивилизации в определенном историческом и социальном контексте. Сравним высказывания двух просвещенных римских авторов, которых невозможно обвинить в жестоком отношении к людям – это Цицерон и Плиний Младший. Первый из них утверждал, что «никакой урок преодоления боли и смерти не может действовать более эффективно, если он обращен не через уши, но через глаза», а второй, говоря о зрелище гладиаторских боев, отмечал, что оно «способно воспламенить мужественные души видом ран и презрением к смерти, заставляя возникать в душах рабов и преступников любовь к славе и желание победы». Безусловно, римская публика не даровала милость слабому, но зато могла оценить храбрость и не позволяла предать смерти отважного бойца.

Что касается любви римлян к кровавым представлениям, то вспомним: ведь еще лет двести с небольшим назад публичные казни не только не вызывали никакого отторжения в просвещенной Европе, но и собирали толпы людей, выходцев из самых различных слоев общества. А так ли уж отличается от римского венацио, где сохраняли жизнь зверю-победителю, испанская коррида, которая является даже более жестокой: ведь в корриде быка убивают в любом случае. В наши дни людям, порой, не хватает адреналина в крови, отсюда популярность различных триллеров или фильмов-катастроф.

Даже накал футбольных страстей не всегда дает желаемый результат. Так, по мнению журнала «Maxim», многие итальянцы устали от футбольных матчей и с удовольствием бы заменили их гладиаторскими боями. Большая часть опрошенных – 25% – утверждает, что футбол устарел по своей форме и стилю, не предоставляет зрителям сильных эмоций и не способен уже ничем удивить. 15% считают, что гладиаторские бои являются приятным и вполне нормальным зрелищем, мало чем отличающимся от спортивной борьбы. Интересно отметить, что 34% опрошенных, т. е. большая их часть, жаждут посмотреть настоящий кровавый бой с мечами, щитами, сетями и трезубцами. 20% осторожно заявили, что один раз они все же были бы не прочь взглянуть на подобное мероприятие. Наконец, только 7% отрицательно отнеслись к подобной инициативе, отвергая ее как нечто абсолютно несовременное. Таким образом, желание новых ощущений берет верх над всеми прочими соображениями. Видя, что интерес к гладиаторским боям по-прежнему будоражит воображение итальянцев, в стране нашлись энтузиасты открытия настоящих гладиаторских школ, но без пролития крови. С 1994 г. в Комо-Бергамо и в Риме открыты школы для современных гладиаторов, где полностью воспроизведены правила боя и экипировка, использовавшиеся в древности. Одна из римских школ находится на Via Appia Antica. Здесь можно увидеть одежду тех времён, военные механизмы, познакомиться с организацией проведения гладиаторских боев, музыкальными инструментами, оружием, кулинарными рецептами, да всего и не перечислить. Большое впечатление производят сражающиеся на арене воины, окруженные кричащей толпой, но, на самом деле, это обычная тренировка современных гладиаторов. Хотя итальянцы постарались на славу. По правилам школы, ее ученики носят латинские имена, что также помогает созданию обстановки давно прошедших времен. Эта гладиаторская школа является

своеобразным живым музеем, где все достоверно воспроизведено по античным образцам. Поклонники Римской империи собираются здесь по вечерам во вторник и четверг. Их выборный глава именуется император Нерон, но имеются среди них и другие персонажи: сенаторы, гладиаторы, танцовщицы, legionеры. Гладиаторские курсы длятся два месяца. За это время читаются лекции по технике вооруженного противоборства, а также производятся практические занятия на арене. Выпускники получают диплом новичка-гладиатора. Желающим предлагаются дополнительные курсы по углублению полученных знаний и навыков, которые можно продемонстрировать каждые вторник и пятницу в ходе гладиаторских представлений. Итальянскую инициативу поддержали в других странах, и с 2000 г. проводятся интернациональные турниры гладиаторов, носящие чисто спортивный характер. Эти театрализованные представления, со скрупулезной точностью воссоздающие реалии прошлого, находят все больше и больше последователей, желающих пережить те эмоции, которые испытывали мирмиллоны или ретиарии. Для широкой публики это удачный повод лучше познакомиться с таким явлением древнеримской цивилизации, как гладиаторские игры, а также попробовать блюда античной кухни, полюбоваться строем легионеров или понаблюдать за работой стилизованного рынка рабов.

В Риме можно найти и других гладиаторов. В любое время дня у древних стен Колизея одетые в доспехи они несут свою службу, только теперь борьба ведется не с вооруженными противниками или хищниками, а с проходящими мимо туристами. Всего за 20 долларов новые гладиаторы предлагают попозировать перед объективом, не забывая добавить, что второе фото – бесплатно. Заработанные деньги передаются начальнику, который быстро складывает их в пристегнутый на боку кожаный мешочек. Городские власти и карабинеры смотрят на

подобный бизнес сквозь пальцы, поэтому подобные предприниматели, неплохо зарабатывая, не платят налоги государству. Миновав их заслон, можно увидеть очищенный от мусора и бывшего растительного покрова древний амфитеатр, прежде всего поражающий своими внушительными размерами, кстати, показавшимися недостаточными режиссеру Ридли Скотту, когда он ставил своего «Гладиатора». Посетители Колизея могут подняться на лифте до середины этого сооружения и полюбоваться оттуда прекрасным видом на центр Рима и арену, загроможденную элементами откопанного фундамента. Их число постоянно растет и в разгар сезона достигает уже восемнадцати тысяч в день, или трех миллионов в год. И каждый из них заново решает для себя окрашенный нашим неприятием свойственных римскому обществу насилия и жестокости, вопрос о том, чем оно отличалось от современного, окружающего нас мира.

Библиография

Письменные источники

Ael. Lampr. Comm. = Элий Лампридий. Коммод Антонин / Пер. С. Н. Кондратьева под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992.

Ael. Lampr. Geliogab. = Элий Лампридий. Антонин Гелиогабал / Пер. С. Н. Кондратьева, под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М. 1992.

Ael. Spart. Ant. Car. = Элий Спартиан. Антонин Каракалл / Пер. С. Н. Кондратьева, под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М. 1992.

Ael. Spart. Did. Iul. = Элий Спартиан. Дидий Юлиан / Пер. С. Н. Кондратьева, под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М. 1992.

Ael. Spart. Hadr. = Элий Спартиан. Жизнеописание Адриана / Пер. С. Н. Кондратьева, под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992.

Am. Marc. = Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. СПб., 1994.

App. Bell. Civ. = Аппиан. Гражданские войны / Пер. под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера. СПб., 1994.

App. Iber. = Аппиан. Иберские войны / Пер. С. П. Кондратьева. // Аппиан Александрийский. Римская история. М., 2002.

Artemid. Oneirokr. = Артемидор Далдианский. Онейрокритика / Пер. О. Л. Левинской. М. 1994.

Athen. = Афиней. Пир мудрецов / Пер. Н. Т. Голинкевича, под ред. М. Л. Гаспарова. М. 2003.

Aug. Conf. = Аврелий Августин. Исповедь / Пер. М. Е. Сергеенко. М., 2007.

Caes. De bello Gall. = Гай Юлий Цезарь. О галльской войне / Пер. М. М. Покровского // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. М., 1993.

Caes. De bello civ. = Гай Юлий Цезарь. О гражданской войне / Пер. М. М. Покровского // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. М., 1993.

Cic. Ep. = Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / Пер. В. О. Горенштейна // Марк Туллий Цицерон. Письма. Т. I—III. М.—Л., 1949–1951.

Cic. De har. resp. = Марк Туллий Цицерон. Речь об ответах гарспиков / Пер. В. О. Горенштейна // Марк Туллий Цицерон. Речи. Т. II. М., 1962.

Cic. pro Mil. = Марк Туллий Цицерон. Речь в защиту Тита Анния Милона / Пер. В. О. Горенштейна // Марк Туллий Цицерон Речи. Т. I. М., 1962.

Cic. pro Sest. = Марк Туллий Цицерон. Речь в защиту Секста Росция из Америк / Пер. В. О. Горенштейна // Марк Туллий Цицерон Речи. Т. I. М., 1962

Cic. pro Sull. = Марк Туллий Цицерон. Речь в защиту Публия Корнелия Суллы / Пер. В. О. Горенштейна // Марк Туллий Цицерон. Речи. Т. II. М., 1962

Cicer. Tusc. = Марк Туллий Цицерон. Тускуланские беседы / Пер. М. Л. Гаспарова // Марк Туллий Цицерон. Избранные сочинения. М., 1975.

Dio Cass. = Дион Кассий. Римская история = Dio's Roman History / With an English Translation by E. Cary, on the Basis of the Version of H. B. Foster. Vol. 1–9. London–N.-Y., 1914–1927.

Fl. Vop. Prob = Флавий Вописк Сиракузанин. Проб / Пер. С. Н. Кондратьева под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992.

Flor. = Луций Анней Флор. Две книги римских войн / Пер. А. И. Немировского // Малые римские историки. М. 1996.

Front. Strat. = Фронтин. Военные хитрости / Пер. А. Рановича. СПб., 1996.

Gell. = Авл Геллий. Аттические ночи / Пер. А. Я. Тыжова. СПб., 2007.

Jos. Fl. Bell. Jud. = Иосиф Флавий. Иудейская война / Пер. М. Финкельберг и А. Вдовиченко. М.—Иерусалим, 1993.

Her. Hist. = Геродиан. История императорской власти после Марка / Под ред. А. И. Доватура. СПб., 1995.

Hom. Il. = Гомер. Илиада / Пер. Н. И. Гнедича. М., 1985.

Isid. Ethim. = Исидор Севильский. Этимологии или Начала / Пер. Л. А. Харитонова. СПб., 2006.

Iul. Capit. Gord. = Юлий Капитолин. Трое Гордианов / Пер. С. Н. Кондратьева, под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992.

Iul. Capit. M. Anton. = Юлий Капитолин. Трое Гордианов / Пер. С. Н. Кондратьева, под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992.

Iul. Capit. Max. et Balb. = Юлий Капитолин. Максим и Бальбин / Пер. С. Н. Кондратьева, под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992.

Iul. Capit. Pius = Юлий Капитолин. Антонин Пий / Пер. С. Н. Кондратьева, под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992.

Iul. Capit. Ver. = Юлий Капитолин. Вер / Пер. С. Н. Кондратьева под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992.

Iuv. = Ювенал. Сатиры / Пер. Д. С. Недовича. СПб. 1989.

Liv. = Тит Ливий. История Рима от основания города / Под ред. М. Л. Гаспарова и др. Т. I—III. М., 1989–1993.

Liv. Epit. = Тит Ливий. История Рима от основания города. Эпитома / Под ред. М. Л. Гаспарова и др. Т. III. М., 1989–1993.

Luc. Tox. = Лукиан. Токсарид или Дружба / Пер. Д. Н. Сергеевского, под ред. А. И. Зайцева // Лукиан Самосатский. Сочинения. Т. I. СПб., 2001.

Mart. Epigramm. = Марциал. Эпиграммы / Пер. Ф. А. Петровского под ред. М. Л. Гаспарова. СПб., 1994.

Mart. Spect. = Марциал. Книга зрелищ / Пер. Ф. А. Петровского, под ред. М. Л. Гаспарова // Марк Валерий Марциал. Эпиграммы. СПб., 1994.

Nic. Dam. Vita Aug. = Николай Дамасский. О жизни цезаря Августа и его воспитании / Пер. Е. Б. Веселаго // Вестник древней истории. 1960. № 4.

Oros. = Павел Орозий. История против язычников. Кн. VI–VII / Пер. В. М. Тюленева. СПб., 2004.

Ovid. Ars amandi = Овидий. Искусство любви / Пер. М. Гаспарова // Овидий. Элегии и малые поэмы. М., 1973.

Petr. = Петроний. Сатирикон / Под ред. Б. И. Ярхо. М., 1990.

Plin. Nat. Hist. = Плиний Старший. Естественная история / Пер. Г. А. Тароняна // Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. М., 1994.

Plin. Sec. Epist. = Плиний Младший. Письма / Пер. М. Е. Сергеев и А. И. Доватура // Письма Плиния Младшего. М., 1983.

Plut. Caes. = Плутарх. Цезарь / Пер. Г. А. Стратановского и К. П. Лампсакова // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3-х т. Т. II. М., 1963.

Plut. Cat. = Плутарх. Катон / Пер. С. П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3-х т. Т. III. М., 1963.

Plut. Crass. = Плутарх. Красс / Пер. В. В. Петуховой // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3-х т. Т. II. М., 1963.

Plut. Oton. = Плутарх. Отон / Пер. С. П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3-х т. Т. III. М., 1963.

Plut. Them. = Плутарх. Фемистокл / Пер. С. И. Соболевского // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3-х т. Т. I. М., 1961.

Polyaen = Полиен. Стратегемы / Под ред. А. К. Нефедкина. СПб., 2002.

Polyb. = Полибий. Всеобщая история / Пер. Ф. Г. Мищенко. Т. I–III. СПб., 1994–1995.

Sallust. De Catil. = Саллюстий. О заговоре Катилины / Пер. В. О. Горенштейна. М. 1981.

Sallust. Hist. = Саллюстий. История / Пер. В. О. Горенштейна. М., 1981.

Sen. Epist. = Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию / Пер. С. А. Ошерова. М., 1977.

Strab. = Страбон. География / Пер. Г. А. Стратановского. М., 1964.

Suet. Aug. = Гай Светоний Транквилл. Август / Пер. М. Л. Гаспарова // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.

Suet. Domit. = Гай Светоний Транквилл. Домициан / Пер. М. Л. Гаспарова // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.

Suet. Caes. = Гай Светоний Транквилл. Цезарь / Пер. М. Л. Гаспарова // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.

Suet. Calig. = Гай Светоний Транквилл. Калигула / Пер. М. Л. Гаспарова // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.

Suet. Claud. = Гай Светоний Транквилл. Божественный Клавдий / Пер. М. Л. Гаспарова // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.

Suet. Ner. = Гай Светоний Транквилл. Нерон / Пер. М. Л. Гаспарова // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.

Suet. Tib. = Гай Светоний Транквилл. Тиберий / Пер. М. Л. Гаспарова // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.

Suet. Tit. = Гай Светоний Транквилл. Тит / Пер. М. Л. Гаспарова // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.

Suet. Vit. = Гай Светоний Транквилл. Вителлий / Пер. М. Л. Гаспарова // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.

Symm. = Аврелий Симмах. Письма / Пер. Тас. Агр. = Корнелий Тацит. Жизнеописание Юлия Агриколы / Пер. А. С. Бобовича, ред. М. Е. Сергеев // Корнелий Тацит. Соч. в 2-х т. Т. I. Л., 1969.

Tac. Ann. = Корнелий Тацит. Анналы / Пер. А. С. Бобовича, ред. Я. М. Боровского // Корнелий Тацит. Соч. в 2-х т. Т. I. Л., 1969.

Tac. Hist. = Корнелий Тацит. История / Пер. Г. С. Кнабе, ред. М. Е. Грабарь-Пассек // Корнелий Тацит. Соч. в 2-х т. Т. II. Л., 1969.

Tertul. Ad Martyr. = Тертуллиан. К мученикам / Пер. Э. Юнца // Квинт Септимий Флорент Тертуллиан. Избранные сочинения. М., 1994.

Tertul. De spect. = Тертуллиан. О зрелищах / Пер. Э. Юнца // Квинт Септимий Флорент Тертуллиан. Избранные сочинения. М., 1994.

Treb. Poll. Gall. = Требеллий Поллион. Двое Галлиенов / Пер. С. Н. Кондратьева, под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М. 1992.

Val. Max. = Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения / Пер. С. Ю. Трохачева. СПб., 2007.

Veget. = Флавий Вегетий Ренат. Краткое изложение военного дела / Пер. С. П. Кондратьева // Греческие полиоркеттики. Флавий Вегетий Ренат. СПб., 1996.

Vell. Pat. = Веллей Патеркул. Римская история / Пер. А. И. Немировского // Малые римские истории. М., 1996.

Vitr. = Витрувий. Десять книг об архитектуре / Пер. Ф. А. Петровского. М., 2005.

Научная и научно-популярная литература

Архитектура античного мира / Сост. В. П. Зубов и Ф. А. Петровский. М. 1940.

Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976.

Берд М., Хопкинс К. Колизей. М.-СПб., 2007.

Брабич В., Плетнева Г. Зрелища древнего мира. Л., 1971.

Велишский Ф. Быт и нравы древних греков и римлян. М., 2000.

Горсков В. Военное искусство Спартака // Военно-исторический журнал. 1972. № 3.

Златковская Т. Д. Мезия в I-II вв. нашей эры. М. 1951

Карышковский П. О. Восстание Спартака. М. 1958.

Коарелли Ф., Де Альбентис Э., Гвидобальди М. П. и др. Помпеи. М., 2002.

Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000.

Коржева К. П. Восстание Спартака в советской историографии // Вопросы истории. 1974. № 1.

Лесков В. А. Спартак. М., 1983.

Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.-Л., 1956.

Манникс Д. Идущие на смерть. М., 1994.

Мишулин А. В. Спартаковское восстание. М., 1936.

Мишулин А. В. Спартак. М., 1947.

Мэттьюз Р. Гладиаторы. М., 2006.

Носов К. С. Гладиаторы. СПб., 2005.

Паолуччи Ф. Гладиаторы: обреченные на смерть. М. 2007.

Рим: эхо имперской славы. М., 1997.

Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913–1914.

Сергеенко М. Е. Помпеи. М.-Л., 1949.

Сергеенко М. Е. Простые люди древней Италии. М., 1964.

Сергеенко М. Е. Жизнь в древнем Риме. СПб., С. 2000.

Сидорова Н. А., Чубова А. П. Искусство Римской Африки. М., 1979.

Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.

Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969.

Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1972.

Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1976.

Хёфлинг Г. Римляне, рабы, гладиаторы. М., 1992.

Штаерман Е. М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи (Италия и западные провинции). М., 1961.

Щеглов А. Н. К вопросу о гладиаторских боях в Херсонесе Таврическом // Eirene. Praha. 1966.

Этруски: италийское жизнелюбие. М., 1998.

Anderson J. K. Hunting in Ancient World. L., 1985.

Auget R. Cruelty and Civilisation. The Roman Games. L., 1972.

Grant M. Gladiators. New York, 1995.

Junkelmann M. Das Spiel mit der Tod. Mainz am Rhein. 2000.

Junkelmann M. Familia Gladiatoria: The Heroes of Amphitheatre // Gladiators and Caesars. L., 2000.

Kühne E. Bread and Circusses: The Politics of Entertainment // Gladiators and Caesars. L., 2000.

Kyle D. G. Spectacles of Death in Ancient Rome. L.-N.Y., 1998.

Robert L. Les gladiateurs dans l'Orient grecque. P., 1940.

Ville G. La gladiature en occident des origines a la mort de Domitian. Rom, 1981.

Wiedeman T. Emperors and Gladiators. L.-N.Y., 1992.

Wisdom S. Gladiators – 100 BC-AD 200. Oxford, 2001.

Список сокращений

CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum

Словарь терминов

Амфитеатр – здание эллиптической формы, предназначенное для проведения гладиаторских игр.

Андабат – гладиатор, сражавшийся вслепую, в глухом шлеме без прорезей для глаз.

Арбелас – гладиатор с трубчатым наручем, завершавшимся клинком в форме полумесяца.

Арена – покрытая слоем песка площадка амфитеатра.

Аукторат – подписавший контракт гладиатор-доброволец.

Балтей – защитный пояс гладиатора.

Бестиарий – человек, готовивший животных перед выступлением венаторов.

Бустуарий – гладиатор, участвовавший в погребальных играх в честь умершего.

Веларий – тент из полос ткани для защиты зрителей от солнца и непогоды.

Венатор – гладиатор, сражавшийся с дикими зверями.

Венацио – так называемая «охота», представление, в котором демонстрировали экзотических животных, натравливали диких зверей друг на друга или использовали их для схваток с людьми.

Венабул – легкое копье для боя с животными.

Вольноотпущенники – в античном обществе отпущенные или выкупившиеся на свободу рабы, остававшиеся в разной степени зависимости от бывшего владельца.

Всадники – в Древнем Риме привилегированное сословие с высоким имущественным цензом; к нему принадлежали землевладельцы, военные, ростовщики, крупные торговцы и др.

Галер – наплечник ретиария или лакверария, обеспечивавший защиту шеи от боковых ударов.

Галаты – греческое название галльских (кельтских) племен, вторгшихся в Малую Азию в 278 г. до н. э. и осевших в центральной части полуострова (область Галатия) около 232 г. до н. э.

Галл – название одного из ранних типов гладиаторов, появившихся после побед римлян над галлами (кельтами).

Гетулы – название, под которым было известно кочевое племя, обитавшее в оазисах Сахары, к югу от Атласских гор; предки современных туарегов.

Гипогеум – комплекс вспомогательных помещений под ареной амфитеатра.

Гладиус – короткий меч с прямым клинком.

Гопломах – гладиатор, вооруженный копьем и гладиусом и защитной экипировкой в виде шлема, высоких поножей, маники и небольшого круглого щита.

Грегарий – участник массового сражения на арене амфитеатра.

Дилидиум – перерыв между боями.

Димахер – гладиатор, выступавший с двумя мечами или кинжалами.

Драхма – серебряная монета в Древней Греции, содержала около 6 г серебра (в Афинах – 4,37 г).

Кардиофилакс – металлическая пластина для защиты груди гладиатора.

Карфаген – древний город-государство в Северной Африке (территория современного Туниса), основанный в 825 г. до н. э. финикийцами. К началу III в. до н. э., завоевав Северную Африку, Сицилию (кроме Сиракуз), Сардинию и Южную Испанию, превратился в могущественную державу Средиземноморья, что привело к столкновению между ним и Римом – Пуническим войнам (264–146 гг. до н. э.).

Карцер – анфилада помещений вокруг арены за стеной подиума.

Консулы – в Древнем Риме избиравшиеся сроком на один год верховные магистраты, наделенные высшими военными, судебными и административными полномочиями; в военное время проводили воинский набор, назначали большую часть офицеров и возглавляли армию, а в мирное время руководили заседаниями сената и народного собрания, выдвигали проекты законов.

Крупелларий – гладиатор в сплошном тяжелом доспехе.

Лакверарий – гладиатор с вооружением ретиария, но с лассо вместо сети.

Ланиста – частное лицо, занимавшееся подготовкой гладиаторов в специальной школе с целью их сдачи в наем или продажи.

Маника – матерчатый, кожаный или металлический наруч с мягкой посадкой.

Маппа – ярко окрашенный кусок ткани для раздраживания животных.

Мирмиллон – гладиатор, в состав вооружения которого входил шлем, короткий понож на левой ноге, маника на правой, щит – skutum и гладиус.

Миссио – решение зрителей о пощаде для побежденного гладиатора.

Навмахия – потешное сражение на воде с участием нескольких кораблей и одновременно название специального сооружения для морских боев.

Ноксии – приговоренные к смерти преступники, которых казнили на арене или заставляли биться насмерть между собой.

Палус – деревянный столб для отработки ударов мечом, этот термин служил также для обозначения ранга гладиатора.

Патриции – потомки древнейшей римской знати.

Пегниарий – гладиатор облегченного типа с вооружением в виде кнута и палки, стегаными обмотками на ногах и левой руке, развлекавший публику между серьезными поединками на арене.

Подиум – первый ряд мест в амфитеатре, предназначенный для знатных зрителей; его стена ограждала по периметру арену.

Помпа – торжественная процессия перед началом гладиаторских игр.

Понтифики – в Древнем Риме избиравшиеся пожизненно члены одной из важнейших жреческих коллегий, ведавшей общегосударственными религиозными обрядами, составлением и исправлением календаря, а также списков консулов с ежегодными записями важнейших событий; их главной обязанностью было поддерживать мир между богами и людьми (с 383 и до нашего времени титул «великого понтифика» носят римские папы).

Преторы – высшие (после консулов) римские магистраты, ведавшие судопроизводством по гражданским делам и замещавшие консулов в их отсутствие. В последнем случае преторы могли созывать народное собрание и сенат, предлагать законопроекты и командовать войском.

Провокатор – гладиатор, в состав экипировки которого входили шлем, маника, нагрудник, поножь на левой ноге, большой щит и гладиус.

Пролузио – гладиаторский бой с использованием тупого оружия, обычно перед поединками с настоящим вооружением.

Ретиарий – гладиатор с вооружением из трезубца, кинжала и сети; защитой его левой руки служили маника и галер.

Рудиарий – гладиатор, получивший деревянный тренировочный меч как символ освобождения.

Сагиттарий – гладиатор со сложносоставным луком, с коническим шлемом и чешуйчатым доспехом.

Самниты – древнеиталийские племена, занимавшиеся преимущественно скотоводством, первоначально обитали в центральной Италии, в Апеннинских горах. В V в. до н. э. часть самнитов заняли западную и юго-западную часть Апеннинского полуострова. Эти племена, смешавшиеся с местным населением, известны под название кампанцы, луканы и бруттии. В IV–III вв. до н. э.

вели войны с Римом, после поражения в Союзнической войне 90–88 гг. до н. э. были почти полностью истреблены, а оставшиеся самниты подверглись романизации.

Секутор – гладиатор-«контрретиарий» с вооружением, напоминающим мирмиллона, кроме округлого гладкого шлема, рассчитанного на отражение попыток набросить на него сеть.

Сестерций – древнеримская монета, являвшаяся основной счетной и монетной единицей. Сначала чеканилась из серебра, с конца I в. до н. э. – из особой бронзы ярко-желтого цвета. Составляла одну четвертую денария и одну сотую ауреуса, римской золотой монеты. Годовое жалованье рядового legionera при Октавиане Августе составляло 1000 сестерциев, проданный на торгах раб стоил 6 тысяч сестерциев, а ежедневные расходы семьи из трех человек не превышали 7 сестерциев.

Скутум – большой деревянный щит с кожаным или войлочным покрытием.

Спатарий – гладиатор эпохи поздней империи, вооруженный длинным мечом-спатой (клинок не менее 70 см).

Сполиарий – мертвецкая на конце главной оси амфитеатра, куда поступали тела убитых гладиаторов.

Стоики – последователи одной из наиболее влиятельных философских школ античности, основанной около 300 г. до н. э. Зеноном из Кития; в области этики конечной нравственной целью для них являлась жизнь согласно разумной природе, тождественная счастью и добродетели.

Сублигакул – набедренная повязка гладиаторов из большого куска ткани треугольной формы.

Сумма рудис – главный судья в ходе проведения гладиаторских игр.

Умбон – металлическая бляха полусферической или конической формы в центре щита, защищавшая от пробивающих ударов руку воина.

Фамилия гладиатория – группа гладиаторов под общим названием; обычно в таком случае упоминалась школа или имя владельца.

Фасции круралес – стеганные обмотки для рук или ног.

Форум – в Древнем Риме площадь или рынок, ставшие центром деловой и общественной жизни.

Фракиец – тип гладиатора, отличительным признаком которого был кривой кинжал «сика»; в состав вооружения входили также шлем с загнутым вперед гребнем, высокие поножи, небольшой прямоугольный щит и маника.

Фусцина – трезубец ретиария.

Цирк – архитектурное сооружение вытянутой эллиптической формы, предназначенное для состязаний колесниц.

Эдитор – устроитель гладиаторских игр, во многом определявший их распорядок и принимавший решение об участии побежденных бойцов.

Эдилы – городские магистраты (обычный возраст – 36–37 лет), следившие за чистотой римских улиц, состоянием храмов и общественных сооружений, за рыночными ценами и мерами веса и т. д. Особенное значение имела их обязанность устраивать общественные зрелища: стремясь к высшим государственным должностям, эдилы с помощью пышных представлений «покупали» голоса будущих избирателей.

Эквит – конный гладиатор, начинавший сражение поединком с копьем и продолжавший его с мечом в пешем бою; в составе защитного вооружения имел шлем без гребня с широкими полями, манику на правой руке и круглый кавалерийский щит.

Эсседарий – тип гладиатора, появившийся после побед римского оружия в Британии; сначала выезжал и сражался на колеснице, затем переходил к пешему бою; вооружение включало шлем без полей, овальный щит и меч.

Этруски (греч. «тиррены») – древний народ, населявший в I тыс. до н. э. область Центральной Италии между реками Арно, Тибр и Апеннинскими горами (современная Тоскана).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
1. Кровавые погребальные игры как «долг смерти»	16
2. От погребальных боев до профессионально организованных зрелищ	43
3. Ремесло гладиатора	85
4. Оружие гладиаторов	133
5. Римские амфитеатры и навмахии	155
6. Гладиаторские игры на северо-восточной окраине античного мира	223
7. Гладиаторы на службе у римских политиков	237
8. Восстания гладиаторов	249
Заключение	301
Библиография	307
Список сокращений	313
Словарь терминов	314

Владимир Горончаровский

ГЛАДИАТОРЫ В БОЮ

На арене и полях сражений

Издано в авторской редакции

Художественный редактор П. Волков

Компьютерная верстка Н. Миронова

Корректор Н. Крамер

ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в ООО «Дип pocket»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd.
for their orders. foreignseller@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформ-
лении, обращаться в ООО «Форум»:** тел. 411-73-58 доб. 2598. E-mail: vpzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 268-83-59/60.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 501-91-19.
Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухарева пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.01.2008.
Формат 60х90^{1/16}. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 20,0. Тираж 5100 экз.
Заказ № 2800.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Образ гладиатора давно стал одним из символов древнеримской цивилизации, а колоссальные развалины Колизея – главным памятником величайшей Империи в человеческой истории.

Однако первые гладиаторские бои состоялись в Риме задолго до строительства этой грандиозной арены.

Изначально поединки гладиаторов проводились на поминках, чтобы умиловить и повеселить души усопших, а пролитая на арене кровь считалась жертвой в честь покойного. Но со временем эти бои потеряли свой сакральный смысл, став кровавым развлечением, любимым зрелищем римлян – как черни, так и знати. На гладиаторские игры тратились огромные деньги. Наградой победителю служила пальмовая ветвь, получение которой отмечалось даже на надгробных стелах, а лучшим из лучших вручали деревянный меч (рудис) – символ свободы.

Впрочем, был и другой способ обрести свободу. Именно гладиаторы подняли и возглавили величайшее восстание рабов, потрясшее основы Римской Республики. Могучему Риму потребовалось более двух лет и предельное напряжение всех сил, чтобы разгромить армию легендарного Спартака, имя которого наводило ужас даже на непобедимые римские легионы...

Новая книга Владимира Горончаровского – подробный и увлекательный рассказ о кровавом ремесле гладиаторов, об их обучении и вооружении, воинских обычаях и различных стилях боя, наградах и наказаниях, о стоимости бойцов и их шансах уцелеть, об их жизни и смерти – как на арене, так и на полях сражений.

ISBN 978-5-899-26207-6

9 785699 262076 >

